

The book cover features a romantic illustration of a man and a woman. The man, on the right, has dark hair and is wearing a dark suit with a white shirt and tie. He is gently holding the woman's face with his hands. The woman, on the left, has long, wavy brown hair and is wearing a long, flowing reddish-brown dress. They are standing in a garden of pink cherry blossom trees, with petals falling around them. The scene is framed by a decorative, ornate border.

Анна Невер

**Обжигаящий
след**

Потерянные

Анна Невер Обжигающий след. Потерянные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70052113

SelfPub; 2023

Аннотация

Быть рядом с любимым, но не иметь возможности коснуться. Смотреть, но не в силах сказать ни слова. Что это, как не насмешка злой судьбы?..Тиса и Демьян – потерянные. Для мира, для судьбы, и друг для друга. И пока они пытаются найти дорогу к самим себе, некто таинственный собирается отнять у них будущее, призвав в подмогу безглазую свору невиданных существ.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Дом Отрубиных	12
Глава 2 – Евсифонова школа	33
Глава 3 – Ночные ныряльщики и первый урок	56
Глава 4 – Графья Озерские	75
Глава 5 – Лента	90
Глава 6 – Званный ужин	107
Глава 7 – Путь Рича	127
Глава 8 – Тайна Лизоньки или поверженный дракон	155
Глава 9 – Чтец	175
Глава 10 – Шиповник, половник и табор кочевников	193
Глава 11 – Проблеск успеха	220
Глава 12 – Аптека Агаты	242
Конец ознакомительного фрагмента.	243

Анна Невер

Обжигающий след. Потерянные

Пролог

Ноябрь, 9023г. от сотворения Хорна.

Белодраконье плато

Новые шкафы для картотеки предсказаний устанавливали не менее двух дюжин рослых курсантов и пятеро работников отдела. И все равно не могли справиться без нее.

Начальница отдела предсказаний профессор Евдокия Ленонтьевна Плетняк скептически надзирала за ведением работ. Для столь высокой загадочной должности она выглядела вполне заурядно – худенькая невысокого роста женщина в шляпке-блине, которой она прикрывала редкие цвета графита волосы. Кроме радужных очков на остром лице отсутствовали хоть какие-то признаки принадлежности к необычной профессии – ни тебе когтей, как у дракона, ни загробного голоса, ни фиолетовых волос с начесом до потолка. Обычное лицо, ну разве что тик выщипанной брови – так это у всех преподавателей бывает. В общем, никакой пищи для

фантазии любопытных новичков-курсантов. И эта старушка предсказывает будущее?

– Двигайте дальше, молодые люди, куда вы его поставили? Обивку стены оцарапали! Одни убытки от вас! И как я должна подходить к ящикам, спрашивается? Я не дракон, летать не умею, – Евдокия Леонтьевна, словно маленький комар, зудела на ухо богатырям,двигающим мебельные горы.

– Так вы же все равно их вэй открывать будете, – буркнул какой-то храбрец.

– И что теперь? Я должна терпеть неудобство у себя в отделе?

– А нельзя было с помощью вэй расставить шкафы?

– Знаете, молодые люди, какой мощи должен быть наклад, чтобы поднять эту мебель? – возмущенно «прозудела» Евдокия. – Вы хотите, чтобы у меня здесь все свитки засветились? Все. Хватит балаболить. Двигаем, куда сказала, – хриплым голосом прикрикнула профессор. – Этак я с вами до вечера проканителюсь.

Молодые люди энергично завозились.

– Не одаришь, не пошевелятся, – проворчала под нос себе вэйна. – Сил уж нет объяснять.

В смежную комнату сунулся очередной курсант из новоприбывших и оказался сметенным волной пророческих свитков. Маленькая профессор подняла за ухо любопытного и отвела к невозделанному полю, то бишь к очередному кряжистому дубовому монстру. Одним взмахом малахитового

жезла сдула свитки обратно и запечатала дверь.

Работа двинулась в гору. Как только последний шкаф был установлен на положенное место, Евдокия не выдержала и выдворила всех из отдела, даже своих подчиненных, поддав им ветра в спины. Наслаждаясь свободой, старушка махнула рукой на беспорядок и развалилась на излюбленном топчане с книгой. Его она точно не поменяет ни на какой другой.

– Совсем измотали. Столько возни в простейшем деле.

Женщина только увлеклась «Хроникой царских переворотов» томом пятым, как ее снова побеспокоили. На этот раз ее бывший ученик, которого она уже не видела лет пять, еще с той странной истории с исчезновением императорского племянника.

Вэйн коротко поклонился. Длинная пола черного сюртука не полностью скрывала ореховый скип, перехваченный кольцами из бивня роноса. В правой руке колдун держал тонкую васильковую ленту с серебристой каймой.

– А-а, главвэй спецстражи, редкая птица, – усмехнулась старушка, жестом приглашая гостя войти. – Как обычно, сюрпризом, Дёма. Надеюсь, хоть сейчас заглянул к Плетняк не по неотложному делу, а по доброй памяти? Кофейку шуйского испить, поговорить по душам. Хотя, – колючий взгляд из-за радужных очков ошупал лицо вошедшего, – размечталась, старая.

Вэйн оглядел беспорядок в отделе.

– Сдается мне, я не вовремя, Евдокия Леонтьевна?

– Ерунда, – фыркнула профессор.

– Мебель обновили? – из уважения поинтересовался бывший ученик.

– Да, есть немного, – она задержала взгляд на собеседнике. – Но, думаю, ты не о моих новых шкафчиках поговорить пришел, хотя жаль. Три года ждала, пока Первый вэйноцех заказ выполнит. Ты бы оценил. Наклад тончайший на самопоиск и сортировку. Чудо просто... Ладно уж, пошли в круглую. От тебя веет тревогой так, что меня скоро зазнобит.

Они шли сумрачными закоулками отдела, заставленными всякой «околонаучной» утварью: книги, стеклянные кубы на подставках, штанги с маятниками. Старушка семенила впереди. Темнота не мешала оной ориентироваться. Следом за женщиной сдерживал ширину своего шага вэйн. Лишь раз в одном из пролетов мелькнуло окно с видом заснеженных горных вершин и парящим над ними парой драконов.

Комната, в которую они попали, отличалась белым цветом стен и не имела углов, словно гигантский сотворенский шар. По кругу помещения располагался ряд одинаковых кресел с обивкой в серую полоску.

– Давай именную, кого ты на сей раз отлавливаешь или прячешь? – старушка уселась в мягкое кресло, привычным движением протянула руку собеседнику.

– Я не за веером событий пришел, – произнес гость, присаживаясь напротив. – Мне нужен совет.

Профессор удивленно вздернула брови и откинулась на

спинку кресла.

– Любопытно.

– Мне важно ваше мнение, Евдокия Леонтьевна. Не буду тянуть и спрошу прямо. Я знаю, что ваш второй дар – убеждение, как у меня. Но вы его используете рационально в пользу пророческого. Скажите, возможно ли, повлиять на кого-то не чувствуя того? Притом пару раз я намерено хотел привести этого человека к подчинению, но у меня не получилось.

– Это девушка, так? Светло-карие глаза. Улыбка добрая, – считала поток вэй прорицательница, глядя на ленту в руках главвэя. – Это из-за нее тебя съедает тревога. Так нельзя себя винить, Демьян. Ты не виноват.

Колдун сжал тонкие губы:

– Нет. Я все испортил. Все могло быть иначе. Теперь она считает, что я использовал приворотный.

– Эх, молодость, – вздохнула с улыбкой прорицательница.

– Так по-вашему, это возможно? – гость замер в ожидании.

– Чаще всего – нет. В твоем случае – тем более. Твоей силы воли на пятерых хватит.

– Но есть и другие случаи?

– Исключения. Они всегда бывают. Ты разве не помнишь древнюю летопись о Ярофее Необоримом? – Евдокия посмотрела на взрослого мужчину напротив, словно снова видела в нем ученика. – Там описана грустная история. Юную

княгиню Аврору выдали за Ярофея по расчету. Зная, что за использование дара убеждения на светлом князе ей грозит усекновение головы, она наложила на свой дар строжайший запрет. Но стоило ей влюбиться в собственного мужа, как вдруг на нем был замечен приворотный наклад. Хотя все ученые вэйны признали, что дар просачивался сквозь ее гашение из-за сильных чувств к князю, она все же была обезглавлена за приворот. Даже светлый князь ничем не мог помочь бедняжке. В то время только слепое исполнение законов, как бы жестоки они не были, удерживало государство от второй волны Дикой смуты. Вот тебе и ответ. Но это, как я говорила – исключение из правила. И не самый подходящий пример.

– Значит... – мужчина с досадой коснулся кулаком лба.

– В порыве чувств некоторые могут не заметить собственного влияния, – подвела итог профессор. – Но утверждаю, вряд ли ты способен не заметить утечку. Девчонка влюбленная, может быть, но не опервэйн спецстражи.

– Но как теперь проверить? Я не могу потерять ее.

– Время, Демьян, – она снова пристально взглянула на ленту через радужные стекла очков. – Девушка с характером. Если поспешишь, навсегда потеряешь. Она будет считать, что ты продолжаешь влиять на нее даром и разорвет последнюю связывающую вас нить.

Евдокия на короткое время задумалась прежде, чем продолжить. Случай был интересный, приходилось полагаться

на интуицию, но еще более странным было наблюдать произошедшие, в давнем знакомом, перемены. Демьян Невзоров – бывший лучший выпускник потока, ныне главвэй ССВ, всегда бесстрашный и расчетливый в достижении цели. Она думала, что ничто не способно поколебать эту «скалу». Ошибалась. Удивительно. Она и не подозревала, что в нем может проснуться настолько глубокое чувство.

– Сейчас тебе лучше всего подождать. Иногда, чтобы выиграть бой, надо отступить. Не мне тебе объяснять, – улыбнулась Евдокия. – Вижу единственный выход. Предоставь девушке свободу. Дай ей самой осознать, любит или нет. До весны она определится с выбором и вернется к тебе, Дёма.

– А если нет? – в серых глазах проявилась глухая тоска.

– Хочешь увидеть веер событий?

– Нет! Не желаю знать свое будущее, – покачал головой колдун. – Иначе не буду верить в то, что его можно изменить.

– До весны, – задумчиво добавил он. – Слишком долгий срок.

– Придется набраться терпения, друг мой, – развела ладони Евдокия Леонтьевна. – Насколько я тебя знаю, тебе его не занимать.

– Только когда дело не касается этой женщины, – прошептал Демьян.

Гость покинул отдел прорицательства, а профессор еще долго не могла вернуться к чтению пятого тома полюбившейся книги.

– Жаль, если эта девчонка все испортит, – ворчала она, не сводя глаз с новых шкафов. – Такая рана на сердце может и не зарубцеваться.

Глава 1. Дом Отрубиных

Ноябрь, 9023г. от сотворения Хорна.

Орская губерния, г. Оранск

Почтовая карета, растопырив колеса от тяжести поклажи, свернула на Бережковую улицу. Особняки здесь отличались благородной статью, высотой до трех этажей, искусной резьбой оконных наличников и росписью парадных дверей. Фасады смотрели не абы на что, а на речной канал, разделяющий улицу вдоль на две части. В просвете каменных балясин темные воды Патвы двигались с обманчиво ленивым течением, увлекая с собой следы поздней осени – созревшие бурые листья кленов и кустарников барбариса в тонюсенькой ледяной корочке первых заморозков.

На этой улице, возле одного из особняков и остановилась карета, чтобы расстаться с одним из пассажиров. На сей раз – девушкой. Под холодным морозящим дождем она приняла у ямщика саквояж и неповоротливую клетку с голубями. Почтовая повозка покатила дальше. А девушка с минуту оглядывала трехэтажный особняк с мезонином, перед которым оказалась. Широкий фасад в тридцать окон украшали два ряда изразцов. Деревянный резной подзор окаймлял свес кровли. Крыльцо основывали не две, как у особняка увежского градоначальника, а четыре колонны: каменные, не деревянные.

Они же держали на себе широкий балкон, густо оплетённый диким виноградом. Вероятно летом, когда зелень покрывала голую лозу, хозяева радовались возможности посидеть в ее тени на свежем воздухе и насладиться видом канала – удивительной реки в каменном футляре.

Тиса какое-то время медлила. Затем изгнав с лица растерянность, решительно направилась к решетчатым воротам, которые оказались не заперты, просто прикрыты. Пройдя по мощеной дорожке мимо палисада, девушка поднялась по парадной лестнице. На звук колокольчика поразительно быстро распахнулась дверь. На пороге возник не молодой, но еще довольно бодрый привратник в оранжевой ливрее без одной пуговицы на выпяченной груди. Он окинул оценивающим взглядом Тису, заглянул за спину девушки, обозрел пустую дорожку к дому, поджал губу, – и все в пару секунд. Потом вытянув руки по лампасам, он коротко поклонился, блеснув лысой макушкой:

– Чем могу быть полезен, сударыня?

– Добрый день. Простите, – Тиса улыбнулась как можно приветливей. – Могу я видеть Марию Станиславовну Отрубину?

– Осмелюсь спросить, по какому вопросу?

Девушка составила у ног клетку, вынула из кармана пальто бумагу.

– У меня письмо от ее двоюродного брата Нестора Христофоровича Обло, из Ижской губернии. Но мне надо пере-

дать его лично.

– Ижской? – удивился привратник, на миг растеряв официальные пафосные нотки. Он обернулся и позвал: – Эй, Прошка, возьми у барышни ношу. Сюда, пожалуйста, сударыня. Прошу обождать, о вас доложут-с.

Вслед за рослым пареньком-служкой, Тиса ступила в сумрачную, богато обставленную парадную, где перед трюмо с огромным круглым зеркалом сняла перчатки и шляпку. Откуда-то вынырнула девушка с двумя тощими косицами за плечами. Она окинула гостью любопытным острым взглядом, шмыгнула курносый носом и забрала у пришедшей пальто.

– Гришка, кто там? Посыльный?! – по лестнице с изящными бронзовыми перилами, ведущей на второй этаж, торопливо спускался пожилой мужчина в тяжелом длинном халате с соболей оторочкой по вороту. – Давай его сюда!

– Лев Леонидыч, прошу простить, но это не посыльный. Это гостя из Ижской губернии! – отчеканил привратник, вновь выправив осанку. – У нее письмо от вашего шурина к ее милости.

Мужчина остановился и нахмурился, слепо шуря глаза на стоящую в сумраке парадной девушку. Тиса произнесла торопливо приветствие по всем правилам этикета, склонила голову.

– Уф... – запнулся хозяин дома. – Добро пожаловать, барышня. Жена будет весьма рада, – выдавил он из себя под-

ходящую к случаю фразу. Совершив сей великий подвиг радушия, Отрубин тут же забыл о пришедшей. – Гришка, если появится посыльный из «торжка», пусть живо поднимается ко мне в кабинет. Понял? – хозяин развернулся и бодро зашаркал парчовыми тапочками – теперь уже вверх по лестнице.

– Как не понять, ваше благородие? Сразу же отправлю к вам-с. Не извольте сомневаться, – поклонился слуга уже опустевшей лестнице.

Спустя пять минут ожидания в парадной, Тису пригласили в малую гостиную.

Входя вслед за Афоньей в комнату, девушка подумала, что уменьшительный эпитет совершенно не подходит этим хоромам. Малая гостиная Отрубиных оказалась в три раза больше ее домашней в Увее. Стены обиты голубой тканью с нежным цветочным узором. Тяжелые шторы окон подпоясаны шнурами с тяжелыми кистями. На стенах пейзажи в золоченых широких оправках. На полосатом диванчике с фигурными деревянными подлокотниками полулежала в рюшах пеньюара Марья Станиславовна – обладательница пышной, словно раздувшееся на опаре тесто, фигуры, и белой, точно мука, кожи. Лицо ее дышало умиротворением. Компанию Отрубиной составляли две тетушки в одинаковых накрахмаленных голубых чепцах. Они были похожи друг на друга, как родные сестры – обе сутулые, с вытянутыми постными лицами, обе близоруко щурились – одна на спицы с вязанием

в руках, вторая на страницы раскрытого томика стихов.

– Когда звезда во тьме засветит, – услышала Тиса заунывный невыразительный голос чтицы. – Приди ко мне моя любовь, Чтоб мог лобзать я твои плечи, Чтоб стан твой гибкий видеть вновь.

Создавалось впечатление, что горемыка-любовник из последних сил молил деву о свидании. В довершение еще и простыл, так как четверостишие завершилось сотрясающим гостиную чихом.

Появление Тисы лишь самую малость оживило женское общество. Отрубина подмяла подушку локтем и оглядела вошедшую без особого интереса, помаргивая, будто спросонья. А компаньонки оторвали носы от вязания и книги.

Тиса коротко представилась женщинам, и протянула письмо хозяйке. Марья Станиславовна донельзя медлительным движением белых пальчиков, усеянных перстнями, надорвала бумагу, вынула письмо из конверта. Чтение короткой записки заняло целых пять минут. В ожидании компаньонки вытянули шеи, словно две подслеповатые гусыни.

– Ах, Нестор, – наконец, протянула Отрубина, откладывая листок. – Право слово, я едва помню своего двоюродного брата. Мы были сущими детьми, когда виделись в последний раз. Такой милый мальчик, он не расставался с сачком все лето, ловил всяких букашек, сажал их в баночки. Жаль, отбился от семьи, выбрав себе это жуткое странное занятие и не менее странное место для проживания, уж простите за

прямоту, милая.

– Что за занятие, матушка? – любопытствовали «голубые чепцы».

– Чин судейства в пограничном поселении.

«Ох-ох» – закачали головами компаньонки, но как-то вяло.

Тиса представила Нестора Обло с сачком, гоняющимся за бабочками, и усмехнулась по себя. Да, теперь он не букашек сажает в баночки.

– Но я его понимаю. Наши увлечения – наши крылья, – протянула хозяйка странным гнусавым голосом, – в полете обретаем счастья миг! Это из пьесы «Орив». Неужели не слышали о подобной? О, Единый, о чем это я? Конечно, бедняжка никогда не была в театре.

«Ох-ох», – «Голубые чепцы» снова пришли в движение.

– Но в вашем городе есть хотя бы клуб, дорогуша?

– Нет, ваша милость.

– Как печально, – к непробиваемому умиротворению в лице матроны все же добавилась толика жалости.

– Прискорбно, – эхом вторили Отрубиной компаньонки.

Тиса до сих пор и не подозревала, что, оказывается, так жестоко была обделена. Но решила не рассуждать на эту тему, а дожидаться решения хозяйки по поводу просьбы в письме. Но, по-видимому, Марья Станиславовна Отрубина не торопилась в этой жизни ни в одном деле.

– Вы играете на музыкальном инструменте? Или поете? –

продолжала она пытаться гостью.

Тисе пришлось признаться, что эти таланты обошли ее стороной. Наверняка такие ее ответы приведут к тому, что все же придется искать съемное жилье, как и предполагала изначально. Возможно, к лучшему. Все же такой пышный дом вызывал у нее стесненность.

– Уж лучше вашей Лизоньки, никто не поет, матушка, – подала голос одна из компаньенок. – Ее голосу позавидовал бы и соловей.

– Моя дочь и в самом деле великолепно музицирует, но, к сожалению, редко когда пребывает в подходящем настрое, – благодушно произнесла Отрубина. – Очень жаль, что вы не музицируете. Тогда, быть может, м-м... вы почитайте мне сонет. А то Есения уже устала.

Смирясь с чудачеством хозяйки, девушка присела на край кресла и приняла из рук компаньонки томик стихов.

– Отсюда, – пальцем показала нужную строфу женщина.

– Твой дивный лик в вуали ночи, Я не устану созерцать, И твои губы, носик, очи, И твою грудь, и твою стать...

Тиса читала, и не могла отвязаться от мысли, что поэт явно стремился разобрать свою избранницу на мельчайшие части, а затем каждой отдельно написать по оде.

Отрубина откинулась в подушки и закрыла глаза.

– Она читает лучше, чем ты, Есения.

Компаньонка обижено чихнула.

– Фоня, отведи гостью к Рине, передай ей, что я велю вы-

делить комнату. И пусть затопит баню, – обратилась хозяйка к служанке, что ожидала распоряжений у двери гостиной.

– Я бы не хотела стеснять, – призналась Тиса.

– И не стесните, – зевнула в кулачок Отрубина. – Если будете вести себя тихо и лишний раз не станете попадаться на глаза его милости. Лев Леонидыч очень занятой человек. Очень. Последний месяц он даже ни разу не был в театре.

Компаньонки округлили глаза. Неслыханная самоотверженность главы дома вселяла в них благоговейный страх.

– Ступайте, милочка. Думаю, вам не терпится передохнуть с дороги, – закончила хозяйка. Тема успела утомить благодетельницу.

Тиса искренне поблагодарила. Приятно, что она избежала досадных расспросов о своей жизни, и том, что за дела привели ее в этот город. В глазах компаньенок читалось любопытство, однако саму Отрубину не интересовала подобная сторона жизни нежданной гостьи. Позже она поняла, хозяйке дома просто скучен любой разговор, не касающийся литературы, музыки или иных искусств.

Выйти из гостиной так просто не удалось. Сначала из коридора послышался детский визг и топоток, и через миг в гостиную юркнула взъерошенная палевая кошка и нырнула ужом под хозяйский диван. «Голубые чепцы» испуганно охнули. Следом за домашним питомцем вбежал ребенок лет трех, оглядев с хулиганским видом гостиную, бросился к дивану. Сходу плюхнулся на живот и пополз под материнский

свисающий с дивана подол. Застав на месте пятнистую беглянку, малыш пронзительно завизжал от радости.

– Санюшенька, не кричи, заяюшка, – Отрубина свесила руку, желая коснуться белокурых кудряшек. Но малыш увернулся из-под руки матери, настырно пытаясь выудить из-под дивана кошку.

В дверях гостиной появилась запыхавшаяся старушка в переднике. Косынка съехала с ее макушки, седые волосы всклокочены.

– Ох, Марь Станиславовна, стара я уж для салок-то. Не поспеваю. Лизочек тихоней росла, а этот кубарь, да и только. Ни чуточки не усидит на месте! – нянька проковыляла к малышу, держась за поясницу. – Саняша, иди ко мне, голубчик. Матушка отдыхает.

– Пойдите в сад, Дося, – предложила Отрубина. – Санюше полезен свежий воздух.

– Как полезен, ох, как полезен! – оживились компаньонки. Похоже, они знали, что значит – Санюша в гостиной. Тиса улыбнулась одним уголком губ.

На миг всех оглушил победный клич мальчишки, которому удалось-таки ухватить кошку за хвост. Без боязни окататься оцарапанным, мальчик вытащил животное, и с радостью притянул его к себе. Кошка упиралась всеми четырьмя лапами в живот малыша, но это не спасло ее от жарких дружеских объятий.

– Котя! – умиленно улыбнулся мальчишка. Затем сно-

ва взвизгнул – «котя» не оценила безмерной любви к собственной персоне и предприняла отчаянный рывок к побегу. Тщетно.

– Сыночек, у матушки виски уж гудят, – Марья Станиславовна положила ладонь на лоб. – Пойди, родной, погуляй с нянечкой в садочке. Пойди, мой ангел.

– Никачу!

Что было дальше, Тиса наблюдать не стала. Ей в самом деле не терпелось отдохнуть, но еще больше – попариться в бане, чтобы, наконец, почувствовать себя человеком, а не замызанной дорожной кладью с обмятыми боками, которую две недели трясло на ухабах от яма к яму. Поклонившись хозяйке дома, она покинула гостиную и последовала коридорами за худосочными косицами горничной. Фонька оказалась молчаливой лишь до первого вопроса. Потом же с удовольствием рассказала гостье, в каком крыле располагаются хозяйские покои, где столовая, банная, уборная. Экономка – Рина Степановна рослая женщина с невероятно прямой спиной и широкими плечами, восприняла приказ хозяйки с невозмутимостью часового на посту. Она не высказала ни слова недовольства, впрочем, как и благожелательности. Откуда бы? Новый рот в доме, неожиданные заботы, дополнительные затраты.

Комната, в которую определила Тису экономка, располагалась в левом крыле, на третьем этаже в самом конце коридора. Она была свободнее, чем ее родная в Уwege, но при

всей своей вылизанной чистоте и заправленной без единой складочки кровати – безликая, хотя все необходимое, и даже больше, если принять во внимание писчий столик, здесь имелось. Пришел Прошка с ее вещами и сгрузил саквояж и голубиную клетку на домотканый половичок у двери. Тиса дождалась, пока останется одна и закрыла дверь комнаты. Прислонилась к ней спиной и вздохнула. Она все никак не могла уяснить, что все происходит с ней наяву. Что теперь она будет жить у незнакомых людей, обретаться в чужих стенах, спать не в собственной кровати. Девушка подавила в себе внутреннее отторжение к окружающей обстановке, и подошла к окну. Не все так плохо. Вот, например, вид из окна весьма любопытный – на улицу с речным каналом. Да и вообще. Когда она еще побывает в таком большом городе? Интересно будет погулять по его улицам.

Внутренние уговоры подействовали несколько однобоко. Она вспомнила дом и снова затосковала. Отец, Камилла, Агап, Ганна и все-все. Сейчас она бы обняла даже Цупа как родного. Но, увы, они далеко. Она сама по собственной воле покинула их.

– Ничего, – прошептала девушка. – Я сделаю то, ради чего сюда приехала, и вернусь домой. Может статься еще, что профессор Мо Ши меня не примет, и я вообще здесь не задержусь. Но лучше, если бы принял и за пару недель обучил основным правилам обращения с даром.

В частности, ее очень интересовало, как избавиться от на-

хальных, самовольно вламывающихся в ее мозг, видений одного конкретного человека.

Да. Она уже не желала полного освобождения от дара, как раньше. Почувствовала, что значит – всегда иметь возможность «видеть» близких людей, находясь хоть за сотни верст от них. Вот и сейчас, стоило подумать об отце, как туман уж дразнил ее, трепеща белесым лоскутом пред внутренним взором. Прилечь на идеально заправленную кровать Войнова не решилась, и прошла к козетке, где и расположилась, не сказать, что очень удобно, но вполне сносно. Хоть на минуточку взглянуть.

Туман радостно потянулся к ней бесплотными лапами. Окутал, словно шелковый кокон куколку шелкопряда, бережно покачал в своих объятьях. И, послушно схлынул. Площадь наполнял мерный топот выполняющих пробежку солдат. Подразделения огибали гору обломков у основания обрушенной оружейной стены, и леса приставленные к оной. Трое каменщиков трудились над зияющей дырой в кладке.

– ...спору нет. Но тогда как быть с покупкой лошадей, Лазар?

Отец повернул голову, и Тиса увидела Кубача. Шевельнулись губы и родной голос ответил:

– Купим, когда «убыточные» деньги придут.

– Как пить дать, не дождемся, – фыркнул в длинные усы Кубач. – Будто ты их не знаешь?

– Главвэй Демьян Невзоров заверил, что возмещение будет.

– Да-а? – удивился Кубач. – Он так и сказал? А когда, не уточнил? Ну, коли так, то авось и пошевелятся. Хотя, даже с пинком, помяни мое слово, хорошо, если к весне очухаются, да пришлют кого к нам.

Разговор продолжился, и Тиса какое-то время еще слушала родной голос, затем вынырнула из видения.

Слава Единому, отец в порядке, в отличие от нее. Имя вэйна, произнесенное отцом, вновь заставило вспомнить того, кого она пыталась забыть. Настроение тут же сползло к ножке козетки, а из горла вырвался вздох. И все же усилия последних недель не прошли даром – она уже не чувствовала себя абсолютно несчастной, как раньше, и даже в какой-то мере с благодарностью и смирением начала воспринимать прочно залегшую на дно сердца боль. Тиса поднялась с козетки, прошла к саквояжу и раскрыла его. Разложив в шкафу свои немногочисленные вещи, она аккуратно вынула со дна сумки тяжелую толстую книгу. Возможно, кто-то удивился бы тому, что молодая женщина, вместо дополнительных пар платьев, туфель и чулок, потащила в дальний путь пудовый философский трактат об истине. Любая нормальная девушка предпочла бы книге одежду. Но она себя к нормальным давно не причисляла.

Тиса обняла трактат, и прижалась к ребру обложки под-

бородком. Так случилось, что за последние недели эта книга стала для нее фундаментом морали, в которой к ее радости исключались любые лазейки для помилования лжи. Тиса поглаживала старый переплет, читала постулаты об истине и свидетельства губительности кривды, и чувствовала, как выстраиваются в упорядоченную цепь ее смятенные мысли. Уходят сомнения в правильности принятого решения, поднимается со дна души, задремавшее было, праведное негодование. Сейчас даже читать не пришлось, все нужные строки всплыли в памяти.

Девушка, не выпуская из рук трактат, уверенно легла на кровать. Давешняя боязнь вымять покрывало бесследно исчезла.

Рич, Агап. На этот раз она пожелала увидеть их.

Нос защекотал запах дезинфицирующего раствора, которым Глафира мыла половицы в лечебном корпусе военной части. В старческих руках зеленела закупоренная пробкой бутылка с настойкой. Заскорузлые пальцы приклеили к стеклу бумагу с надписью «Настой каштановый от кровесгущения».

Лекарь оторвал взгляд от бутылки, и Тиса увидела Рича. Сумрак приемной не сумел скрыть блеск черных глаз юного оборотня.

– Я хочу найти наш табор, дед Агап, – произнес мальчишка. – Раз они не возвращаются, я сам их найду! Я теперь здоровый, я уже не маленький.

– Но и не взрослый, чтобы одному шагать по империи, – проворчал старик.

– Я ведь через лес, никто и не заметит. Вы же отпускали же меня с Тисой Лазаровной?

– Так то ж с Тисой, – не сдавался Агап. – Одного не пущу, и даже не думай сбегать, уши откручу, не посмотрю, что оборотень!

Мальчишка повесил нос. И Тиса почувствовала, как लेकर беззвучно вздохнул.

– Ладно, будет тебе кручиниться. Придумаем что-нибудь, поедем вместе, коли придется, но одного не пущу, – уже мягче произнес старик, и ободряюще сжал плечо мальчишки ладонью. Улыбка ребенка стала ему наградой.

Тиса очнулась от видения как раз вовремя. В дверь стучали. Случилась радость – ее приглашали в банную.

***

После парной Тисе удалось заснуть на пару часов. Усталость одолела. И если бы не стук в дверь, то девушка проспала бы до самого утра, блаженствуя от того, что, наконец, лежит с вытянутыми ногами. В тесной почтовой повозке о таком удовольствии можно было только мечтать.

Хозяева приглашали на ужин к шести часам.

Отказаться Тиса не решилась. Пришлось со вздохом вставать, расчесывать еще не до конца просохшие спутанные во-

лосы, затем собирать их в тугой узел на затылке, и закреплять шпильками и лентой. С одеждой мороки получилось не меньше – длинная юбка и блузка, которые она посчитала нужным надеть, выглядели настолько измятыми после саквояжа, будто ими конопатили сруб вместо пакли. Поиск гладильни в незнакомом доме занял время, оттого явиться вовремя к ужину она не успела.

Когда Тиса переступила порог столовой, за большим овальным столом уже сидела знакомая ей компания. Во главе хозяйская чета Отрубиных. Марья Станиславовна, необъятно-благодушная. По правую руку от нее ее благоверный супруг терзал ножиком свиную отбивную. Компаньонки – Есения и Оливия бодро жевали, где-то растеряв былую вялость. С противоположной стороны стола восседал на высоком деревянном троне Санюша. Он дрыгал ножками, вертелся и удивительным образом не падал. Как позже выяснилось, стульчик имел вэйновский наклад – с него невозможно было упасть. При малыше хлопотала седая Дося. Нянька прибаутками уговаривала ребенка открыть ротик, чтобы успеть всунуть в него ложку овсянки.

Впрочем, в столовой имелось и новое лицо. Девушка лет восемнадцати, необычайно красивая. Она сидела по правую руку от его милости. Точеный профиль, розовые чувственные губки. Светлые локоны гордо покоились на высокой груди и отливали золотом в ровном свете дюжины вэйновских свечей, наполняющих настольный канделябр. Кра-

савица имела схожие черты лица с хозяйкой дома. И такую же белую, как у старшей Отрубвиной, кожу – но, в силу молодости, еще гладкую и буквально излучающую здоровье. Тиса с сожалением подумала о том, что она сама никогда не выглядела настолько свежо.

– Вот, Лёвушка, это та девушка из Ижской губернии, о которой я тебе говорила, – Марья Станиславовна медлительным движением руки указала на опоздавшую к столу Тису. – Она поживет у нас.

Отрубвиной приподнял бесформенные брови, оглядел девушку с высоты своего положения и, так и быть, снисходительно кивнул.

– Полагаю, девица из приличной семьи? – спросил он, накалывая на двурогую вилку кусок отбивной. Тиса скорее угадала вопрос по губам, чем услышала.

– Можешь не опасаться, дорогой. Из вполне приличной, – ответила ему супруга, в полный голос, отчего его милость поморщился. Недовольство супруга Марья Станиславовна даже не заметила. – Тиса дочь капитана военной части, очень ответственная и благовоспитанная девушка. Присоединяйтесь к трапезе, милочка, не стесняйтесь.

Войнова вежливо улыбнулась. Присмотрев свободный прибор за столом, девушка опустилась на стул рядом с Есенией. К ней тут же подоспел с соусником слуга в белом накрахмаленном переднике и предложил откусать гусиный гуляш со спаржей. Тиса не стала упираться.

– Думаю, Лизоньке не помешает общество сверстницы, а то она уже совсем замолевалась в красной гостиной, – продолжала невозмутимо Отрубина. – Прости меня, моя душечка, – обратилась она к дочери. – Я безмерно люблю живопись, ты знаешь. Картины Розе, Ляпинского, Букина восхитительны. Когда я посетила музей Ладыни, это было истинное наслаждение. Какая «компузиция», какая утонченность мазка...

Далее последовало отступление в историю искусств. Компаньонки даже жевать перестали, рты раскрыли. Дося могла бы и им положить по ложке овсянки, те бы даже не заметили. А ведь действительно интересуются, подумала Тиса, и только они, пожалуй. Молодая Отрубина скучала, поглядывая в окошко, и разве что только не зевала. А отец семейства будто что-то подсчитывал в голове, кусал губы и давил вилкой горошины в салате.

– Не обессудь, детка, – Марья Станиславовна вернулась к тому, с чего, собственно, начала. – Все же я считаю, игра на пианино у тебя получается гораздо лучше, нежели моление.

«Детка» нахмурила брови, изобразила выражение непонятого таланта на лице и заявила, что намерена дописать задуманный этюд, во что бы то ни стало. Просто, она еще не нашла нужную «компузицию».

– Вот Николка до сих пор кораблики клеит из дощечек в кадетском училище. Пятнадцать лет, а все, как младенец, –

фыркнула Лиза. – Ему вы ничего не говорите, даете столько денег, а он их на всякие шалости изводит.

– Твоему брату не выбирать себе партию в ближайшие сезоны, – отец семейства отвлекся от подсчетов в уме и подержал жену. – Матушка права. Тебе нужно реже проводить время за рисованием, и больше бывать в обществе.

– Не сомневайтесь, Лев Леонидыч. Лизочек составит самую лучшую партию! – заговорили на удивление складно компаньонки, словно репетировали неделю. – Как иначе-то? На последнем приеме у мэра наша красавица произвела такой эффект! Не успели и в залу ступить, как все танцы разобрали нетерпеливые кавалеры.

– Надеюсь, из приличных семей кавалеры?

Тиса мысленно улыбнулась. Похоже, его милость живота не жалеет, радеет за благопристойность окружения дочери.

– Богатые женихи, – закивали «чепцы». – Молодой баронет Рыков, граф Озерский, купец Ладушев. Мэр Проскулятов аж три танца просил.

– А этот, как его, м-м, беспорточник этот, Лыков, больше не докучает тебе, Елизавета? – отец семейства поднял воинственно вилку.

– После того дня, как ты его взашей велел спустить с лестницы, я его больше не видела, – безразлично дернула плечиком красotka.

Удовлетворенный ответом, Отрубин опустил вилку.

– И пусть более не показывается на глаза, наглец. Неслы-

ханная самонадеянность! Удумал, голь бескарманная, руки благородной барышни просить. Нос не дорос!

– А мне этот благочинник напомнил одну картину Розе из музея, – протянула Марья Станиславовна. – Юноша с гончей, называется. Одно лицо, право слово. На плечах накидка тигровая, на голове берет с фазаньим пером.

Отрубин закатил глаза. Лиза сдержала смешок салфеткой.

– А вы должно быть замужем, Тиса Лазаровна? – спросила Оливия, обратившись к приезжей.

Надежда Войновой просидеть незамеченной до конца трапезы потерпела крушение.

– Нет.

Тиса поймала на себе довольный взгляд хозяйской дочки – не ей одной отдуваться за вечер.

– Но вам же уже больше двадцати? – подхватила разговор Есения.

– Мне двадцать шесть.

От красноречивых взглядов из ряда – «бедняжка, наверняка, так и останется в старых девах» – в горле застрял кусок лепешки. Даже Лев Леонидович не удержался, чтобы не покачать головой. Слава Единому, вскоре разговор снова вернулся к Николеньке. Отрубины ждали сына из училища домой на Сотворенские каникулы и готовились к встрече.

Ужин завершился громким выступлением Санюши – мальчик стал плевать в няньку кашей и требовать, чтобы его спустили со стула. Сие стало благословенным освобождением.

дением от затянувшегося застолья.

Перед уходом в «будуар» Марья Станиславовна объяснила Тисе, что завтраки хозяевам в этом доме подаются каждому в свои покои. Ей же, чтобы позавтракать нужно будет спуститься на кухню. Войнова услышала, как Лев Леонидович велел дочери показать «гостье» дом и объяснить местные порядки. Впрочем, не заметив воодушевления на лицах обеих девушек, милостиво разрешил отложить ознакомление до завтра.

Тиса сбежала в свою комнату и восприняла тишину, как блаженство. Она думала, что унесётся в объятия морфея, стоит ей лишь доплестись до кровати, но ошиблась. Погасив вэйновскую свечу – да, в этом доме не скупилась на освещение – Тиса устроилась под одеялом. Сон задерживался. Впечатления этого дня вкупе с составлением плана на завтрашний помучили ее уставший мозг еще час.

Глава 2 – Евсифонова школа

Белая пелена коснулась ласковым приливом щиколоток, поднялась выше и накрыла с головой, принеся с собой запах чернил и кожаной обивки. Затем предательски соскользнула, оставив ее сидеть в просторном мужском кабинете. В просвет бурых незадернутых гардин заглядывало робкое утро. Высокие шкафы из благородного тика вдоль стены. Напольные часы раскачивают тяжелый маятник. На отполированной поверхности письменного стола растянулось пятно света от необычной лампы – вэйновской со стеклянной колбой, внутри которой роились мелкие светящиеся мошки.

Тиса догадалась, где она, и сердце напряглось. В желании избавиться от видения, она сделала над собой усилие: сбросить видение, покинуть это тело, не видеть этих мужских рук, выводящих аккуратную строчку на конверте. Бесполезно. Как и прежде, она не смогла уйти по собственной воле. Подобно кошке в объятьях Санюши Отрубина, она ничего не могла поделать с пленившим ее видением. Оставалось лишь надеяться, что дар быстро наиграется и отпустит.

Вэйн перевернул конверт, загладил клапан. Бумага гладкая и дорогая на ощупь. Чиркнув каким-то предметом, похожим на усовершенствованное огниво, колдун подпалил фитиль сургучной пластины. На конверт упали тяжелые кап-

ли смолы. Печать с именным вензелем довершила дело.

Послышался короткий стук. В дверях кабинета появился светловолосый паренек в гимнастерке, испачканной чернилами на манжетах.

– Роман Валентович прибыл и, говорят, не в духе. Вы просили сообщить.

– Хорошо, Мокшй.

Знакомый голос заставил ее душу снова вздрогнуть.

Вэйн поднялся из кресла и протянул конверт подчиненному:

– Дуй на почту, пусть отправят в Ясноград без проволок и лично доставят в руки князю Невзорову. В записях не фиксируй.

Паренек принял конверт. Заверил, что все сделает, и благополучно ретировался.

Тиса не смогла сдержать едкой мысли – «Значит, вот как мы не общаемся с дядюшкой?».

Дверь раскрылась шире, впуская еще посетителей. Час от часа не легче. Знакомые товарищи-сплетники!

– Демьян Тимофеевич, оба ваших запроса подтвердили, – сообщил Нестор, – Переходы предоставляют без задержек. После последней заварухи, там теперь навели порядок.

– Расшевелили мы сонное царство, Демьян Тимофеевич! – нарочито весело сказал Родион. Главвэй направился к выходу, и порук услужливо придержал перед ним дверь. На пороге Демьян задержался:

– В группе Горохова сейчас нехватка рук, на ближайшие недели оба поступаете под его начало.

Отвечив на пару организационных вопросов поруков, главвэй покинул кабинет и приемную. Спустя пять минут петляний по сумрачным коридорам ССВ, он оказался в длинном холле. Навстречу выпорхнула девица в лиловом платье с кружевным жабо на груди и засияла улыбкой.

– Политов? – спросил главвэй.

– Он у себя, Демьян Тимофеевич.

Высокие двустворчатые двери с серебряными ручками в виде тигриных голов оказались распахнуты наполовину. Крепкого телосложения, как дубовый пень, мужчина лет пятидесяти в белом парике с косичкой на затылке стоял у окна и хмуро просматривал бумаги в толстой папке.

Заметив в дверях вэйна, тут же махнул рукой:

– Заходи, Демьян! Погляди на сие непотребство! – он нетерпеливо потряхнул бумагами. – Третий язык уже, а зацепок покамест с мордоклювову селезенку! Что, спрашивается, мне докладывать министру?

Вблизи Тиса разглядела незнакомого человека. Широкий круглый лоб с блеском, не менее широкий подбородок, выдающийся нос, кончик которого подергивался при восклицаниях. Одет мужчина в идеально выглаженный двубортный мундир темно-зеленого цвета с восемью золотых пуговицах, строгого кроя, из дорогого сукна. На плечах эполеты с короткой бахромой. Кабинет управного был не менее пред-

ставителен – резная мебель из массива черного дуба, надраенная до глянца. На длинном столе бумаги и странные металлические предметы, назначение которых Тисе было неизвестно. Еще одна лампа-колба, но в отличие той, что она наблюдала в кабинете главвэя, эта была вычурной из черненого серебра в виде спящего дракона, обнимающего яйцо. Над столом на стене висели два мужских портрета в тяжелых рамах. В одном Тиса признала нынешнего императора Лароссии – Гория Первого. Рассмотреть, кто изображен на втором, так и не удалось. Демьян отвернул лицо к собеседнику.

– Следы обрываются на пепелищах. Хибары, землянки, кабаки, – продолжил хозяин кабинета. – Разумеется, фон вздрыз! Считать так ничего и не смогли. Лучшего забеливания еще мир еще не придумал. Тот, кто собирает невесомые, знает, что делает, Невзоров.

– Что это не простой коллекционер, я понял еще в Ижской, Роман Валентович. Наклад влияния четырнадцатого порядка, да и организация сложная, не по новичку накладды. Отступник из высших.

– Дракон подери! – досадно процедил управной. – Только его нам не доставало. Итак шесть сухарей висят. Еще в Родожках близ Панокийской Ляди источник выплеснулся. Три группы латать отправил!

– А что округа? Местных опросили? Ведь кто-то мог заметить заезжих.

– Горохов со своими прочесал весь поселок при тракте в Ивантеевке. Были несколько человек, из тех, кто мог что-то знать. Странным образом все погибли, кого суком при ветре пришибло, кто отравился сушеными грибами.

– Я взгляну на отчеты, Роман Валентович?

– Бери.

В руки главвэя перешла папка с бумагами, и Тиса почувствовала всю тяжесть чьих-то трудов.

Управной взял с тумбы портсигар с искусной чеканкой, изображающей герб Вэйновия, на крышке, и минуту спустя мужчины задумчиво закурили, подперев спинами подоконник. Если бы это горло ей подчинялось, Тиса давно бы раскашлялась от дыма.

– Отличный табак, – похвалил главвэй.

– Неплох, признаю. Но до шуйского не дотягивает, – цокнул языком Политов, – не такой душистый, да и выгорает быстрее.

После очередной затяжки, управной снова заговорил.

– Что-то не дает мне покоя, Невзоров. Вот здесь, – он надавил на грудь кулаком, – кошки скребут. Министр требует имя этого ловкача. Эх, зря я дело по последнему невестомому Горохову отдал. Как я мог одобрить твой перевод, не понимаю. Не дара ли твоего проделки?

– Наклады на этих стенах еще никто не отменял, – усмехнулся главвэй.

– Что есть, то есть, – согласился управной спецопера-

тивного отдела вэйностраж, – однако, зря поторопился я с решением. Тебе еще рано в стратегический. Может, вернешься?

Тяжелый взгляд из-под кустистых бровей не пронял главвэя.

– Не думаю. По крайней мере, пока. А беспокойство ваше пустое, Роман Валентович. Игнат справится. Я видел его в деле.

– Ладно. Поглядим, – качнул головой Политов.

– Я снова имею смелость вернуться к своей просьбе.

– Ах да, – хмурясь, управной пыхнул сигарой, – секретка... Да взял я, взял, – он хлопнул себя по мундиру, затем пошарил за пазухой. В руках его появилась медная, вся позеленевшая от окиси и времени, цепь с продолговатым тяжелым хрустальным кулоном, размером с мизинец. – Странная твоя просьба, Демьян. Не знаю и знать не хочу, для каких целей тебе понадобилась эта стекляшка, только я бы на твоём месте такими игрушками не баловался. Кто знает, какие могут быть последствия. Переговоры?

– Вроде того.

– Этот угн был сделан еще задолго до Панокийской неизвестным мастером. Точность высокая, но штука коварная, мало проверенная. Следи за шкалой.

– Я ознакомился с его свойствами, – поторопился заверить главвэя. – Постараюсь не злоупотреблять. Благодаря, – он принял цепочку у управного и спрятал кулон в кар-

ман.

– Ну, не мне тебя учить, Дем. Голова у тебя на месте всегда была. А теперь еще титул князя в наследство перепал. Старуха-проруха, – раздраженно, но без злобы, бросил управной. – Хитер ты, Невзоров. Суметь скрыть подобную родственную связь в наших рядах, где при приеме на службу исподнее перетряхивают. Родовое гнездо в Яснограде, если память не изменяет? – дождавшись кивка Демьяна, озабоченно добавил. – Кабинет-то в спецоперативном никак маловат станет. Уйдешь в политикус?

– Рано еще об этом говорить, – поморщился главвэй.

– Когда примешь титул, поздно будет. Обещай мне, еще год, Демьян.

– Обещаю. Однако не пойму, откуда такие выводы, Роман Валентович. Вы сами, как помню, имеете герб, но общество вас знает и уважает не как графа Политова, а как управного ССВ. В истории полно примеров замечательных мужей, которые не прикрываются титулами, а служат империи по долгу и совести на всевозможных нивах. Их вклад в развитие Лароссии говорит за них сам. Титулусы же на мой взгляд – нарядная вывеска. Что продавать, лавочник определяет сам.

Слова главвэя зажгли в глазах управного молодой огонек – огонек предвкушения славного спора.

– Не скажи! Вывеска тоже много значит. Знатный ювелир не может позволить себе захолустный фасад лавки, а

гончару средней руки не место на Большой Сотворенской. К чему ему вывеска из позолоченной лепнины?..

Политов продолжал говорить. Только дар решил, что представление окончено, и закрыл занавес из непроглядной тьмы.

Тиса села в кровати, провела ладонью по лбу. За окном постепенно светлело, и комната заполнялась серыми сумерками. Девушка привычным движением погладила наручные часики и со вздохом прошептала: «Я так надеюсь, что это скоро закончится, мама». Шесть ажурных серебряных стрелок беззвучно продолжали свой путь по циферблату. Тиса закусила губу. Ну, что за досада. Даже эти часы напоминали ей о нем. «На долгую память», так сказал вэйн. Нет уж! С памятью она договорится. Вот только дай, Единый, избавиться от самовольных видений.

Столовую ту, что при кухне, домочадцы называли меж собой хлебной. Небольшая, но вполне уютная. Длинный сосновый стол под окном. Его окружали стулья с изящно гнутыми ножками. Сидения, обитые в прошлом цветной, а ныне серо-бурой гобеленной тканью, продавлены посредине. Очевидно, стулья по старости списали с верхних этажей и отправили сюда доживать свой деревянный век. В буфетах блеснул фарфор золотыми окаёмками, на стенах пестрели цветочно-расписные подносы, а в углу на бочке распузенился большущий самовар.

Не зная, заявить ли о себе в кухне или подождать, когда ее заметят, – все-таки утро раннее, можно ли рассчитывать на завтрак в такое время? – Тиса взглянула в окно. За мокрой беседкой, густо оплетенной черными ветвями старого винограда, белел амбар. По тропинке его огибал мужик с ручной тележкой, нагруженной парой мешков. Следом за работником трусила четверка крупных вислобрюхих псов, от нечего делать обнюхивающих мужицкие сапоги и тележку. Из-за таких вот хвостатых охранников лучше не рисковать прогуливаться по имению в одиночку, подумала девушка.

– Тиса Лазаровна, вы сюда завтракать?

Войнова обернулась. На пороге хлебной знакомая горничная повязывала фартук у себя за спиной.

На короткое «да» в ответ, Фонька удивленно шмыгнула курносый носом:

– И чегой вы так рано поднялись? Не выспались, поди.

– Не спалось, – Тиса пожала плечами. Она и сама знала, что дар уже наградил ее фонарями под глазами – как меткий драчун.

На радость постоялицы, Фонька кликнула широкобедрую девчонку Лашу из кухни, и та вскоре накрыла стол. На завтрак – любимые хозяевами вареные яйца всмятку, нежнейшие плюшки с корицей, кусочек сливочного масла, топленое молоко и розовая полоска ветчины. Кушая, Тиса поймала себя на мысли, что завтрак показался бы ей еще вкуснее, если б не был даровым. Надо сказать, вчерашний ужин

она восприняла спокойно на этот счет. Сейчас же чувствовала неудобство. Даже понимание того, что в Лароссии бытует обычай – хлебосольно привечать и давать бесплатный ночлег своим гостям, ничего не меняло. Поразмыслив, девушка решила поговорить с хозяйкой об оплате, но осторожно, чтобы ненароком не обидеть. А откажется – так отблагодарить подарком. На мысль о подарке память услужливо вынула из своих закоулков изображение хрустального кулона из утреннего видения... затем вспомнился и тот, кто этот кулон заполучил.

Тиса решительно тряхнула головой. Пока думы не завели в терновую чащу, из которой выбраться тяжело, не исколов сердце, подхватила немытую посуду и понесла в кухню. Оказалось, что за тяжелой дверью стряпушей уже всю гремела работа – гремела кастрюлями, плошками и громким командным голосом. И лишь когда на нее уставилась недоуменная поварня во главе с хмурым толстоногим поваром в белом котелке, девушка осознала, что сделала что-то неположенное. Всунув в руки Лаши немытые миски, Тиса покинула парковую кухню.

На лестнице девушка столкнулась с экономкой. При виде новой жилицы, Рина Степановна нахмурилась. Но все же на прямые вопросы Тисы хоть и без радушия, но ответила. Достопочтимое семейство в самом деле не встает в такую рань. Также экономка объяснила, как пройти к центру города. Расспрашивать же дорогу к школе одаренных Тиса не решилась

– из опасений вызвать к себе ненужный интерес.

За ночь подмерзли лужи, покрылись по краям паутиной льда. По куполу зонта крапал холодный дождь. Несмотря на это, прогулка пешком дарила истинное удовольствие. После длительной поездки в карете теперь в коляску ее и калачом не заманишь. Наездилась на год вперед, спасибо. Топая вдоль балюстрады, Тиса то и дело поглядывала на поражающий четкостью линий канал – зажатую отвесными каменными стенами реку Патву. Так, порой, и судьба берет нас в тиски и ведет по начертанному одному известному ей пути. Странно. Ведь, если бы не тот случай на перевале двенадцатилетней давности, она могла бы провести в этом городе свою юность. Жить и учиться. Бродить бы по этим мощным тротуарам, также смотреть на воду и красивые дома. Но... это была бы совсем другая Тиса.

Что ж, надо отдать должное изобретательности судьбы – сделав огромный крюк, она все же привела ее в Оранск. Город, лежащий на равнине у подножия горы Орь. Тиса вгляделась в белесую марь, пытаясь разглядеть за черепичными крышами домов очертания этой самой горы. Бесполезно. Должно быть, в ясную погоду ей это удастся, но только не сегодня.

Бережковая уткнулась в Сенную, и Тиса с сожалением отступила от канала и повернула по указке Рины в сторону центра. Всего два квартала и она оказалась на Боровой

– центральной широкой улице города. Трехэтажные дома здесь тесно льнули друг к другу, будто спасаясь от зябкости. Вывески призывали посетить всевозможные лавки и заведения. Фасонисто одетые горожане прогуливались по тротуарам. Мужчины при цилиндрах, женщины в шляпках. Вопреки серости дня дамы несли ажурные зонтики. Тиса остановилась, чтобы пропустить грузчика, выносившего лотки с хлебом из булочной. Улыбнулась, заметив в окне цирюльни дядечку с бородой из пены. В шляпной лавке две девушки спорили, кому достанется чепец с красной лентой.

Через пять минут от городской оживленности у Тисы закружилась голова. Подождав, пока проедет коляска с двойкой подтянутых гнедых, девушка с осторожностью пересекла дорогу. У внушительной постройке из красного камня с огромной вывеской «Фроловские бани», Войнова перевела дух и спросила у торговки вениками дорогу к школе одаренных.

Как бы ни была великолепна Боровая, Тиса без сожаления сменила ее на длинный переулок. Через пол часа она отыскала Евсифонову улицу и с волнением предстала перед высокими коваными воротами школы одаренных. На воротах красовалась вылитая из чугуна птица с лицом старухи – Евсифона, сеятельница мудрости и просвещения. Сама школа представляла собой старинное трехэтажное здание с колоннами и серыми от пыли барельефами. Старина чувствовалась не только в нем. Брусчатка, которой был выстлан двор,

похоже, давно не реставрировалась, и в нескольких местах зияла широкими выбоинами. На подходе ее обогнали бегущие дети, спешащие на урок. Девушка поднялась по надколотым на углах ступеням вслед за ними. Затем толкнула тяжелую дверь и вошла внутрь школы. Ей открылся длинный холл. Под сводчатым потолком висели кованые люстры в виде раскрытых книг, но без свечей.

– Сударыня, пальтишко-то сдайте, – окликнула девушку гардеробщица, пожилая женщина в фартуке, сидящая на скамеечке у стенки.

Тиса с радостью подчинилась.

– Простите. Вы не скажете, профессор Мо Ши еще преподает? – поинтересовалась она, получив взамен пальто деревянную дощечку с накарябанным на ней номером.

– Нынче не так часто, как бывало, – охотно ответила гардеробщица. – Сами, небось, понимаете. Заведующий школы как-никак. Вы к нему зачем, простите?

– Письмо передать хочу, – Тиса показала уголок конверта из кармана, внутренне радуясь удаче. Жив профессор, здоров, да еще и глава пансионата!

– Надеюсь, хорошие вести-то? – прошептала женщина. – Мо Линич два дня как не в духе. Вчера так меня распек за нерасторопность. Батюшки святы. Думала, выгонит.

Войнова заверила старушку, что письмо без плохих новостей.

– Ну, слава Единому. Да вы не пужайтесь, так-то заведу-

ющий добрый у нас. Все в библиотеках своих сидит. Сюда, барышня, по лесенке на третий этаж. На двери у него карточка приметная.

Тиса поблагодарила гардеробщицу за помощь.

Встречные гимназисты не обращали на девушку никакого внимания и спешили по своим делам. На девочках – шерстяные фартуки поверх платьев, с рукавами-крыльями до локтей. На мальчиках гимнастерки. На вид самые обычные дети. Хорошо, что одаренность на лбу не расписана. А то бы на ее собственном точно горела бы надпись: бестолковая видящая. На подходе к третьему этажу встретила пара учителей в причудливых париках. Один другому жаловался на лодыжку, которую он успел растянуть, оступившись на подходе к школе.

– Дай Единый, чтобы Мо Ши вновь не уговорил министерство на субсидию-с в Вазяковку. Авось и дождемся починки мощенки, Петр Аврельевич.

– Сомневаюсь, дорогой Юсий Яковлевич. Как бы он последнюю не выкорчевал, да не продал на базаре ради своего треклятого кургана.

– Я с самого начала знал, что эта затея выльется в пустую трату времени и денег.

– Наипустейшую...

Обойдя замолчавших при ее появлении преподавателей, Тиса преодолела последние ступени. Нужная дверь оказалась в первой же просмотренной десятке. Табличка гласи-

ла «Заведующий Оранской школы-пансионата для одаренных Мо Лин Ши». Девушка поцеловала с молитвой звезду, поправила волосы, собранные в пучок на затылке, – то единственное, что у нее получалось из причесок без Ули. Несколько секунд, чтобы собраться с мыслями, затем постучать. Не получив ответа, Тиса с надеждой толкнула дверь. В узкой приемной за столом у окна увлеченно читала книгу женщина в шляпке помятого вида. Заметив Тису, женщина спешно отложила в сторону книгу и прикрыла ее сверху газетой. На пожелание пришедшей, увидеть заведующего, выпрямила спину и чинно спросила имя девушки и дело, с которым та явилась тревожить занятого человека. Выслушав, привратница исчезла в боковой двери. Тиса слышала приглушенные звуки разговора и молилась тому, чтобы профессор вспомнил маму. Вскоре женщина вернулась и велела ждать десять минут.

Тиса засекала время на часиках. Вскоре привратницу выманила на разговор из кабинета приятельница. И судя по словам, той не терпелось обсудить роман, который женщины читали на пару. Тиса осталась одна в приемной. Минуты положенные для «аудиенции» десять минут, а секретарь так и не объявилась. Подождав еще немного, Тиса решила сама зайти в кабинет.

Гардеробщица не лукавила. Кабинет заведующего действительно напоминал библиотеку, которую к тому же не убирали со времен Антея. Всюду куда ни глянь – разбросан-

ные книги, чертежи, карты, подшивки пожелтелых старых газет. На стенах пришпилены листки с какими-то заметками. Двое человек вели разговор на повышенных тонах, склонившись над какой-то книгой с пейзажными зарисовками.

– В который раз вам говорю, не мог я ошибиться, Мо Линич! – высокий светловолосый мужчина лет тридцати нетерпеливо листал страницы. – Место для раскопок выбрано верно – четвертый сектор по епсуле, десятый ориенталь. Если не верите, м-м... да где ж эта сноска?! Вот! – он ткнул пальцем в какой-то абзац. – Читайте, коли не верите! Дорофей Оприцкий ссылался на эту самую карту. Сектор выверен по ней по всем правилам, – он с чувством восстановленного достоинства указал на карту местности, на которой лежала книга.

«Орская губерния, 5012 год» – прочитала Тиса и сразу же исполнилась глубоким уважением к пергаменту.

– Но его там нет! Ничего там нет, кроме отможенных земляных червей! И чтобы на сей раз убедить их, Климентий, – он указал пальцем в потолок, – ты должен предоставить что-то более убедительное, чем твоя сноска и липовый сектор!

– Он не липовый, Мо Линич!

– Липовый!

Они смотрели друг на друга, словно два драчливых петуха со Жнуховой горки. Маленький профессор шурил и так довольно узкие глаза на круглом, как бубен лице. Курчавый всклокоченный белый парик придавал старику задиристый

вид. Его молодой и высокий противник вытянул шею, поднимая на неземную высоту подбородок, и давил заведующего укоряющим взглядом.

Тиса чихнула в кулак. Нос в отличие от владелицы не чувствовал уважения ни к древнему пергаменту, ни к его благородной тысячелетней пыли.

Посетительницу, наконец, заметили.

Тиса поздоровалась и представилась, упомянув девичью фамилию матери.

– Астафьева Леночка... Да-да. А вы значит, ее дочь, – рассеянно проговорил шуец, пытаясь направить в новое русло непослушные мысли, не желающие отходить от недавнего спора. – Определенно сходство есть. Святой Небел, сколько лет прошло, – профессор предложил присесть, и Тиса приземлилась на стул, чтобы снова подняться.

– Может быть, я зайду позже? Мне сказали, что вы готовы принять через десять минут, и я...

Шуец на миг задумался, но все же решил не откладывать вопроса. Видимо, рассчитывая его быстро решить.

Светловолосый с выражением недовольства на благородном худом лице, отступил к окну, прихватив с собой книгу со стола.

– Коли память мне не изменяет, ваша матушка вышла замуж за военного и поехала за ним в... кажется, поселок на границе с Чиванью? – продолжил Мо Ши, присаживаясь в кресло за письменный стол с расстеленной на столешнице

картой. Он хотел было положить локти на пергамент, но передумал.

Войнова кивнула, не собираясь отстаивать звание родного города.

– И как поживают ваши достойные родители?

Тиса замешкалась с ответом. Оказывается, она была совсем не готова говорить о матери. Но сказать все-таки пришлось.

– Беда-беда, – покачал огорченно головой шуец. – Как же жалко Леночку! Так рано покинуть наш мир. Единый, даруй ей свою благодать и кущи небесные.

Сочувственная речь не продлилась долго, и шуец перешел к насущному вопросу.

– Чем же я обязан столь неожиданному визиту?

Тиса подала конверт.

– Моя рука, – признал Мо, раскрыв письмо и извлекая исписанную бумагу. – О, пожалуй, я припоминаю. Да, Леночка писала мне, что вы стали видеть сны, и хотела, чтобы я посмотрел вас. Так-так, – он пробежал по строчкам глазами, удерживая пенсне у глаза. Брови вздернулись. – Видящая?

В узких глазках шуйца появилось любопытство. Войнова кивнула, краем глаза заметив, как блондин оторвал взгляд от книги.

– В самом деле? – заерзал шуец в кресле. – И кого вы видите?

– Людей.

Спасибо Филиппу. Разговор с погодником кое-чему ее научил. Тиса не желала выслушивать еще одни дифирамбы своему дару, а затем попасть под гнет уговоров: следовать предназначению.

– Так-так, – отложил пенсне профессор, глядя на девушку.

– Конечно, я понимаю, что уже не подхожу по возрасту, – заговорила Тиса. – Но, пожалуйста! Мне очень важно научиться управлять даром. Очень, – она сложила ладони, умоляюще глядя на шуйца. – Я не ищу глубоких знаний. Мне хватит самых основ.

– Я вас понимаю, – чмокнул губами Мо Ши. – Иметь дар и не владеть им, все равно, что иметь здоровые ноги, и не ходить. Орлу, как говорится, нужно небо! Дайте, угадаю. Видения вас посещают крайне редко и спонтанно? Вы не можете вызывать их тогда, когда вам того хочется?

– Вы правы, некоторые вижу спонтанно, – закивала Тиса головой. – С ними как раз и проблема.

– Вот что я скажу вам...

Светловолосый у окна зашелестел страницами и прочистил горло кашлем. На лице профессора интерес сменился кислой досадой.

– Тиса Лазаровна, вы дочь Леночки, внучка Ефросиньи Ларионовны. Поверьте, я бы не смог вам отказать. Но так случилось, что наш класс Искунов расформирован уже семь лет как, с тех пор как в Белограде открыли Лебортовский высший лицей, – старик сжал кулачки и проворчал что-то

витиеватое на шуйском. Вряд ли это было пожелание долгого процветания сему достойному заведению. – Мы лишились сразу нескольких классов и лучших наборов! – шуец забылся, положил локоть на карту, затем отдернул и поднялся. – Теперь наши ученики мало чем отличаются от обычных гимназистов. Чем теперь удивляет старая Евсифона? Кем? Счетчиками? Скорописцами!? Разметчиками?

Он презрительно фыркнул:

– Нам оставили объедки, – подняв книгу с одной книжной пирамиды, шуец небрежно бросил ее на другую кипу, затем опустил в кресло.

– И далеко отсюда Белоград? – протянула огорченная Тиса, кусая губы.

– Пятьдесят верст к югу, – профессор потер горбинку носа.

Тиса удрученно опустила голову.

Какое-то время шуец задумчиво наблюдал за расстроенной девушкой. Затем обернулся на стоящего с книгой светловолосого мужчину. Беловолосый отрицательно покачал головой.

– Но у меня все же есть что вам предложить, дитя, – повернулся снова к девушке заведующий. От окна раздалось недовольное бурчание.

Войнова с надеждой подняла глаза на шуйца.

– На ваше счастье мой ассистент, Климентий Петрович, – старик махнул рукой на стоящего у окна, – препода-

ватель школы и одаренный Эсто Интаго. Он мог бы вас научить тому, что знает. Если конечно, вас устроит учеба вне класса, в порядке частных уроков.

– Устроит! – закивала Тиса, мысленно возводя молитву Единому.

Тот, кого называли Климентом Петрониевичем, быстро прошествовал к столу:

– Можно с вами переговорить, Мо Линич. Всего на одну минуту, – он потянул старика за локоть.

Мужчины отошли к окну.

– Ученица?! У меня и так дел по горло, Мо Линич! Вы сами что недавно говорили? – зашипел возмущенно светло-волосый.

– Придется успевать, Ложкин! – неожиданно жестким тоном произнес старик. – Ты же знаешь, что школа сейчас нуждается в...

Заведующий понизил голос, и Тиса не расслышала дальнейшего разговора, но по лицам поняла, что дело решенное, хоть это и не нравится ее будущему учителю.

Мужчины вернулись. Блондин поклонился со скрипом, словно колодезный журавль. Шуец шурил глаза.

– Я вынужден вас предупредить, Тиса Лазаровна. Подобное обучение не даст вам возможности получить свидетельство школы.

Ей и не надо.

– Учеба будет вам стоить тридцать рублей – месяц. Сами

понимаете, преподаватель будет заниматься только с вами, это не может быть дешево.

Тиса на миг запнулась. Очень дорого, но выбора у нее все равно нет. Кивнула.

– Я согласна.

– Что ж, отлично, – профессор подхватил разлинованный листок, сел в кресло и что-то быстро стал писать. – Это договор на дополнительные услуги школы, – пояснил он. Заполнив листок, заведующий достал из ящика продолговатую деревянную печать, прошелся ею по чернильной губке и приложил к документу. – Вот здесь подпишитесь. Замечательно. Ваш преподаватель расскажет вам порядок проведения уроков и ответит на все ваши вопросы, – шуец вперился в ассистента говорящим взглядом.

К достоинству молодого преподавателя, он недолго собирался с мыслями:

– Листок покажете в учетном отделе и внесете в кассу сумму. Занятия будут проходить в Увлеченном клубе. Это на первом этаже преподавательского общежития. Там у меня свой кабинет. Как входите на двор школы, огибаете левое крыло Евсифоны, проходите вглубь школьного сквера, с правой стороны второе здание. Завтра в девять первое занятие, не опаздывайте!

Зеленые глаза ассистента строго блеснули, предупреждая, что поблажек от него ждать не придется.

Тиса заверила, что будет вовремя.

– Подождите, я вам запишу названия книг, которые вам предстоит взять в библиотеке.

Последние напутствия преподавателя касались расположения учетного отдела и библиотеки.

Позже, шагая по коридорам школы, Тиса заглянула в список.

Новиков К.Н. «Esto Intago – основы дара», Линьская А. Л. «История возникновения дара поиска», Кашин П.Т. «Третий глаз. Виды и состояния».

Отлично. И хоть учитель ее заведомо не жалует – конечно, вот радость-то – великовозрастная школьница – она на него за это не в обиде. Тиса готова была учиться хоть у красного рогача, только бы найти управу на видения.

Глава 3 – Ночные ныряльщики и первый урок

Квитанция об оплате десяти первых занятий легла в карман, опустошив кошель на четверть, а библиотечные книги утяжелили заплечную сумку. Словно тлеющая тонкая лучинка, душу теперь согревала надежда. За воротами школы девушка недолго думала, куда отправиться дальше.

Оранский Воскресенский храм вблизи оказался более чем хорош. Белокаменный пятилепестковый с центральным голубым куполом – он был вдвое, если не втрое выше Увежской церкви. Колокольня с кружевными слухами поднималась на пятнадцатиметровую высоту. Чуть ниже звонной площадки башню опоясывал белый смотровой балкон с арочными выступающими опорами. Стоящие на нем люди, казались маленькими, а голуби, облюбовавшие балконные опоры – темными точками.

У внешнего притвора храма просили милостыню нищие. Девушка достала кошель, и раздала по монетке. Просящие кланялись, пряча копейки за пазуху. Последним в ряду сидел косматый мужичок с дырявым одеялом на плечах, весь какой-то скособоченный и бормотал что-то себе под нос с отсутствующим видом. Тиса бросила ему монетку в подол.

Служба уже закончилась, и в храме было мало народа. Под

сводом мерцали восковые свечи хороса. Войнова прошла к аналою и поцеловала святое писание. Поклонившись Едино-му и святой пятерке, затем ушла в молитву на некоторое время. Девушка благодарила за то, что Единый откликнулся и помог поговорить с Мо Ши, благодарила за благополучную дорогу, за жизнь свою и близких, за здоровье отца, за каждодневную науку... и просила у Святой Пятерки даровать ей забвение – избавить ее от тоски по несостоявшейся любви.

Намереваясь покинуть благодатный очаг, Тиса подняла глаза на огромную фреску, украшающую всю южную стену храма. Изображение поднималось вверх и терялась в сумраке свода – пейзаж с лесами, лентами рек, уголками гор, облаками. Стада животных наполняли пастбища, а стрелки птичьих косяков рассекали намалеванные облака. И, как ни странно, по центру сего великолепия, располагалась большая расплывчатая человеческая фигура, выкрашенная серебристой краской. Ни тебе лица, ни одежды. «Присутствие» – прочитала Тиса надпись по нижнему канту фрески. Красивая фреска, жаль, что иконописец не закончил работу. Тиса поцеловала звезду, осенила себя святым знаменем и вышла.

***

По возвращении в дом Отрубиных ее ожидал обед, а после него ознакомительный променад по дому вместе с Лизой. Лев Леонидыч настоял, и дочь беспрекословно подчинилась, хотя и не горела желанием проводить время с приезжей. Мо-

лодая Отрубина держалась чуть кичливо, о залах и комнатах, которые показывала Тисе, рассказывала скудно, через губу. Лишь, когда речь зашла о кабинете отца, она оживилась и объяснила, что в левое крыло лучше не заходить, чтобы не тревожить папа. Ну, и, пожалуй, бальную залу и красную гостиную – самые богато обставленные, осветила просторнее и красочнее.

Тиса оценила прекрасную мебель из красного дерева, которую «заказал папа у лучшего краснодеревщика Белогграда», обитые стены – для которых «благородный шелк доставили матушке из Крассбурга», собрание фарфоровых фигурок – «вот эти две из Шуи, эти из Панокии и Чивани». Но это было еще не все.

– Это самая любимая статуя папа, – указала Лизонька на нечто огромное посреди гостиной.

С минуту Войнова округлившимися глазами рассматривала громадное, в рост самой Лизоньки, красно-гранитное изваяние дракона. На древнем был надет мундир с золотыми петлями. Большие золотые погоны нашлепками лежали на мускулистых «плечах». Золотой кивер сверкал короной на рогатой голове. И целая россыпь золотых клыков торчало из пасти. Аляповатей чуда еще свет не видывал. Изумление Тисы молодая Отрубина отнесла к глубокому восхищению и с гордостью добавила:

– Он с накладом, – она потянула вверх драконов хвост. Раздался тихий щелчок.

Крылья древнего натужно приподнялись. У дракона со скрежетом отвисла челюсть и из пасти раздался рычаще-булькающий звук. Это представление длилось секунд десять. А по его завершении, у дракона с грохотом шлепнулся на прежнее место хвост. От этого Тиса чуть не подпрыгнула. М-да. Ночью приснится, подштанниками не отмашешься, как сказал бы Кубач.

– Па действительно просит не прикасаться к дракону даже пальцем. В этом он доверяет только мне, – Лизонька задрала подбородок. Для верности она еще минуту страшила новенькую предупреждениями. Из всех слов Войнова уяснила, что игрушка неприкосновенна из разряда «не тронь, а то удушат и за конюшной прикопают». И слава Единому. Второй раз наблюдать, как эта неповоротливая глыба рычит, желания не было никакого.

Следующим на очереди оказалось собрание картин, которое вызвало у Тисы куда больший интерес.

– Эта картина называется «Охота шуйского хакана», – указала ладошкой Лизонька на произведение заморского искусства. – Художник Рамоль Чен написал ее три века назад в Бад-Сарае.

Тиса с удовольствием рассмотрела, как искусно выписан парчовый халат хакана, поразились, как достоверно блестят взмыленные лошади и чуют носами добычу тонконогие гончие.

– Прекрасная работа, – похвалила Тиса.

– Ее матушка привезла из Брельска, – произнесла гордо Лиза. – Это большой портовый город на берегу моря, где учится мой брат. Вы там были?

– Нет.

– Дайте угадаю. Вы и море даже никогда не видели?

Войнова с сожалением покачала головой.

– Какой ужас. Ни разу еще не видеть море! Матушка говорила, у вас и театра нет. Не представляю, как можно жить в этих жутких провинциях. Должно быть, вам в вашем деревенском городке было невероятно скучно?

– Ничуть, – отвернулась от картины Тиса и посмотрела на красавицу. – У нас тоже порой случаются занятные случаи.

– Это какие же, позвольте узнать? – с усмешкой спросила Лизонька.

– Да так, пустяки. Недавно в нашем лесу изнань объявился. Огненный, в два человеческих роста.

В следующие несколько секунд Тиса с наслаждением наблюдала, как выдержка оставляет Отрубину, и девушка испуганно тарашит на нее прекрасные глаза.

– Да, не волнуйтесь вы так, – сжалилась над ней капитанская дочь и улыбнулась. – Демон недолго гулял. Пока наш наместный вэйн его в изнанку не отправил.

И пусть она про наместного присочинила – с изнанем справился совсем другой человек, зато хоть ненадолго с Лизоньки слетел надменный вид.

Заметив мольберт, расположенный у дальней светлой сте-

ны гостиной, напротив выхода на балкон, Тиса сменила тему:

– Я слышала, вы сами рисуете. Должно быть, вас вдохновил вид из окна?

– Да, – протянула Лизонька, кидая на мольберт рассеянный взгляд.

– Позвольте взглянуть?

– Нет, – резче, чем полагалось в таких случаях, ответила девушка. И тут же смягчилась. – Я хотела сказать, что картина еще далека от завершения.

***

Когда Тиса вернулась в свою комнату, то заметила следы пребывания горничной – ее кофточка и зеленое шерстяное платье, которую она выложила, чтобы отдать по возвращении в гладильню, были аккуратно сложены и складированы на спинке кровати. Покрывало снова соперничало гладкостью с яичком. А клетка с голубями переставлена с подоконника в темный угол меж шкафом и столиком, на лист местной газеты. Войнова вернула клетку на место – к свету, и покормила птиц.

Какое-то время Тиса посвятила написанию писем: отцу, Агапу Фомичу и Ганне. Трубочку из готовых посланий она спрятала в туесок для голубиной почты и, «снарядив» сизаря, одного из четырех из клетки, Тиса выпустила птицу из окна в небо. Проводила взглядом голубка и пожелала ему счастливо добраться до части.

Вечером Марья Станиславовна в сопровождении компаньенок отбыла на чей-то званый ужин, и вечернее домашнее застолье отменилось. И слава Святой Пятерке. Тиса спокойно поужинала в хлебной. И ближе ко сну, завершив дела насущные, девушка зажгла вэйновскую свечу и улеглась в кровать, листая библиотечные книги.

Уже через полчаса ее настроение несколько испортилось. Слишком много из написанного в книгах оказалось ей непонятным. Сухая формулировка понятий пугала заковырыстыми оборотами. Но кое-что все же из прочитанного показалось ей интересным. Например, запомнилось высказывание знаменитого видящего прошлого века Ликардия Фоля: «Настоящий искун обязан видеть еще дальше», – считал мудрец: «Он должен читать лица людей, подобно умелому физионому, дабы не стать орудием в руках лжеязыкой корысти. Первое правило уважающего себя Intago – используй дар, отпущенный тебе Единым, во благо, и никогда – для наживы собственной, либо чужой».

Как и рассчитывала Тиса, книги отвлекли ее от других мыслей, и заснула в этот вечер она более-менее благополучно. Другое дело, что ночь все равно выдалась беспокойной. И видения на сей раз оказались ни при чем.

Ее разбудили громкие крики за окном. Тиса поплелась к окну. Под тусклым светом уличных фонарей на противоположной стороне Бережковой дюжина человек гналась за тремя беглецами и при этом многоголосо ругалась. Убегающие

неслись по мостовой не хуже оленей, придерживая шляпы руками. Последний толстяк в белом кушаке под сюртуком бежал последним. Кто-то в толпе преследователей поднял было стреломет, но не выстрелил.

– Шкуру сдерем! А ну стоять, твари!

– А вы поймайте сначала! Дроты-то у вас закончились! Хе-хе.

Но неожиданно беглецам стало не до смеха. Из переул-ка им наперерез выбежали двое. И сразу же через мостовую протянулась алая светящаяся лента-бич. Один из них оказался вэйном. Проявив чудеса изворотливости, беглецы отпрыгнули от бича и резко сменили направление. Они броси-лись к каналу и ловко запрыгнули на его ограждение. В по-следний момент вэйн вскинул скип и послал вслед еще один алый хлыст. Светящаяся в темноте лента не задела ног пер-вых двух беглецов, но сбила третьего – толстяка в кушаке. Более удачливые приятели оглянулись на невезучего товари-ща, но мешкать не стали – нырнули в реку с головой. Темно-та, сгустившаяся над каналом, не позволила Тисе разглядеть их. Похоже, не только ей. Ловцы тщетно перевешивались че-рез перила балюстрады, пытаясь высмотреть ныряльщиков.

Толстяка подняли на ноги и с размаху вlepили ему ку-лаком в скулу. Дюжина на одного! На этом Тиса не смогла дольше наблюдать. Натянув спешно на себя платье, девушка вышла в коридор. Сбежав вниз по лестнице на второй этаж, она остановилась у окна. Отдернула шторы, оголяя окно.

– Что вы здесь делаете, барышня? – услышала она за спиной строгий мужской голос.

От неожиданности Тиса отступила, а Лев Леонидыч с невозмутимым видом снова зашторил окна.

– Там человека бьют, – пролепетала она.

– Это никак не мое дело и, тем паче, не ваше, – он поправил сбившийся на лицо ночной колпак. – Прошу вас воротиться в комнаты, барышня. Ступайте же.

Коридор озарился дрожащим тусклым светом, кто-то необъятный в исподнем нес свечу. И Отрубин простонал «Ну, Мари, ну вы-то зачем поднялись?» поспешил туда. Понеслись голоса, это стали собираться разбуженные уличными разборками домочадцы.

– Расходитесь! Ну, чего застыли, как мухи в зиму? Подумаешь, драка, эка невидаль, – принялся всех разгонять Лев по-хозяйски.

Когда Тиса вернулась в свою комнату на третий этаж, мостовая за окном уже обезлюдела.

***

Поутру от недосыпания Тиса чувствовала себя вялой ровно до тех пор, пока не припомнила наказ преподавателя – приходить на занятия вовремя. С этого момента, она собиралась куда расторопнее. Ночные события при свете дня уже не казались чем-то ужасным. Никого не убили – самое глав-

ное. А почесать кулаки – так и в Увече находились желающие учинить драку. Единственное различие – в ее городке вэйны с хлыстами ни за кем не гонялись.

Вскоре совесть Тисы окончательно успокоилась – при выходе из особняка Отрубиных сразу стало ясно, что ночная погоня не прошла мимо внимания местной благочинной управы. На Бережковой улице владельцев желтых кокард оказалось больше чем простых прохожих. Надо отдать должное стражам порядка – вид они имели наиусерднейший. Бегали, как ошпаренные, суетились, даже рыскали в колючих кустах барбариса. Интересно, что они ожидали в них найти? Один благочинник, видимо, от пущего рвения решил прочесть и живую изгородь сада Отрубиных – почти пролез меж кованных прутьев ограды, но, завидев Тису, сконфузился и отступил. У соседского особняка усач в мундире о чем-то расспрашивал жильцов. На очереди – дом Отрубиных. Будто в ответ мыслям Тисы, на крыльце появились Рина Степановна и привратник Григорий. Те, кто будут ответ держать – догадалась девушка. Она взглянула на ажурные стрелки вэйно-часиков и решила поторопиться, пока ее саму не задержали вопросами.

Дорога к пансионату одаренных показалась короче, чем вчера. Миновав ворота старой Евсифоны, девушка обогнула главное здание в поисках преподавательского общежития и умудрилась заплутать в сквере. Свернула не на ту дорожку, и вышла к ученическим общежитиям. Пришлось спрашивать

дорогу у школьницы.

– Это рядом, – махнула ручкой девочка, указывая направление. – Сразу за старым общежитием. Ой. Только не входите в «трещину»! Там манила!

«Что за манила?», – хотела спросить Войнова. Но послышался звонок со стороны главного здания школы, и ученица сорвалась с места, вслед за подругами.

Вскоре Тиса поняла, о каком общежитии велась речь. За очередным поворотом тропинки ее взору предстало заброшенное здание, огороженное неровным частоколом. Окна первого этажа были забиты досками, крыша местами провалена. От первого этажа до четвертого стену старого общежития разрывала большая уродливая трещина. Девушка остановилась, неприятно впечатленная зрелищем. Что-то мелькнуло в окне третьего этажа. Несмотря на запрет, кто-то все-таки лазит в эту развалину. И почему его еще не снесли?

– Я вижу, вы не боитесь опоздать на свой первый урок, – услышала рядом мужской голос, и это отвлекло Тису от зрелища.

Учитель стоял в нескольких шагах от нее. Под мышкой он зажимал папку с бумагами и портфель. На самом дне зеленых глаз скрывалась такая же зеленая досада.

– Я спешила попасть вовремя, – покачала головой Тиса, невольно оправдываясь, – и немного заблудилась.

Климентий перевел взгляд с ученицы на старое общежитие:

– Пойдемте, Тиса Лазаровна. Не будем терять времени.

Семеня следом за женщиной, девушка пару раз обернулась.

– А что случилось со зданием? – не удержалась она от вопроса.

– Землетрясение, в пятидесятых годах. Многие городские здания не устояли. А в Евсифоне уцелели все постройки, кроме этой.

Преподавательское общежитие имело три этажа и никаких особых прикрас. Можно предположить, что строилось оно в спешке на смену треснутому старому, и потому зодчий не озаботился излишествами. Внутри оказалось вполне уютно – старушка-привратница вязала носки, половики на полу, горшечные цветы на окнах. Пройдя узким коридором первого этажа, Ложкин остановился у двери с табличкой «Увлеченный клуб». Завозился с ключом. Дверь поддалась и распахнулась.

– Прошу, – Климентий Петрониевич поднял руку в приглательном жесте.

Тиса шагнула в просторную клубную гостиную. Отчасти так казалось из-за окна, лишённого занавесей, и довольно простой обстановки. Пара жестких диванчиков с обивкой в рубчик, круглый низкий столик посредине, угловая этажерка – вот и вся нехитрая мебель. Хотя нет. Еще ширма-гармошка наблюдалась – высокая деревянная с резьбой, изображающей сцены из былин.

Из гостиной вели еще две двери, не считая той, в которую они вошли. Кабинет Климентия Ложкина оказался несколько тесноват, если сравнивать с кабинетом отца или Мо Ши. Тумба, письменный стол со стульями – вот и вся мебель. Книг и бумаг наблюдалось много, в этом ассистент и профессор нашли друг друга. На двери висела карта Орской губернии, усеянная карандашными пометками.

Тиса сняла пальто и с трудом повесила на крюк высокой вешалки. Климентий скинул с себя драповый сюртук и остался в темно-коричневом костюме – на вид, не новом, чуть залосненном на локтях, зато отлично сидящем на высокой стройной фигуре.

– Присаживайтесь, – предложил учитель.

Тиса выложила на стол библиотечные книги и тетрадь для записей. Расположившись на стуле напротив, учитель раскрыл свою папку с бумагами, сощурился, размышляя над чем-то, затем с сожалением схлопнул и отложил в сторону.

– Буду с вами откровенен, – мужчина откинулся на спинку стула, глядя на девушку исподлобья. – Что бы ни говорил Мо Ши, я не преподаю Интаго, хотя у меня и есть дар в некоторой степени. Вижу людей, как и вы. Но мало смыслю в этом. Мой же основной предмет – история. Так что, если вы откажетесь от занятий, я пойму. Деньги вам вернут. Сумма большая, но я договорюсь...

Тиса смотрела на Ложкина и тоже прекрасно все понимала – вести уроки по дару этому человеку в тягость – он занят

другим делом, наиболее ему интересным, и не желал тратить время на что-то отвлеченное. Спасибо Мо Ши, благодаря заведующему, прямо отказать ей ассистент не мог. Разве что отговорить, что он собственно и пытался сделать.

– Я благодарна вам за откровенность, Климентий Петрович, – сказала девушка. – И рада, что она дает мне право ответить вам тем же. Вчера я не лукавила, когда говорила, что нуждаюсь лишь в азах. Если говорить начистоту, я очень бы хотела, чтобы вы за пару недель вы научили меня лишь одной вещи. После этого, обещаю, уеду с легким сердцем из вашего города и вряд ли когда-либо еще появлюсь на пороге школы одаренных.

– И чему вы хотите, чтобы я вас научил?

Тиса вздохнула:

– Прерывать видения. Вернее, из некоторых у меня получается выйти, из некоторых – нет. Что очень досаждало.

– Странно, – Ложкин подался вперед. – Я был уверен, что вы назовете мне проблему всех новичков: что не можете видеть, когда вам того хочется. В таком случае необходимо раскрывать дар: повышать чувствительность связи, усиливать настрой, что порой затягивается на год.

Для человека, который «мало смыслит в этом», он много знал.

– А вы говорите, у вас с поиском проблем нет? – Ложкин дождался кивка девушки. – Тогда дело за малым.

На миг в глазах светловолосого блеснуло нетерпеливое

желание – научить ученицу в сию же минуту тому, чего она просит – и выпроводить! Он желал так же быстро избавиться от Тисы, как она от непрошенных видений. И девушку это только радовало.

– Смотрите, когда вы желаете покинуть объект поиска, вы должны сделать усилие, как будто выполняете «отстранение», но при этом сделать рывок в разы сильнее, – заметив растерянность на лице девушки, учитель осадил коней. – Вы отстранение-то усвоили уже?

Тиса покачала головой.

– Дело немного затянется, – пробурчал себе под нос Климентий. Он взял книгу со стола и раскрыл на первых страницах. – Что ж, – смирился ассистент, – пожалуй, отдельные понятия и их значения вам необходимо для начала уяснить, чтобы мы могли понимать друг друга.

Урок начался. Учитель зачитывал формулировки вроде: «Esto Intago предусматривает поиск, когда связь с объектом формируется через посредство формируемого в сознании искуна абстрагированного образа искомой личности без его непосредственного сенсорного восприятия. При этом спектр возможностей при «дальнем» поиске, как правило, меньше, чем при «ближнем». Это обусловлено менее «плотной» психосвязью с объектом взаимодействия». Затем старался втолковать ученице прочитанное на доступном для нее языке. Тиса усердно скрипела перышком, ощущая к учителю благодарность. И даже его слегка высокомерная манера держать

себя не вызывала раздражения. Ассистент заведующего как-никак.

«Объект поиска» – и так ясно – это тот, кого она ищет. «Оболочка» – тело того, в ком она находится. «Отстранение» – это когда сознание покидает тело и отлетает на несколько метров от него. У среднего искуна – не более трех метров обычно. Увы, отстранением она не владела. Видела окружение глазами «искомого», но пока не могла увидеть его самого со стороны.

– Вот, еще запишите, – учитель встал, чтобы распахнуть форточку. Сквозняк тронул его светлые волосы, зачесанные на прямой пробор, он старательно пригладил их рукой. – Дар подразделяется на виды визуальный, слуховой и многотипный, одностипный...

К концу урока Тиса смогла сказать Ложкину, каким видом дара поиска владеет – «визуальным одностипным». О том, что он на самом деле он «многотипный» (видит-то она не только людей) – Тиса решила и дальше умалчивать.

В форточку ворвался школьный звонок. Из клубной гостиной послышался оживленный разговор. Через дверной проем открытой двери Войнова увидела троих. Должно быть, завсегда и Увлеченного клуба, догадалась она.

– К-кречет превзошел себя! Благочинники тут, благочинники там! Та-ра-рам! – чуть заикаясь, пропел щуплый паренек двум девушкам. Вокруг его длинной худой шеи в несколько витков был намотан шарф. – Говорю тебе, Клара.

Такого еще не было! Я слышал, они просто поселились на всех выездах из города и проверяют выездные бумаги каждого, кто смеет покинуть Оранск.

– Ой! Так они теперь всегда там жить будут? – хлопая ресницами, прошебетала девушка в желтой шляпке, густо украшенной атласными розами.

– Люси, ты меня убиваешь, – возвела глаза в потолок брюнетка. Она стянула с головы серый чепец, открывая взгляду смелую стрижку: подрезанные до плеч черные гладкие волосы. Затем небрежно кинула на диван ридикуль. – Постарайся задавать вопросы реже. Или хоть немного думай, прежде чем говорить.

– Может, и останутся т-там жить, Люсенька, – хохотнул паренек. Он достал из кармана очки с круглыми стеклами, протер их кончиком шарфа и водрузил на свой нос. – Пока не поймают того, кого ищут. Вот бы знать, кого именно! – он облизнул губы под узенькой полоской усов. – Что думаешь, Клара?

Брюнетка не спешила отвечать. Со скучающим видом она повернула лицо в сторону кабинета и неожиданно для себя встретилась с Тисой глазами. Войнова выдержала оценивающий взгляд темно-карих глаз. Паренек проследил взглядом за приятельницей и воскликнул:

– О, так Клим уже здесь! – и добавил шепотом: – И не один!

Климентий Петрониевич выглянул к пришедшей троице

и протянул руку пареньку:

– Держи ключ, Строчка. Открывай, и начинайте без меня.

Я присоединюсь к вам через минуту.

Он вернулся в кабинет:

– Простите, Тиса Лазаровна. На сегодня урок окончен, – сверкнул зелеными глазами Ложкин. И Тиса поняла, что мыслями он уже почти там, в соседней комнате.

– У Новикова прочтете первый и второй параграф. У Кашина – виды, – быстро диктовал ассистент. – В третьем разделе поищите «состояние отстранения». Линьскую для общего развития по желанию. Но сильно не зачитывайтесь. Настраивайтесь на практику. Начнем со следующего занятия. Я вас жду... так-так... в пятницу, в десять часов. Прошу, не опаздывать!

Тиса поблагодарила его за урок. Ложкин взял со стола дорогую сердцу папку и выскользнул из кабинета вслед за ученицей.

Минуя клубную гостиную, девушка заглянула в открытую дверь третьей комнаты Увлеченного клуба. То, что она увидела, напомнило ей картинку в одной книге, которая рассказывала об имперских исследователях. На длинном столе возвышался громоздкий странный предмет, оснащенный трубой, похожей на подзорную. Только она глядела не вверх, как у звездочета, а вниз – на широкое стекло. На длинной подставке – блестящие ряды склянок с содержимым темного цвета.

– Клим, ты видел? Ростовкины так и не привезли новые образцы! Они морозов дождутся, разгильдяи! – в дверях появилась черноволосая девушка. – Ох, ты еще занят.

Окинув Тису недовольным взглядом, брюнетка скрылась из вида. Войнова отметила платье девушки – черное с белым воротником-шалькой. Слишком строгого кроя, без малейших украшений, что в последнее время – редкость.

Попрощавшись с учителем, Тиса, наконец, отпустила ассистента к тем, кто жаждал его видеть, а сама покинула Увлеченный клуб.

Глава 4 – Графья Озерские

Зря она боялась. Первый урок в итоге оказался даже лучше, чем можно было мечтать. Климентий Петрониевич явно не заинтересован затягивать обучение, и это просто замечательно! Тиса облегченно вздохнула, возведя очи к небесам. Единый, неужели скоро она перестанет видеть вэйна! Последнее видение доказало очередную ложь. Он общался со своим дядей, вопреки горячим заверениям. Князь и его преемник прелюбезно перекидываются письмами. Тиса фыркнула своим мыслям, не замечая, как косо посмотрел на нее встречный прохожий. Из раза в раз эти невольные подглядывания за жизнью Демьяна становятся все невыносимее: смотреть его глазами, слышать голос и понимать, что при всей этой кажущейся близости, они далеки друг от друга как бриллиант и мостовой булыжник. Боже! Теперь все изменится! Как она будет счастлива, когда эти мучения закончатся! Чары рассеются, истают, как выгоревшая свеча, и она забудет его. Обязательно забудет... и заживет прежней жизнью.

В размышлениях, девушка не заметила, как оказалась у ворот дома Отрубиных на Бережковой. В решительном намерении прочитать заданный материал вдоль и поперек Тиса минула привратника, даже не заметив голубую карету в дальнем конце подъездной площадки. Две поджарые бело-яблочные кобылы фыркнули, обиженные невниманием к своим

породистым персонам.

Войнова взбежала по ступеням сумрачной парадной и неожиданно на повороте пролета натолкнулась на кого-то. Пискнув по-детски «ой», Тиса отшатнулась и, если бы не объятья рук, ловко охвативших ее талию, наверняка полетела бы кубарем с лестницы.

Ее удержал молодой человек приблизительно ее возраста. Одного взгляда на самоуверенное холеное лицо, обрамленное кудрями розоватого парика, и модный дорогой камзол, надетый вальяжно нараспашку, стало ясно – из барчуков. И родословное древо ветвями облака разгоняет.

Однако манеры у его благородия хромали – молодой человек не спешил убирать руки с талии и бесцеремонно рассматривал девушку.

– Старики Отрубины невероятные скопидомы раз скрывают от общества сразу две розы редчайшей красоты, – это было произнесено скучающим тоном ловеласа, от которого уши Тисы мгновенно заалели.

– Спасибо. Прошу простить меня за рассеянность, я не заметила вас, – произнесла невнятно девушка, сделав попытку отстраниться.

Со стороны двери на этаже слышались шаги и голоса Отрубиных.

– Граф, где же вы? – определенно голос принадлежал Марье Станиславовне.

Молодой аристократ не отпускал. Наоборот, через силу

притянул к себе.

– А какие глаза, – произнес ценитель красоты, будто не слыша, что его зовут. – Чистый янтарь с Солнечного побережья.

А у вас, сударь, противно яркие губы, подумала Тиса. Словно неделю щеткой натирал.

– Прошу отпустить меня, – наконец с нее сошла оторопь. Происходящее ей совершенно не нравилось. Не хватало, чтобы Отрубины застали ее в объятиях незнакомца. Это – то при щепетильности Льва Леонидыча к окружению дочери!

Довольная ленивая усмешка округлила щеки молодого наглеца. Похоже смена эмоций на лице девушки от растерянности к негодованию развлекала его светлость.

– В следующий раз вы меня заметите, – самоуверенно заявил молодой человек.

И Тиса вдруг поняла – этот благородный поганец специально намеревался удерживать ее и предъявить обществу милую компрометирующую сцену. Ну, знаете ли!

– Другого раза не случится, будьте спокойны, – заверила его Тиса. В последнюю секунду, прежде чем на лестничной площадке показалась компания, она поступила недостойно благовоспитанной дамы: просто по-солдатски, как Кубач учил в детстве, нащупала мизинец незнакомца на своей талии и с силой отогнула.

Барчук дернулся от боли, хватка ослабилась, и девушка

выскользнула из цепких рук. Как раз вовремя.

– Граф, вот вы где, а мы вас ищем, – Лев Леонидыч подозрительно окинул взглядом парочку молодых людей на лестнице. В отличие от жены, он словно носом чуял нечистое. – Вы верно заплутали. Лестница в зимний сад располагается в правом крыле. Чайный стол уж накрыт.

Надо сказать, хозяин сменил свой длиннополый халат на коричневый сюртук, подтянулся телом, и выглядел весьма солидно.

– Позвольте проводить вас, Ёсий Аполинарьевич, ваша светлейшая матушка и сестра уже спустились, – растягивая слова на излюбленный манер, пропела Марья Станиславовна, выплывая вслед за мужем. – Помните, вы мне обещали рассказать, о посещении Белоградского театра!

– Конечно, Марья Станиславовна. У меня великолепная память, – аристократ поцеловал пухлую ручку хозяйки, скосив злой взгляд на Тису. – Поведаю во всех подробностях. Но сначала смею просить представить мне эту милую незнакомку.

Перехватив инициативу у жены, Лев Леонидыч взял обязанность представить девушку на себя:

– Это Войнова Тиса Лазаровна, наша постоялица. Приехала из глубинки Увежской губернии. Жена опекает девицу по щедроте души, – без особых церемоний произнес он, коротко и емко. Чтобы стало понятно некоторым высокородным графам, что эта особа не стоит его внимания. Тиса второй

раз за последние десять минут почувствовала, как занялись ее уши. – Это женское, – развел ладони Отрубин с видом, мол что с ними поделаешь. – Насколько мне известно, ваша матушка также весьма сердобольна?

– Да, матушка неустанно опекает бедных сироток из «Сердечного крова», – произнес граф, глядя на Тису с затаенным злорадством.

– Ах, как это благородно с ее стороны, – картинно вздохнула Марья Станиславовна, положив ладонь на необъятную белую грудь в вырезе платья. – Эти несчастные деточки из городского приюта всегда так неприглядно одеты, аж сердце разрывается, когда вижу их. Ваша матушка само милосердие, Ёсий Аполинарьевич! Всегда думает о других более, чем о себе. Кстати, милочка, – обратилась к Тисе хозяйка. – Меня Лидия Аскольдовна, графиня Озерская и матушка нашего милейшего графа, одарила изумительным собранием сочинений. С завтрашнего же дня прошу вас читать его, сделайте милость.

Тисе ничего не оставалось, как согласиться.

– Но, не будем заставлять графиню ожидать нас, дорогая. Не желаете присоединиться к нашему скромному чаепитию, Тиса Лазаровна? – когда иссякла беседа, нехотя обратился Лев Леонидыч к постоялице, сделав тем самым ей великую честь.

– Будьте так добры, – поддержал хозяина дома Озерский, притворно улыбаясь.

И предоставить возможность способ скомпрометировать себя иным способом? Нет уж. Что у графа недоброе на уме, Тиса не сомневалась.

– Спасибо, увы, прошу меня простить, – склонила голову Войнова. – Я неважно себя чувствую и, если позволите, хотела бы отбыть к себе в комнату.

– О, сейчас я вижу этот нездоровый румянец на ваших щеках, милая, – запоздало рассмотрела ее хозяйка. – Надеюсь ничего серьезного? Я не хотела бы, чтобы Санюша подхватил какую-нибудь хворь. Не представляете граф, как нам бывает тяжело, когда малыш болеет.

– Нет, что вы, просто усталость, – заверила Марью Станиславовну Тиса. – Боюсь, от дальней дороги не совсем оправилась.

Отпущенная восвояси, Тиса не могла не нарадоваться тишине и обособленности своей комнаты. Прошло всего несколько дней, а она уже устала от превысокого общества. Нет-нет, эти кринолины, этикет и лживые речи не ее стихия, и никогда ее не будет. Но каков Озерский! Бывают же такие неприятные люди! Хотя надо признать, он удержал ее от падения. И все же, избеви Единый, пересечься дорожками с молодым графом вновь. Этот титулованный мальчишка любит потешаться за счет других, это очевидно.

Покормив голубей, Войнова присела за писчий столик и выложила из сумки книги. Какое-то время она углубилась в чтение, снова ощутив прилив желания обучится всему и

немедля. И когда за дверью со стуком подала голос Фонька, Войнова взмолилась, чтобы это не было приглашением спуститься вниз. Единый услышал. Горничная потревожила ее лишь для того, чтобы занести отглаженные вещи.

– Гости еще не уехали? – не удержалась от вопроса Тиса.

– Вы о графьях? – охотно откликнулась девушка. – Так вона уезжают, поди с вашего оконца видать будет. Смотрите, какая коляска!

Девушки дружно прильнули к окну. Карета действительно имела представительный вид. И на сей раз Войнова и лошадей оценила. И пресветлое семейство вместе взятое. Графиня была высока, сухопара и имела такую прямую спину, словно к ее спине привязали швабру. Лицо Лидии Аскольдовны по форме напоминало кабачок. И было настолько же бесстрастно, как сей овощ. За графиней неотступно следовали две девочки-служанки лет семи, понуро неся пухлый клетчатый саквояж и черный зонт хозяйки. Ростом Озерский явно пошел в мать, а вот кабачковое лицо от матери унаследовала его сестра – молодая девушка, идущая под руку с Лизой к карете. От Фоньки Тиса узнала, что зовут девушку Лееславой в честь святой, или просто Лесой.

– Она подруга нашей Лизки, – объяснила горничная, и тут же прикрыла рот, испугавшись. – То бишь Лисаветы Львовны.

– Меня можно не стесняться, Фоня, – махнула рукой Тиса. В конце концов, ей уже порядком надоели правильные речи.

Горничная кивнула и все же осторожней продолжила.

– А вот Ёсий Аполинарьевич реже бывает, – не без грусти в голосе.

– Вот уж несчастье, – поморщилась Тиса, наблюдая, как Озерский целует руку Лизоньке на прощание.

– Старый граф помер позапрошлую зиму, и он теперь сам себе граф. Такой молодой! Поговаривают, – шепотом произнесла Фонька. – Хозяин его зятем прочит Лизке, то бишь... Лизе. А она носом крутит. Но все равно выйдет.

– Почему выйдет? – удивилась Тиса.

– Батюшку не посмеет послушаться.

Тиса подняла брови.

– Это вы недавно в дому-то, потому не ведаете, – хмыкнула Фонька, видя недоверие Тисы. – Здесь, как хозяин молвит, так все и делается. Потому что на руку горяч больно.

– Кто горяч? – удивленно сморгнула Тиса. – Лев Леонидович?

– Кто ж еще? Редко бывает, но метко. Уж коли гневается, то стены дрожат и чубы трещат, – закончила Фонька поговоркой. – Лучше ему тогда на глаза не попадаться.

Тиса покачала головой. Надо же, никогда бы не подумала. Лев Леонидыч в его халате до пят, невысокого роста и далеко не богатырского телосложения. Всегда выдержанный и вдруг «чубы». Странно. Но не верить Фоньке у нее пока оснований не было.

Карета заполнилась пассажирами и покатила из ворот на

Бережковую.

Фонька убежала, а Тиса снова засела за книги. Особенно интересным показались ей записки из практики Кашина. «Владея отстранением, – писал ученый муж, – вы сможете увидеть со стороны искомую персону. Позвольте, случай: горожанка М. обратилась ко мне с просьбой найти потерявшегося на ярмарке внука. При поиске я обнаружил ребенка спящим в корзине с бельем у портомойни. Не владея отстранением, я бы узрел темноту век искомого, не более. Отстранение же позволило мне определить точное местоположение дитя».

По словам Кашина отстранение обуславливается «рывком сознания, рожденным холодным разумом». Необходимо погасить эмоции, затем пожелать оторваться от объекта мыслью, при этом жаждать ослабить, но не оборвать «оковы» связи.

Начитавшись вдоволь теории, Тиса поняла, что жаждет дела.

Янтарные глаза закрылись, чтобы видеть за сотни верст.

Маленький Егор Русланович Кошкин, чуть больше трех недель от роду, посапывал у матери на руках. Зоя минуточку качала сына, затем уложила в колыбель. Рука Ганны укрыла одеяльцем спящего крестника и поправила кружевной полог.

– Такой крепьши, весь в Руслана. А губку как потешно выпячивает, прямо как ты.

– Скорей, как Марька, – усмехнулась Зоя.

Тиса мысленно согласилась с подругой. Боже, как же хочется домой – пришло осознание. Скорее бы научиться отстранению и возвращаться! А для начала надо попытаться сделать все так, как написано в книгах. Как там? Холодный разум... рывок... жажда...

– Ох. Я и устала с ним, – Зоя прогнулась в спине. – Мне кажется, еще немного – упаду замертво. А нет – так усну стоя, как кобыла.

– Тебе еще хорошо. Мать с сестрой помогают. Я-то одна справлялась со своими оболтусами, – усмехнулась Ганна. – Валек такие мне песни закатывал. Ой-ей, помню, как намалялась я с ним, пока Агап Фомич укрупу наварить не надодумил. С Тисой вместе варили. Она тогда и ночевать у меня осталась, – подруга вздохнула.

– Да, Тиса всегда помогала, – согласилась Зоя. – Если бы не ее каховик, даже не представляю, как бы рожала. Есть хоть вести от нее?

– Ни одного голубя. И это меня беспокоит.

– И зачем только уехала? – протянула Зоя. – А если знакомого ее бабули уже и в живых нет?

– Пусть. Ты ж видела ее? Когда зареванная ходила – еще ничего, но потом. Вроде и разговаривает, и улыбается, а все, как не она. Может быть, хоть на чужбине в себя придет.

– Жалко ее... – протянула Кошкина. Но горестное выражение не задержалось на ее лице. – И все же я считаю, что упускать богатого вэйна, притом с титулом – было ужасно глупо с ее стороны.

Тиса поняла – отстранение не получится! Мысли метались, а беседа подруг не давала сконцентрироваться.

Ганна покачала головой:

– Он лгал ей и привораживал.

– Знаю. И все же он попросил ее руки! Некоторые, чтобы получить такое предложение от высокородного готовы пол жизни отдать. Вон на Марьку посмотри – из кожи вон лезет, все надеется, что Филипп ей предложение сделает. И никак покамест. Мамашку его вредную коляской же не переедешь? А у Тисы такой шанс был! Княгиня Невзорова! Только вслушайся!

– Не желаю, – фыркнула Ганна. – Тиса отказала и правильно сделала. Чтобы он ей всю жизнь голову дурил? Это из-за его волибы она сама не в себе. А если такой останется? Нет. Пусть только этот благородный враль появится, огрею метлой да так – до столицы лететь будет, и рысак не понадобится!

Все, достаточно! Тиса усилием воли сбросила видение.

***

Дни до пятницы не желали пролетать быстро. Тиса изнывала ожиданием будущего урока. Все что могла почерпнуть

из книг об отстранении, она усвоила. Что до практического применения – «видеть» кого-либо со стороны ей так и не удалось. За три дня она посетила в видениях отца, лекаря, Рича, подруг и Камиллу. Приобрела изможденный вид и знала все сплетни Увега, но так и не приблизилась к неподдающемуся «отстранению» ни на мизинчик. Что она делает не так?

Маета на душе заставляла Войнову спускаться, и проводить какое-то время в обществе Отрубиных. Она читала новый любовный роман для благодарной слушательницы в лице Марьи Станиславовны. Собрания сочинений в трех томах «Благочестие», «Смирение» и «Скромность», любезно подаренные графиней Лидией Аскольдовой Озерской остались нетронутыми, зато книги были напоказ выставлены в книжном серванте красной гостиной. Роман же, который удостоился чтения вслух, назывался «Чары любви». Иногда Тиса вникала в суть того, что читает, иногда ей хватало знаков пунктуации, чтобы не сбиваться и предаваться незаметно размышлениям на отстраненные темы. Пока что книга повествовала о молодой баронессе и ее ухажере красавце гусаре. Каждый день он проводил под балконом избранницы с домрой и пышными стихами в ее честь. Много пустых диалогов, но на удивление Марье Станиславовне роман нравился. Матрона то зевала, мечтательно, закатив глаза к лепнине потолка, то охала в ладонь.

Улучив момент, Тиса как-то намекнула хозяйке об оплате за постой, чем вызвала сонное непонимание на круглом ли-

це Марьи Станиславовны. И девушка не стала продолжать, приняв решение, что лучше приобретет что-то для хозяйки в подарок в ближайшие дни.

Каждый день ко Льву Леонидычу прибегали гонцы из торжка, и хозяин дома закрывался с ними в своих покоях для деловых пересудов. Санюша то почивал полуденным сном на радость всем домочадцам, то устраивал искрометные представления, и все домочадцы оказывались не в силах его утихомирить. Лизонька пропадала в красной гостиной за малеванием и не участвовала в общих посиделках. Но в четверг к дому подкатила легкая двуколка Озерских, и молодой Отрубиной пришлось оторваться от своего шедевра.

Когда Лееслава появилась в гостиной, поцеловать ее ручку вышел из своих покоев сам Лев Леонидович. Хозяин дома справился о здоровье графини и графа и не торопился возвращаться к делам. Напротив, кликнул слуг накрывать чайный столик и велел нести сладости, что доставили из пекарни Творожковых.

– В прошлый ваш приезд, помню, вам прихлились по вкусу их крендельки с кремом.

– Благодарю, но я приехала ненадолго, – низким и для столь юной особы голосом сказала Озерская. – Лиза, матушка одобрила идею брата поставить пьесу «Розы Равеля», чтобы выступить на Сотворенском благотворительном концерте. – Она взяла в руки ладони подруги. При сем дружественном жесте лицо Лееславы, видимо, по природе мало эмоцио-

нальное, оставалось бесстрастным и это делало ее еще больше похожей на свою мать. – Ма сперва не соглашалась, но потом изменила свое мнение. Ёся убедил ее, что пьеса о беспутстве Равеля и его трагической кончины станет назидательной для нынешней молодежи.

Тиса, сидевшая с Оливией на придиванной козетке, опустила голову, чтобы скрыть просящуюся на свет усмешку. Молодой граф Озерский печется о благонравии молодежи? Право, смешно! Наверняка сынок вешает строгой матери лапшу на уши, а сам знаком с беспутством не понаслышке.

– Пьеса на благотворительном концерте! Ах, какая замечательная идея, девочки! – оживилась хозяйка дома, сбросив диванную дрему. – Поистине Лидия Аскольдовна величайшей души человек.

– Завтра будем разучивать первую сцену. Участвовать согласились многие, кого ты знаешь, Лиза. Роль Равеля будет играть, конечно, брат, и он весьма надеется, что ты будешь третьей Розой.

– Я не сильна в лицедействе, – проямлила Елизавета. – И не могу завтра к большому сожалению... Я хотела закончить свою картину, ты же знаешь.

– Что ты такое говоришь, детка? Пропустить такую прекрасную возможность ступить на сцену – кощунство! – Отрубина старшая театрально коснулась тыльной стороной ладони лба. – Ах, если б я была молода, как ты!

– Ты же можешь домолевать картину и позже, не так ли,

Лиза? – произнес Лев Леонидыч, глядя в глаза дочери. – Тебе давно пора развеяться.

Лиза кивнула. От радости Марья Станиславовна гнусаво и протяжно запела:

«О мой Равель! Любо-овь мо-оя! Настал сей срок. К тебе спешу сегодня я! На грудь мне ляжет лепесток, и роз блаженный аромат укроет нас в саду!».

Тисе оставалось только удивляться причудам богатых семей. Она вспомнила Ганну, плетущую кружева, чтобы свести концы с концами, Кошкиных, каждый год молящихся о хорошем урожае сада. Все же богатые семьи не знают больших забот, а их жизнь безоблачна и редко омрачается тучами.

Но уже утром следующего дня Войнова убедилась, что у монет есть и другая сторона.

Глава 5 – Лента

Чтобы не опоздать на урок, она поднялась спозаранку. Голуби еще даже не высунули свои розовые носы из-под теплых крыльев, а пасмурное небо продолжало дремать в сырых холодных сумерках. За окном неслышно текла в своем каменном русле Патва. Ни ветерка, ни души. Хотя нет. От ствола старого клена, что рос напротив дома, отделилась темная фигура, и побрела вдоль набережной. Благодичник. Сколько их рыщет днем и ночью по городу и в его окрестностях? Лишь Святая Пятерка знает. Казалось, весь день пройдет в благодатной тиши, однако ожиданиям не суждено было сбыться...

Дом Отрубиных очнулся иначе, чем обычно – с криками, руганью и грохотом. Готовая к выходу, Тиса подхватила сумку и спустилась на шум, чтобы вскоре наблюдать невероятную картину. Лев Леонидович с пунцовым как редиска лицом, ухватив за вихры посыльного, шлепал беднягу по макушке своим парчовым тапком, при сем дико голосил и грозился стереть с лица земли торжок, а также всех его работников вместе взятых. Марья Станиславовна с Лизонькой тщетно пытались оттащить главу семейства от незадачливого гонца. Но Лев Леонидович не собирался так просто выпускать из рук пойманного козла отпущения.

– Ах, прохиндеи! Исподне отродье! Вы еще пожалеете! Я

подам жалобу в Крассбургский суд! Знали б на кого разевают рты, свиньи! На род Отрубиных! Всех до единого засажу в острог! Я заставлю их выполнить уговор!

– Па, прекратите же!

– Левушка, оставь мальчика в покое!

Не известно, как долго продолжалось бы сие безобразия, если бы не чудодейственная сила дородной дамы. Марья Станиславовна решила дело, рванув на себя подол мужниного халата вместе с супругом. Этого короткого момента «козлику» хватило, чтобы вывернуться из лап разъяренного «льва», и он понесся по лестнице со всей моченьки. В спину беглецу полетел тапочек, затем стул. Следом осыпалась осколками фарфоровая ваза в розочках.

– Знатно стрекача задал гонец, – шепнула Тисе на ухо Фоська. – Пора ноги уносить, покамест и нам не перепало.

Слуги, которые толпились вокруг зеваками, тут же вспомнили об обязанностях и, не мешкая, стали вышмыгивать один за другим из коридора. Тиса не стала испытывать судьбу и последовала их примеру. Служебным выходом она покинула дом, слава Единому, живой и невредимой.

Шагая вдоль балясин канала, девушка то и дело качала головой, с коротким смешком вспоминая минувшую сцену. Фоська ничуть не преувеличивала – Лев Леонидович действительно в гневе скор на руку. Крепко же досталось тому пареньку из торжка. Странно, все же богатое и именитое семейство, а не гнушается рукоприкладства. Или же в таких

вот семействах как раз и в ходу обычай лупить слуг хозяйской дланью? Тиса вспомнила отца. Тот, как бы ни был зол, всегда сохранял трезвость ума и никогда не распускал руки на подчиненных. В этом и необходимости не было. Батюшка и без того имел талант подчинять словом.

Мысли об отце переметнулись к письмам, которые уже должен был доставить голубь. Отец наверно вздохнет облегченно, узнав, что с ней все в порядке. А Ганна, если получила ее послание, выйдет в воскресенье на зеркальную беседу. Так они меж собой называли придуманный ими способ общения. Пользоваться же для общения почтовой имперской службой Тиса остереглась. Если вэйну взбредет в голову ее искать, то облегчать ему эту задачу она не желала. Скорее наоборот.

У чугунной птицы Евсифоны Войнова оказалась раньше назначенного времени. Серебряные часики, что скрывались под манжетой, показали, что до начала урока оставалось не менее получаса. Ничего другого не оставалось, кроме как слоняться на территории школы в ожидании. У старого учительского общежития девушка снова остановилась, прикидывая мощь былого землетрясения, что разломил здание пополам, словно пирожок. Воистину, чудовищная сила. Чем дольше она глядела на забитые окна, обрушенную кладку и черный зияющий проем трещины, тем настойчивее проявлялось желание войти внутрь заброшенного здания. Чахлаый частокол, преграждающий путь, нисколько не смущал. Не

моргая, Тиса сделала пару шагов, сойдя с дорожки в жухлую мокрую траву.

– Здравствуйте, с-сударыня! – на сей раз от созерцания ее отвлек отнюдь не учитель.

Тиса обернулась. В шагах пяти от нее приветливо улыбался юноша в очках. Конец его длинного полосатого шарфа так и грозил угодить в лужу. Завсегдатай увлеченного клуба, как помнится. Имя еще у него необычное какое-то.

– Простите покорно. Вы меня не п-помните? Я – лаборант и помощник Климентия Петониевича по клубу. Клим в прошлый раз не потрудился нас представить, но я вас знаю. Вы его ученица, – он коротко поклонился. – Виталий Романович Стручков, с вашего разрешения.

Интересно, как можно быть таким словоохотливым и при этом заикаться? Но, судя по всему, парень совершенно не стесняется собственного произношения и чувствует себя свободно в общении.

– Тиса Лазаровна Войнова, – кивнула в ответ девушка, ступив обратно на твердь дорожки.

– Вы должно быть на урок пришли?

– Да, только вот раньше времени.

– Главное, не п-позже, – усмехнулся Виталий, легко забросив официальный тон. – У Петрониевича к пунктуальности невероятная слабость. Стоит раз опоздать, и он будет весь день зудеть на ухо, как комар. «Как можно терять время, когда столько накопившихся дел простаивает! Вопиющая

небрежность!», – смешно передразнил он друга. – Кровашки он все равно выпьет, будьте уверены!

Тиса невольно улыбнулась.

– Так что хотите спокойно заниматься, приходите вовремя, – подмигнул нечаянный собеседник. – П-простите за любопытство. Я слышал, что вы из искунов, как и Клим?

Глаза паренька за круглыми окулярами очков восхищенно блеснули.

– Отчасти, – промямлила Тиса. – Дар мне пока не совсем подчиняется, – с сожалением призналась она.

– Не волнуйтесь, Климентий вас научит! – махнул рукой Виталий. – Ложкин уж, если за что берется, то с пути не собьешь, хоть волами тащи. Вот взять наш клуб. Без Клим его уже давно бы прикрыли, ей-Богу. Противщиков – пруд пруди. Но Петрониевич каждый раз на собрании школы отставляет наши археологические потуги. Добрый день, Карп Соломонович, – Стручков поздоровался, пропустив на дорожке проходящего мимо старичка-преподавателя.

Его полосатый шарф все же замочил бахрому в луже. Заметив это, юноша оттянул лямку от шеи.

– Да я, наверно, вас совсем заговорил, – виновато произнес Виталий. – Простите, пожалуйста. Правду Клара говорит – мой язык с в-версту длиной. Клим не простит мне вашей задержки. Пойдемте от старого корпуса, Тиса Лазаровна, а то Манила утащит в трещину и с крыши сбросит, – подстегнул он шутливо.

Они двинулись по дорожке к клубу.

– Манила? – Тиса поняла, что уже как-то слышала это слово.

– Вы еще не знаете? – удивился собеседник, счастливый от того, что может рассказать нечто интересное. – Это местное п-привидение. Многие считают, что его придумали специально для острастки, чтобы дети в развалюху не лазали. Ведь призраки предпочитают уединение, а тут – звонки, шум, гам. Какой призрак здесь поселится? Однако Гаврилыч божится, что кто-то в прошлом веке и впрямь убился здесь. Манила, стало быть, сбросила. Упаси Единый! – Стручков быстрым смазанным движением руки наложил на себя святое знамение и тут же задорно хихикнул. – Дворник еще тот басенник, его рассказы слушать – себя не уважать! А вот нашей Люсеньке я как себе верю. И она, з-знаете ли, видела фигуру в белом саване в одном из забытых окон. Во-он в тех!

Тиса бесстрастно подняла глаза к окнам четвертого этажа. Еще пару месяцев назад наверняка слушала бы о привидении, прикрыв ладонью рот от испуга. А сейчас – ничего. Впрочем, «ничего» – это ее обычное состояние за последнее время. Но лучше такое, чем...

– Люсенька тоже из нашего клуба, – пояснил Виталий, отвлекая девушку от дурных мыслей. – У нее особый дар, она видит скрытое от обычных глаз.

«Бедняжка», – посочувствовала Тиса незнакомке.

– Я ж не нагнал на вас страху? – спохватился Виталий. –

Поверьте, если Манила и существует, то она большая домо-седка и обычно никого не трогает.

Тиса снисходительно улыбнулась шутке. Они зашагали дальше, обходя лужи.

– О! Петрониевич! – воскликнул Виталий, когда дорожка сделала поворот.

И действительно. Войнова увидела, как блондин в обнимку с кипой книг и свитков поднимается по ступеням, намереваясь войти в общежитие. Тиса и ее спутник не сговариваясь, прибавили шагу. Но не успели они приблизиться, как их опередил бегущий школьник. У крыльца общежития мальчишка оправил гимнастерку и обратился к Ложкину. По обрывкам звонких фраз, Тиса поняла, что заведующий школы срочно ждет ассистента у себя в кабинете. Ложкин недовольно скривился, но отпустил мальчугана с обещанием быть.

Заметив Стручкова и девушку, мужчина кивнул им.

– Клим! А вот и мы! Мо Ши что ли вызывает? – с ходу спросил Виталий. – Может, добрая весточка для нас из министерства? А?

– Вот если бы твое любопытство, Строчка, да преобразовать в трудолюбие, цены б тебе не было, – Ложкин бесцеремонно всучил книги и свитки в руки товарища. – Здравствуйте, Тиса Лазаровна, вижу, вы уже познакомились с сим балагуром, – не обратив внимания на хмыканье Виталия, мол, «тебя ли ждать, чтоб представил?», учитель продолжил. – Придется вам подождать. К сожалению, дело неот-

ложно. Строчка, Клара в опытной, скажи ей, чтобы залила в образцы новый реактивус, что я вчера подготовил. И засекала время!

И блондин, не дожидаясь ответа, зашагал прочь целеустремленной походкой. Тиса только брови подняла, глядя ему в спину.

– Ну вот, так тоже бывает, Тиса Лазаровна, – хихикнул Виталий. – Приходишь заблаговременно, а в итоге зря старался.

Он пропустил вперед себя девушку, затем протиснулся сам в двери общежития.

– А почему вас зовут Строчка? Это из-за фамилии? – не удержалась Войнова от вопроса, минуя бабулю-привратницу.

– Из-за одаренности, – пояснил ее провожатый. – У меня дар скорописи, Тиса Лазаровна. Пишу весьма быстро по сравнению с обычным человеком. Строчку в секунду! – не без гордости пояснил Виталий. – Отсюда и прозвище. Да я в общем-то и не против.

Они вошли в двери увлеченного клуба. Виталий сгрузил бумажную ношу на письменный стол Климентия.

Сняв пальто, Тиса собиралась было ожидать учителя в его кабинете, но Стручков оказался категорически против.

– Нет-нет! Что ж вы тут будете в одиночестве сидеть, Тиса Лазаровна! Идемте, я вас лучше с девочками познакомлю. Посмотрите заодно, чем мы занимаемся.

– Это наша опытная – паренек с гордостью распахнул перед девушкой дверь той-самой комнаты с любопытными предметами. В нос ударил незнакомый специфический запах.

В торце длинного стола, заставленного исследовательской всячиной, стояла брюнетка, та самая с короткой стрижкой. Ее строгое черное платье покрывал передник. На руках перчатки из мешковины, а в руках – железные щипцы. Этим орудием девушка закладывала в продолговатую склянку нечто, очень похожее на обычную грязь.

– Утро доброе, Клара! – поздоровался радостно Стручков.

– Явился, писака. Надо же. Без опозданий. Приболел чтоль? – Клара с кривой ухмылкой на губах опустила наполненную склянку на дырявую подставку, заставленную подобными образцами. Затем подняла взгляд и нахмурилась, заметив гостью.

– Так Клим п-просил выписки сделать из новопомеченного. А там знаешь сколько? Ого-го, – пожаловался Строчка, не замечая тучного взгляда брюнетки. – Гляжу, ты образцы готовишь. А Петрониевича шуец к себе вызвал. Как думаешь, может министерство одумалось? Кстати, говорит, чтоб ты вчерашний раствор брала.

– А Люсенька где? – огляделся он, вытягивая и без того длинную шею и поправляя очки на носу.

– Здесь я, Витя! Хорошо, что ты пришел. Эти веревочки так запутались! – выскочила откуда-то из недр комнаты де-

вушка с мотком бечевки в руках и тут же остановилась. Прелестное розовое платье из тонкой шерсти чудесно сидело на ее миниатюрной фигурке. – Ой, а ты с гостьей!

– Милые барышни, спешу вам представить Тису Лазаровну Войнову, – шутливо поклонился Строчка, придерживая пальцем очки на переносице. – Ученица нашего Петрониевича и настоящая видящая!

Клара подперла кулаком бок и коротко кивнула. Короткие черные волосы, как шторка закрыли и открыли ее лицо. Люсенька пару секунд продолжала глядеть на гостью широко распахнутыми глазами, необыкновенно прозрачно-голубыми. Затем неожиданно широко улыбнулась гостье, словно долгожданной родственнице.

– Как хорошо, что вы к нам пожаловали, Тиса Лазаровна! А можно просто Тиса? А я Люся. Мне кажется, вы так ужасно продрогли! Бедная, прямо вся дрожите. Хотите чаю? Я попрошу Чешу Прохоровну налить для вас кружечку!

Тиса хотела сказать, что вовсе не замерзла, и тем более не дрожит – в увлеченном клубе было достаточно тепло. Но Люсенька засуетилась, из-за чего еще больше запутала бечевку, сбросила с рук моток и понеслась из комнаты, наверно к той самой Чеше-хранительнице самоваров.

– Люси у нас добрая душа, – фыркнула брюнетка. – Так вы, значит, ищущая?

Войнова кивнула.

– Что ж вы так поздно учиться-то надумали? – усмехну-

лась Клара. – Возраст ваш, извините, далеко не детский.

– Недетский, – согласилась Тиса. – Да уж так вышло.

– Зачем же решили учиться сейчас?

– Да ладно Клара, – вставил слово Строчка. – Учиться никогда не п-поздно. А, правда, Тиса Лазаровна, почему вы не поступили в школу ребенком? Видящих Мо Ши с руками и ногами принимал, пока министерство направление не перевело в Белоград.

– У родителей не было средств учить меня, – соврала Тиса.

– Но ведь учебу искунов оплачивает империя, если те подписывают рабочий договор. Разве они не знали?

Ну что тут скажешь? Тиса уже про себя пять раз пожалела, что поддалась на уговоры Стручкова, выйти из кабинета. Вопросы не в меру любопытных персон сыпались на нее, как созревшие каштаны. И все по большим местам. В ответ она узнала, чем занимаются завсегда и Увлеченного клуба. Как она и смутно догадывалась после услышанного разговора Мо Ши с ассистентом – раскопками. Да не простыми.

– Мы ищем курган! – таинственно произнес Стручков. – Курган Онуфрия Гачиты. Слышали, конечно? Нет? – ахнул Строчка. – Он был Великим князем кастов, мудрец и вэйн. По преданию во главе с ним его мастера создали золотое перо, превращающее простую руду в золото.

Тиса выслушала пятиминутную выдержку из приданий старины глубокой. Очень интересно... или нет? Раньше во-

прос бы не стоял. Неужели, Ганна была права, и она изменилась?

Люсенька принесла кружку чая с ржаным печеньем для гостыи. Хотела еще теплым платком плечи гостыи укутать, но тут уж Тиса категорически отказалась. Пришлось рассказать, откуда она приехала и где остановилась. Ну где же Ложкина носит?

– У Отрубиных, говорите? – удивился Стручков. – Недурственно! Их особняк пятый по величине во всем Оранске! И как вам внутреннее убранство?

– Строчка, держи себя в руках, – одернула его брюнетка, которая к ее чести сказать, решила вернуться к своей работе над склянками с грязью.

– А чего я? Я может, архитектурой увлекаюсь. А вы губернаторский дворец видели, Тиса Лазаровна? Нет? Посмотрите обязательно. Проскулятов уже столько имперских денег на него спустил. То статуи переставит, то лепнину перелепит. А городу – шиш. Дороги – колдобина на рытвине, парки заброшенные, лекарня скоро осыплется от переполнения, а он все свой дворец вылизывает да за юбками таскается.

– Фу, Витя! – плеснула ручками Люсенька. – Не обманывай. Зачем ему юбки? Он же мужчина.

– Люсенька м-милая... – захохотал парень.

– Лучше помолчи, – закончила за него хмурая Клара. – Ты, Строчка, кажется, жаловался, что Клим задал много выписывать?

– Да ладно, Кларочка, сейчас возьмусь, – просительно произнес парень. – Клим вернется, и мы сразу.

– Пожалуй, не буду вам мешать, – решила откланяться Тиса. – Пойду. Спасибо, большое за чай, Люся!

В этот момент в дверях появился учитель.

– Клим! – радостно воскликнул почти каждый присутствующий. Но с вопросом опередил всех, конечно, Строчка.

– Так зачем тебя Мо Ши хотел видеть?

– Работу хотел предложить, да не по мне оказалась, – блондин остановил взгляд на Тисе.

– А что за работа? Может, я возьмусь? – оживился Строчка.

– И не по тебе. Забудь. Простите за ожидание, Тиса Лазаровна, – повинулся Климентий Ложкин. – Давайте, начнем урок.

Войнова заметила, как улыбка на лице Клары завяла и она снова хмуро принялась за свои склянки, воинственно щелкнув щипцами.

– Вы прочитали, что я вам задавал? – Климентий сдвинул на край письменного стола книжный развал, устроенный Строчкой по его просьбе.

– Да, – Тиса сложила ладони на коленях. Стул был неудобен и поскрипывал под ней. В прошлый раз она этого не замечала.

– Что такое отстранение и как оно достигается, можете ответить?

Девушка выдала без запинки определение и рекомендацию из книги.

– Похвально. Пробовали сами? – учитель все же не удержался и вытащил из кипы один из свитков и развернул.

– Да, и у меня не получилось отстраниться, – промямлила девушка.

– И выйти из видения? – предположил мужчина, не отрывая взгляда от свитка.

– О, нет, – покачала головой Тиса. – Из большинства я выхожу без проблем. Только из видений с одним определенным человеком не получается, – неожиданно она запнулась, чувствуя, как розовеют ее щеки. Благо, Ложкин нянчит свою бумажку и не смотрит на нее.

– Человека, говорите? – учитель очнулся от созерцания и спрятал свиток в ящик стола. Затем взглянул на собеседницу. Пару секунд он над чем-то раздумывал, затем спросил: – А кроме людей вы кого-нибудь видели? Может быть, любимую собаку или котенка?

Тиса покачала головой.

– А древних?

– Никого, кроме людей, – упрямо сказала девушка.

Климентий кивнул и успокоился:

– Что ж... Расскажите мне подробно, что вы делали, чтобы отстраниться?

Несколько минут Тиса без утайки описывала свой неудачный опыт, а учитель внимательно выслушал.

– Вы поняли основную ошибку? Поиск не терпит полусостояний и неопределенностей. Твердость решения, спокойствие мысли. И приказ отсюда, – он постучал пальцем по виску, – а не отсюда, – положил ладонь на грудь. – Учитесь отсеивать сторонние мысли, когда говорите с даром.

К месту, или же нет, вспомнились уроки концентрации с Трихоном-Демьяном. Кажется, что это было так давно, и все же воспоминание кольнуло сердце. Тиса мысленно вздохнула. Ничего. Настанет день, когда она будет вспоминать этого вэйна не иначе как с тихой улыбкой, как героя яркого, но короткого эпизода своей жизни. И это будет правильно.

– Сейчас попрактикуемся, – учитель поднялся с кресла и распахнул настежь дверь кабинета. В проеме мелькнул полосатый шарф.

– Строчка, я знаю, ты здесь, – сказал громко Климентий. – Чем без дела слоняться, поставь лучше ширму.

– Будем играть в «повторишу»? – появился в проеме Виталий, улыбаясь во весь рот. – Это я мигом, Клим!

– Тиса Лазаровна, кабинет малоприспособлен для подобных маневров, пройдемте в гостиную.

Под взглядом девушки, Строчка выкатил на середину комнаты пару кресел, затем установил меж ними ширму.

– Присаживайтесь, – указал учитель на одно из кресел, и Тиса опустилась сидение с жесткой потертой обивкой. – Как вы, наверно, знаете, Тиса Лазаровна, искун искуна не видит. Меня вы найти не сможете посредством дара, поэтому ва-

шим объектом поиска станет Виталий. Ваша задача увидеть его даром, затем вернуться. И ответить на простой вопрос, сколько пальцев на руке он показывал. Вот такая несложная задачка на закрепление связи.

Строчка с довольным смешком исчез за ширмой. Климентий выразительно взглянул на ученицу, и Тиса поняла, что он ждет ее действий. Девушка выдохнула и закрыла глаза, заставляя себя настроиться на поиск Виталия, сидящего в двух шагах от нее. Должно получиться, это же просто. Надо представить лицо Строчки – острый подбородок, глаза за толстыми стеклами очков, тонкие усики над губами.

Туман явился неохотно. Лениво оплел ее ноги и замер. На ее ментальные толчки он лишь колыхался как холодец, и не собирался слушаться. Похоже, всерьез решил выпасться, обнявши ее колени. Такого самоволия давно не случалось. «Строчка. Мне нужен Строчка, – то молила, то приказывала дару Тиса. – Покажи мне его». Потребовалось время. Но наконец, туман сдался. И ее выбросило... в седую холодную степь. Покрытый инеем бурьян покачивался на морозном ветру. Под низким небом вдалеке лежал приграничный городок. Подобно огромному коту он свернулся в калач и притулился боком к пруду. На ее памяти только с одного места открывался такой вид на Увэг. Внутри всколыхнулись воспоминания, от которых снова заныло сердце.

Покинуть видение не удалось. Это означало лишь то,

что она снова в том, кого так усиленно пытается забыть. А ведь так хорошо прожила неделю без подобных сюрпризов. Побившись еще какое-то время сознанием о «клетку», устроенную ей несносным даром, девушка выдохлась.

Вэйн долго глядел в одну точку у горизонта. Легкий пар срывался с его губ и растворялся в морозном воздухе. Когда Тиса уж потеряла счет минутам, взгляд переместился вниз, и стало понятно, что он держал все это время в руках. Мужские пальцы гладили тонкую васильково-серебряную ленту. Ее ленту, которую она считала утерянной.

Потом ноги коснулось нечто мягкое и теплое – знакомый рысак ткнулся мокрым носом в руки хозяина.

– Замаялся, Сивун?

Рокот мурчания в ответ.

– Ты прав, пора лететь.

Тиса никогда раньше не поднималась выше третьего этажа. Когда же земля ушла резко из-под ног, с боков забила пара кожистых крыльев, а поле превратилось в латку на земле, то почувствовала, как дрожит всеми струнами ее душа – от невероятной смеси ужаса и восторга.

Глава 6 – Званный ужин

Странное монотонное поскрипывание в тишине заставило повернуть голову на звук. Виталий Стручков, согнувшись над толстой книгой для записей, водил по ней пером. Со стороны это выглядело, словно он разлиновывает белые листы. Прошло несколько минут, прежде чем Тиса поняла, что из-под пера выходят не просто линии, а убористые строчки.

Заметив внимание девушки, парень воскликнул:

– Клим, она очнулась!

Послышались шаги, и из опытной комнаты показался учитель. Следом за ним в гостиную выпорхнули девушки.

Люся смотрела с сочувственной улыбкой, Клара с холодной укоризной, а Климентий щурил зеленые глаза.

– С возвращением, Тиса Лазаровна. Уж час томите.

Держась за подлокотники и стараясь не делать резких движений головой, чтобы не спровоцировать головокружение, Тиса выпрямила спину. Длительное пребывание в видении вызвало слабость – дело обычное. Только вот увиденное на этот раз никак не отпускало от себя и тревожно билось пульсом в жилах. Демьян в Уwege, это абсолютно точно. Все же приехал, чего она и опасалась. И теперь разыскивает ее? Единый, неужели вэйн не понял, что играть с собой она больше не позволит? Неужели, будет преследовать? Настаивать на встречах, снова испытывая на ней силу своего дара, ввергая

ее в новый круг пленительной лжи и сердечных мук? Нет, Единый, не допусти этого. Ведь ее душевное состояние только недавно обрело хоть шаткое, но равновесие.

Тиса поняла, что затянула с ответом.

– Простите меня, Климентий Петрониевич, – кашлянув, она продолжила окрепшим голосом. – Я не знаю, почему так произошло, но Виталия я не увидела. Поверьте, я настроивалась на его поиск, но дар не послушался и показал другого человека.

– Вы же говорили, что с поиском у вас проблем нет? – блеснули подозрением зеленые глаза. – Выходит, лукавили?

– Нет, я не обманывала. До сего дня я видела всех, кого желала, – Тиса поняла, что от того, что сейчас скажет, зависит, будет ли учитель дальше заниматься с ней. На первом уроке Климентий ясно дал понять, что продолжительным обучением отягощать себя не намерен. А обучение поиску, как он говорил, дело не одного месяца, а то и года. – А два дня назад я видела отца, подруг и нашу кухарку, – как можно убедительней сказала девушка.

– Может, они ей приснились? – усмехнулась Клара, косясь на Климентия. – Легла девица, выпалась, а потом все за чистую монету приняла?

– Ой, я тоже батюшку сегодня во сне видела! – вспомнила Люсенька.

– Девочки, пожалуйста, – строго сказал Ложкин, продолжая глядеть на ученицу исподлобья. – Погодите, Тиса Лаза-

ровна. Я верно понял, вы видели на днях отца и подруг, которые остались в Ижской губернии? – во взгляде учителя читалось недоверие.

Тиса кивнула:

– Все верно, они в Увеге.

Брови Строчки взлетели над стеклянными кругами очков.

– Клим, а сколько верст отсюда до этого Увега?

– Полторы тысячи верст, – задумчиво произнес Ложкин.

– Вот это охват! Полторы тыщи! Тиса Лазаровна! – Стручков принялся так жестикулировать, что чуть не замотался в собственный шарф. – Вы видите так далеко! Н-невероятно!

– Невероятна твоя наивность, – пробурчала себе под нос Клара, но ее никто не услышал.

Люсенька, наблюдая счастливого Строчку, охватила щеки ладонями и улыбалась.

– Но разве не все искуны так видят? – удивилась Тиса.

– По статистике охват поиска у среднего искуна составляет триста верст, – пояснил отчего-то помрачневший учитель. – Скажем так охват подобный вашему встречается далеко не часто.

– А может вы видели и кого-то, кто находился еще дальше? – загорелся предположением Строчка.

Тиса вздохнула про себя. Что за невезение, как не увиливала от излишней огласки собственной неординарности, а все же влипла в «великую одаренность».

Нехитрыми вычислениями вывела, что Стручков не далек

от истины. Она видела Демьяна в Крассбурге из Увега, столица же от Увега располагается в трех тысячах верст. Нет уж, лучше покачать отрицательно головой. Тут из-за полторы тысячи Строчка чуть ноги не оттаптывает от восторгов, что ж будет от трех?

Но больше всего ей не нравилось выражение лица учителя, который уже общипал в раздумчивости весь свой подбородок.

– Вы же не бросите меня обучать, Климентий Петрониевич? – несмотря на слабость, волнение заставило подняться с кресла. – Думаю, это недоразумение с поиском я преодолёю. Пожалуйста, не бросайте начатое! – она коснулась манжета его рубахи.

Зеленые глаза какое-то время продолжали оценивать ученицу, затем Ложкин кивнул:

– Будь по-вашему, Тиса Лазаровна. Попробуем разобраться с вашим даром, – Клим не заметил, как при этих словах скривила губы Клара. – А пока прошу всех вернуться к своим задачам. Не будем устраивать здесь балаган.

И все повторилось. Вопросы в кабинете, которые уже были более обстоятельны и следовали один за другим: учитель теперь не отвлекался на посторонние свитки.

– Расскажите мне, как вы настраивались на поиск. Тот, кого вы видели вместо Строчки и есть тот человек, видение которого вы не можете сбросить? То есть все это время вы видели только его? Отстраниться пробовали? Не вышло. Ну

хорошо, понадеемся, что это разовый случай. Сможете или лучше в другой раз? Слабость пройдет со временем, Тиса Лазаровна. Чем больше практики поиска, тем быстрее ваш организм приспособится к дару. Садитесь в кресло, попробуем еще раз.

На сей раз Тиса очень хотела увидеть Строчку. И даже верила, что у нее все получится. Однако дар снова зло посмеялся над ней.

Она стояла в дверях отцова кабинета и через приоткрытую дверь смотрела на библиотечные стеллажи. Голова повернулась, и взгляд остановился на родном лице – отец поднял руку в приглашающем жесте.

– Мне посыльный передал о вашем приезде, Демьян Тимофеевич. Простите, я был занят, – батюшка дождался пока сядет гость, и тогда опустил в свое кресло. – Надо было отъехать в таможню, после реорганизации стражи она отошла под мое начало. Но сейчас я полностью в вашем распоряжении.

– Рад вас видеть в добром здравии, капитан, – вэйн кивнул, – и не намерен сильно отвлекать от служебных забот. Вот, – он выложил на стол какую-то официальную бумагу с большой печатью, в которой угадывался герб Вэйновия, и бандероль, проклеенную по шву сургучом, – здесь компенсация за изъятый оберег и объяснительная. Вы должны подписаться в получении.

Следующие полминуты Тиса наблюдала, как отец макнул перо в чернильницу и подписал бумагу. Затем протянул ей.

Демьян принял документ:

– Также хотел сообщить, что запрос о возмещении ущерба одобрен и передан в Ижскую стражу. В ближайшие дни прибудет нарочный. Однако много не ждите. Империя умеет считать деньги.

– Благодарю, – коротко произнес отец, однако по его лицу, Тиса поняла, как он доволен. – Я знаю, что дело так быстро решено лишь вашими стараниями. Обычно мы ожидаем отклика месяцами, а то и годами.

– Мне это не составило большого труда, – рука нырнула в карман стуртука и нащупала ленту. – Простите покорно, но я бы хотел задать вам вопрос, выходящий за рамки служебной миссии. Вы позволите?

– Прошу.

– Я хотел бы засвидетельствовать свое почтение Тисе Лазаровне, но Камилл Сановна сказала, что она путешествует.

– Все верно, главвэй, – отец опустил взгляд на свои руки, которые принялись теревить перо. – Она уехала. Это было внезапное желание дочери, я не стал ее удерживать.

– Тогда, может быть, вы скажете, когда мне лучше появиться на вашем пороге, чтобы застать ее? – легкая уважительная улыбка растянула ее губы.

Отец потер висок, буравя вэйна взглядом. На секунду в

его глазах мелькнуло изумление.

– К сожалению, ничего не могу вам и сказать, Демьян Тимофеевич. Я не знаю, когда она вернется. Все зависит от того, как скоро дочь уладит свои дела на чужбине. Но я надеюсь, что это будет скоро.

Тиса ощутила, как глухо застучало сердце в груди вэйна. На некоторое время повисла пауза, после чего губы колдуна шевельнулись:

– Куда она уехала, капитан?

Отец покачал головой:

– Простите, главвэй, но я обещал дочери никому не рассказывать, – отец развел руки. – Я дал слово.

На улице ощутимо похолодало. Кутаясь в плащ, Тиса побрела из школы назад, в дом на Бережковой – ступая по затянутым стеклом лужам, обходя прохожих со смазанными лицами, уставшая и удрученная провалом поиска. Учитель, конечно, не выгнал ее взащей, за что ему превеликая благодарность и поклон в пояс. Да только надолго ли потерпит, если она устроит ему подобные кренделя на следующих занятиях? Дом Отрубиных встретил небывалой тишиной. Ненароком подумаешь – не порешил ли тут хозяин всех убойным тапком? Следов утреннего побоища также не наблюдалось. Слава Богу, на кухне нашлась живая душа. Отужинав без аппетита, Тиса больше не выходила из своей комнаты. Лежала, обнимая трактат и размазывая слезу обиды по щеке, пока не

провалилась в спасительный сон.

***

Пару дней домочадцы ходили на цыпочках, боясь потревожить покой Льва Леонидовича. Переговаривались не иначе, как шепотом. Установившаяся тишина способствовала размышлению, и Тиса попыталась на свежую голову осмыслить, что произошло с ее даром давеча. Простые логические выводы вновь затребовали практического подтверждения. С опаской повторения вчерашнего, она вызвала несколько видений, и все они безошибочно приводили к тому, кого желала видеть. Отец принимал смотр на плацу. Лекарь, собирал вещевой мешок. А Рич счастливо носился по лесу, изучая новые запахи и рассматривая мир «черно-белым» зрением оборотня. Дар снова подчинялся, и Тиса почти успокоилась. Возможно, из-за вчерашнего недомогания, после новых видений вымоталась быстрее обычного. Все время хотелось спать, и ни о чем не думать. Так она и сделала, проведя очередной день по большей части времени в кровати. И все же сонный внутренний голос упрямо нашептывал заплетающимся язычком, что что-то она упустила в своих даро-изысканиях.

На третий же день в доме Отрубиных случился переполох. К вечеру ожидалась очень важные гости, и хозяева не поже-

дали ударить благородными лицами в грязь.

Для званого ужина распахнулись двери неприкосновенной доселе красной гостиной. Рина Степановна командовала парадом и руководила подчиненными не хуже Витера на плацу. Взмыленные служки драили половицы, выбивали ковры, полировали мебель. Фарфор и хрусталь начищался до появления на поверхности девственного сияния. Кухня с спозаранку бряцала кастрюлями, заглатывая в свои бездонные недра телячьи окорока, свиные рульки, иглоносую осетрину. Ко всему прочему по велению хозяина дом протопили. Да так, что впору гулять голышом.

Тиса старалась не выходить за порог своей комнаты, чтобы не мешаться под ногами у работников. И все же совсем безвылазно отсидеться не смогла. Возвращаясь из одной такой необходимой вылазки, она увидела Фоньку. Горничная приветливо махнула ей рукой:

– Тиса Лазаровна! Не упадите с лесенки! Ее Дуся токмо натерла. Скользкие, страх. Скорей бы застелили, – Фонька плутовато оглянулась, чтобы убедиться, что нет экономки поблизости. Поманила Тису в глубь коридора. – Степановна сегодня всех до полусмерти загоняла. К шести, говорят, приедут, – доверчиво поделилась новостями она.

– Хоть кого ждут? – полюбопытствовала Тиса.

– Губернатор и сам Фролов пожалуют. Коли врут, так и я вру.

Тисе хотелось расспросить подробней, но в этот момент

послышались повышенные женские голоса.

– Ма! Что это?! Погляди на это платье! – высокий голос молодой Отрубиной проникал сквозь стены.

– Ты так хороша, дитя мое. словно царица Мия! Помнишь, в пьесе про цветочную страну? – густым грудным голосом увещевала мать.

– Разве у нас бал!? Иначе к чему эти розовые рюши?! А эти голые плечи?

– Лизушка, ну уважь отца. Посмотри на себя в зеркало. Красавица! Не понимаю, чем ты не довольна? – вопрос Марьи Станиславовны оборвал громкий хлопок двери.

В следующую минуту, молодая Отрубина появилась в коридоре собственной персоной. Не глядя на горничную, Тису и любопытных служек, украдкой выглядывающих из гостиной, Лиза пронеслась мимо, держась ладонью за шею. На нежно розовом личике горел румянец возмущения. Марья Станиславовна не преувеличивала. Ее дочь была в самом деле бесподобно красива в новом платье, словно сошедшая с полотна «Божественная дева» Амросия Вялинского. Округлые пышные плечи в обрамлении розового шелка. Корсет на бантах-завязках соблазнительно открывал высокую грудь. Распущенные волосы, струи золота, ниспадали до пояса. Загляденье.

По пятам молодой хозяйки семенила старая Дося. На морщинистом, словно скрученное белье, лице отражалось сочувствие и обожание.

– Лизочек, голубушка моя ясная, воротимся! Тебе еще локонки Дашка не сложила.

– Нянечка, поди с глаз! Как вы меня все измучили, Единый бы знал! – в гневе девушка повела плечами – розовые рюши рукавов взметнулись.

– Да что ж ты такое баешь, цветик мой? – всплеснула руками нянька, качая головой, и даже не думая слушаться. – Это ж только для батюшки вашего. Поносишь тряпку, да скинешь, тьфу, велика беда. Ну, давай, миленькая, пойдём-пойдем.

Пока Дося уговаривала, красавица гвоздила сердитым взглядом вход в правое крыло дома. Наконец, Лиза согласилась и покорно пошла за старушкой.

– Видали? – хмыкнула Фоська шепотом. – Меня бы кто уговаривал наряды носить.

Тиса ничего не ответила, но про себя подумала, что платье и в самом деле слишком откровенного кроя для званого ужина.

Когда коридор снова опустел, Фоська, не дожидаясь вопросов, сама рассказала Тисе о гостях. Если в двух словах, то губернатора простой народ характеризовал, не иначе как бездельником, обдирающим добавочными налогами трудовой люд, и бабником. А Фролова уважал и побаивался, так как сей муж слыл самым богатым человеком в губернии. Он владел чуть ли каждой второй лавкой Оранска, и кроме того большой ткацкой фабрикой и каменоломней.

– Кстати, это ж он эту драконову статую в погонах хозяйну подарил на именины, – хихикнула Афонья. – Сам бы хозяин на такого б никогда не разорился. Жуткая страховидла, правда, Тиса Лазаровна?

Выслушав горничную, Тиса искренне порадовалась, что не ей придется встречать важных гостей. Подумав, решила, что неплохо бы загодя запастись ужином и отсидеться в своей комнате за книгами. Не мешкая, Тиса спустилась в кухню. Спустя пятнадцать минут с нагруженным снедью подносом она почти миновала второй этаж, когда ее застал оклик Марьи Станиславовны. Войнова со вздохом составила поднос на подоконник, и поторопилась предстать под хозяйские очи.

Сиятельная матрона сегодня блистала крупным сапфиром в драгоценном колье. Сиреневое платье тяжким бурлачным трудом стягивало пышные тела на уровне талии, плечи прикрывала воздушная кисея. А из объемной как корабль прически мачтами торчали три мохнатых черных пера.

– Милая, вы мне как раз и нужны, – протянула гнусавым голосом Отрубина, что означало одно – хозяйка вновь пребывает в возвышенных чувствах.

Тиса приветственно склонила голову, краем глаза заметив у дверей красной гостиной не менее роскошно разодетого Льва Леонидовича. Отрубин выдавал экономке очередные указания, блестя лихорадочным взглядом и то и дело посматривая на часы.

– Лизушке нужна компаньонка на вечер. Думаю, вы как

раз подойдете, – милостиво улыбнулась Марья Станиславовна, не иначе как считая себя благодетельницей.

Тиса попыталась убедить, что идея не совсем удачная, и более опытные Оливия и Есения подойдут для столь ответственной роли куда лучше ее. Но Марья Станиславовна не желала слушать.

– Глупости! Они подслеповаты и по годам не подходят. Нет, вы будете смотреться рядом Лизушкой гораздо лучше, – произнесла она таким тоном, словно подбирала портьеры под цвет стен.

– О чем ты, Мари? – Лев Леонидович, отпустив Рину, обратил внимание на супругу.

Пожелание жены, сделать постоялицу компаньонкой дочери, не особо воодушевило главу семейства.

– Лиза не нуждается в компаньонке. Хотя, – он смерил девушку взглядом, что-то прикидывая в уме, – если ты так считаешь, дорогая, то пусть будет по-твоему. Только прошу вас помалкивать, любезная, это вам не увеселительная вечеринка. И прикройте шалью шею.

– Ну, что я вам говорила? – улыбнулась блаженно Марья Станиславовна. – Даже Левушка согласен, что вы наилучшая партия.

Тисе очень хотелось сказать, что она думает о подобном согласии и отказаться, лелея гордость, но не стала этого делать. Все же Марья Станиславовна не виновата в грубости супруга. Памятуя о гостеприимстве хозяйки, Тиса поддалась

на уговоры.

– У вас есть более нарядное платье, милая? – поинтересовалась Отрубина, озабочено оглядывая платье постоялицы.

– Нет.

Раз уж принимают за голодранку, пусть такую и терпят. Все ее платья вместе взятые все равно будут смотреться хуже, чем хозяйские шелка.

К шести в чайной уже был накрыт стол и на белой скатерти разложено фамильное серебро, расставлен великолепный голубой сервиз из тончайшего фарфора, с золотыми каемками. Лев Леонидыч в тысячный раз придирчиво оглядел красную гостиную. Подбежав к статуе дракона, со всей деликатностью подвинул ее ближе к креслам на полметра. Отошел, оценил, и снова подвинул. Затем потер кружевным рукавом золотой пагон. Нагнулся.

– Что! Что это такое?! – завопил он, шаря рукой под хвостом изваяния, – Мари! Я же говорил не впускать Саньку в красную гостиную! Ириску наклеил, сучий сын! Руки поотрываю!

Причитания округ бесценной статуи продолжалось вплоть до зычного крика привратника:

– Едут! Едут!

Когда к парадной лестнице подкатила большая карета, запряженная породистой каурой четверкой, Лев Леонидыч с женой уже встречали гостей на ступенях крыльца. Улыбки на лицах широкие. За спинами родителей, скромно опустив

голову, стояла их дочь Елизавета с новоиспеченной компаньонкой.

Тиса не видела ранее столь пышных экипажей. Бока коляски горели ярко-алым лаком, кожаный подбой, медные заклепки блестят, кучер и позадник – в ливреях и париках! Уж не император ли к Отрубиным пожаловал?

Позадник спрыгнул с запяток кареты и кинулся опускать ступеньки для господ, затем распахнул дверцу, низко поклонился. Из недр кареты показался небольшого росточка человечек – горбун в черном сюртуке. Тиса даже рот открыла от удивления, подумав, что это и есть тот богач. Ан нет. Горбун отступил в сторону и услужливо подал руку второму пассажиру. Сначала появилась рука господина с непомерно большими золотыми перстнями на полных пальцах. Затем и сам господин сошел с каретной ступеньки. Полный и невысокий. Отсутствие роста он с лихвой компенсировал высоченным цилиндром. Из-под шляпы волна угольно-черных кучерявых волос спадала на широкий лисий воротник. Большой выдающийся нос нависал над полными и мокрыми, как вареники в масле, губами. В распахнутых полах пальто светилась малиновая сорочка. На пышном фиолетовом жабо покоился второй подбородок гостя. Тиса подумала, что господину срочно нужно вернуться домой, чтобы уволить камердинера за свой безвкусный наряд.

За таким сиятельным господином, как Фролов, Войнова не сразу заметила третьего пассажира, покинувшего карету.

Им оказался рыхлой фигуры человек лет пятидесяти. Красного цвета лицо его было осыпано дюжиной больших родинок. На губах губернатора Проскулятова, а это был именно он, возникла сахарная улыбочка, а взгляд мгновенно прилип к Лизоньке.

– Аристарх Зиновьевич, милости просим! – воскликнул Отрубин, клюнув порог в поклоне. – Как я рад вас видеть! Благодарствую, что почтили нас своим присутствием! Проходите, будьте добры! Эраст Ляписович! И вас покорно просим! – хозяин непрестанно кланялся и собственноручно принял одежду у почетных гостей.

Гостей сопроводили прямиком к накрытому столу чайной. Уж гостям и наливали чистой как драконья слеза наливочки, а кроме нее на выбор еще с десятков хмельных вин и квасов. Предлагали с пылу с жару блюда – одно за другим, гоняя слуг с судками да подносами. Веселили городскими сплетнями. Вот только опахалами по-чивански не обмахивали. Фролов принимал все как должное и по-царски ковырял вилкой лучшие куски. Праскулятов сидел рядом с хозяйской дочкой, почти полностью развернувшись вместе со своим стулом к ней лицом, и то и дело отпускал комплименты. И хоть Тиса не была дружна с Лизой, в этот вечер она ей искренне сочувствовала. Слава святой Пятерке, что Отрубин велел закутать шалью шею – этим он спас ее от липких взглядов губернатора. Нет, надо определенно что-то купить в благодарность за постой. Что-то дорогое. Тиса отхлебнула

прекрасного вина. Говорила она мало, что ее тоже вполне устраивало.

– Милостивый сударь, Аристарх Зиновьевич, слышал я, что ваша фабрика выпускает ткани по качеству даже лучше панокийских, – Отрубин щелчком пальцев подозвал служку. И перед дорогим гостем возник поднос с запечённой, сочащейся ароматными парами, осетриной. – Неужели все дело все в чудо-станках с накладками?

– Семьсот двадцать пять мотков в месяц, – ответил Фролов, хлопнув себя по груди, где на толстой золотой цепи висела тяжелая, как гиря, звезда Единого, усыпанная драгоценными камнями.

– Великолепно! Поразительно!

Впрочем, что ни отвечал Аристарх – все вызывало безудержный восторг у Льва Леонидовича. Лишенная любимых разговоров об искусствах, Марья Станиславовна хлопала глазами, улыбалась и кивала головой так, как делают те, что ничего не понимают, давно утратили нить разговора, но со всем сказанным согласны.

Откушав, компания переместилась на диваны красной гостиной, под сень красно-гранитного дракона. Жаркую гостиную наполнили звуки пианино. Молодая Отрубина играла «Вечер на двоих». Облокотившись на старинный инструмент, градоначальник откровенно пожирал глазами исполнительницу, не стесняясь заглянуть в глубокий вырез платья. Елизавета с горящими щеками не поднимала глаз от клавиш.

«Кот мартовский! – горела возмущением про себя Тиса. – Так масляных глаз с Лизки и не сводит. Плешивый старый котище! Так усы бы и оборвала ему!».

А родители девушки будто и не замечали ничего. Марья Станиславовна отрешенно наслаждалась музыкой. А старший Отрубин весь был во внимании своего богатого гостя. Фролов возлежал в кресле, вытянув ноги в сапогах на пуф. Ни дать не взять – Антей первый, только короны нет! Карлик-горбун сидел в ногах хозяина и держал для последнего на подносе хрустальный бокал красного вина. Тиса прислушалась к беседе.

– Цены спали вчетверо! Коловратов отказался покупать по договорной цене и я разорен! Вы же говорили мне, что тоже вложили в фрагмитовый сахар все свои ассигнации, – торопился сказать Отрубин. – Я решил последовать вашему примеру...

– Я как вложил, так и забрал, – перебил Фролов. – Большой рынок – это, мой друг, тебе не печь, закинул дров, да греешь задницу, – похоже, гость не собирался церемониться. – Ты сам продул свои... нет, ты продул мои деньги, Лева! А я никому, слышишь? Никому не позволю красть мое добро безнаказанно! – Аристарх, выпятив нижнюю губу, стукнул кулаком по подлокотнику.

Елизавета обернулась и музыка смолкла. Даже безмятежная Марья Станиславовна повернула удивленное лицо. Хозяин нервно промочил носовым платком потный лоб и, зай-

каясь, пролепетал:

– Н-но... я не к-крал.

– Знаю, – буркнул Фролов, медленно гася в себе вспышку гнева.

Губернатор усмехнулся:

– Аристарх Зиновьевич, а-яй, вы перепугали нашу божественную птичку. Лизонька, душенька моя, не обращайтесь внимания. Просим покорно продолжать! – Эраст поцеловал руку обомлевшей девушки. – Играйте, играйте!

К удивлению Тисы, Елизавета послушно продолжила игру. Она, словно мышь перед удавом, ничего не могла сказать поперек Проскулятову. И куда, спрашивается, подевался ее капризный нрав? Или капризы она оставляла только для матери и нянечки?

– Но вы же не потребуете возврата немедленно? – продолжил разговор Лев Леонидович. – Вы же обещали, что у меня будет срок. И я надеялся на...

– Какой еще срок?! – пророкотал Фролов. – Вспомни заемный договор, дурень. А запомнил, что написано в бумагах, так посмотри. Наум, покажи ему!

Горбун отставил поднос и резво поднялся. Шагнув к Отрубину, положил маленькие ладошки на его виски. Взгляд Льва Леонидовича на несколько секунд затуманился. Тиса удивленно подняла брови. Она читала о даре видопередачи, но впервые видела того, кто имел его.

Хозяин снова заговорил через десять минут, когда карлик

убрал с его головы руки.

– Что же мне делать? – пролепетал Лев Леонидович с убитым видом. – Я неверно понял слов!

– Неверно понял, – передразнил Аристарх. Он поднял с подноса бокал вина. Полные губы коснулись хрусталя. Блестящий холодный взгляд Фролова остановился на молодой Отрубиной. – Ладно, Лева, – задумчиво произнес он, – долгая яма подождет. Негоже такому именитому мужу так низко падать и тянуть на дно жену и такую прелестную дочь, как Елизавета Львовна. Я же не деспот. Прощу, так и быть, тебе долг с одним условием.

– Аристарх Зиновьевич! Благодетель! – воскликнул Отрубин, чуть ли не бросаясь в ноги Фролова.

Лиза закончила играть. Губернатор зарукоплескал «браво». Так что, в чем заключалось условие, Тиса так и не узнала.

За окнами уж давно стемнело, когда гости покинули Отрубиных. Эраст Проскулятов еле оторвался от ручки Елизаветы, к которой на прощание припал долгим поцелуем.

Глава 7 – Путь Рича

Наступила заветная суббота. Тиса загодя завершила все свои дела, чтобы к полудню освободиться, рассчитывая на скорое «свидание» с подругой. Войнова с удобством расположилась на кровати, притворила веки. Последние минуты отсчитала стрелка, и видение втянуло девушку в свое пространство.

Ганна стояла перед зеркалом трюмо и глядела прямо на нее. Какое же счастье вот так наблюдать лицо подруги, видеть блики в зрачках и чуть уставшую улыбку на губах. Судя по тому, как пальцы мяли в руках бумагу, наверняка ее письмо, подруга волновалась.

– Двенадцать, – прошептала Ганна, метнув взгляд на часы, стоящие на комод. – Тиса! Ну, здравствуй, дорогая. Уж не знаю, видишь ли ты меня. Буду считать, что да. Цуп привез мне письмо от тебя седьмого числа. Я так рада, что ты жива и здорова! Не представляешь, как извелась в ожидании. Ну, неужели нельзя было послать раньше?

Тиса мысленно улыбнулась. Ганна все та же. Как же она по ней соскучилась.

– Ты нашла учителя, как и хотела, – одобрительно качнула головой Лисова. – Замечательно. И как? Получается все? Ты перестала видеть вэйна? Надеюсь, ты там не задержишься. А учитель? Ты не написала сколько ему лет.

Он женат? И не кривись, я знаю Тиса, что ты сейчас это делаешь. На войне твоём свет клином не сошелся.

Мысленный вздох. «Он не мой», – ответила бы ей, если бы могла. «Лучше расскажи о себе, о Зое и мальшше». Но ее мольба пропала втуне, и разговор повернул в малоприятное русло.

Ганна посмотрела на письмо в своих руках, и лицо ее приняло выражение сожаления.

– Знаю, что тебе будет нелегко слушать, но молчать бессмысленно. Он приезжал, Тиса. Вэйн твой приезжал. У него хватило совести заявиться ко мне в дом!

Тиса замерла душой. «Значит, и до Ганны добрался. Чего же он хотел?».

– Я не сказала где тебя искать, об этом не беспокойся, – поторопилась успокоить подруга. – Если колдун и обладает даром убеждения, то на меня его чары не подействовали! – Ганна гордо вскинула подбородок.

– Знаешь, увидев вэйна на пороге, я так разозлилась. Высказала ему все как на духу, и не жалею! Хотя, – в глазах мелькнуло сомнение, – некоторые слова я бы все же хотела вернуть. Может... некоторые да. Знаешь, Тиса. Он выслушал меня в молчании, затем сказал, что все мной сказанное абсолютно верно, – голос подруги стал менее уверенным. – Он сказал, что не хотел принести тебе боль. Похоже, ему на самом деле несладко.

«А говоришь – чары не подействовали», – застонала мыс-

ленно Тиса. «Ганна! Только не ты».

– Так ему и надо, конечно, – словно услышав ее, исправилась подруга. И тут же широко улыбнулась. – Кстати, он принес деньги! Твой выигрыш, с горки! Говорит, его люди нашли того потешника. Я пересчитала – вся сумма на месте! Ну не чудо ли? Со стороны колдуна это было очень любезно.

«Ну конечно, раз вернул деньги, значит, не виновен! Ганна!» – смятение на душе постепенно превращалось в раздражение.

– Так что возвращайся, деньги тебя дождутся. Они бы тебе и в Оранске не помешали. Тебе хоть хватит на обратную дорогу? Даже боюсь спрашивать, во сколько тебе стала такая длительная поездка. Поговорив еще на денежную тему, Ганна снова вернулась к первоначальной.

– Вэйн ушел, а через час вернулся с этим письмом, – Ганна подняла бумагу, что сжимали ее пальцы. – Я имела смелость распечатать его, раз все равно, чтобы ты увидела, должна и я увидеть. Ведь так? Как-то все не однозначно и... Я не знаю, что и думать. В общем, читаю, а ты решай сама.

Она подняла к глазам конверт, на котором знакомым почерком было выведено: «Войновой Тисе Лазаровне». Вынув оттуда сложенный листок, развернула. И взгляд медленно, видимо, чтобы ей было удобней читать, заскользил по строчкам.

Если бы Тиса только могла, то закрыла глаза. Или еще

больше – выкинула это послание в печь, чтобы никогда больше не чувствовать, как вновь сочится сукровицей обожженная душа. Выйти из видения? Но нет. Истязать себя уже наверно входит в ее привычку. Она читала его письмо:

«Тиса,

я не прошу много, только прочти письмо!

Не беспокойся, я не собираюсь вновь тебя терзать неуместными излияниями чувств. Из лучших намерений Ганна Харитоновна уже предупредила меня, что ты более не желаешь ни видеть меня, ни тем более слышать. И что это желание оказалось настолько сильно, что подвигло тебя на дальнейшее путешествие. Тиса, ты же никогда ранее далеко не выезжала и никогда к этому не стремилась. Как ты решилась? И как, дракон их возьми, они могли отпустить тебя одну? Единый! Неужели я вселяю такой страх, что ты бежишь из родного дома только, чтобы в один день не застать меня на своем пороге? Тогда я тем более обязан сказать то, из-за чего приехал. Нет, не думай, я не стану снова искать оправданий своим поступкам, ибо их нет.

Напротив, с тяжёлым сердцем собираюсь покаяться, поскольку оказывается повинен и там, где с уверенностью полагал, что не запятнан. Как бы мне не хотелось признать, но последнее твое обвинение – в том, что я использовал дар убеждения и приворожил тебя, – имеет под собой основание. Хоть такие случаи и единичны, но они существу-

ют. Я мог не заметить, что влияю на тебя. Единый! Я не желал влюбить тебя в себя, Тиса! Вернее, желал, но не посредством дара и взв. Ты можешь и дальше мне не верить, но, клянусь, это правда. Теперь ты знаешь, что была верна в своих подозрениях, неудивительно, ведь твоя светлая натура распознает тьму, в каком бы облици она не являлась.

В утешение могу сказать, если действительно имел место приворот, то без подпитки со стороны он спадет самое большее за четыре месяца. Ты освободишься, Тиса, только надо подождать. До весны. Стоит ли говорить о том, что я искренне сожалею о случившемся. Боюсь, ты снова мне не поверишь. Одно обнадеживает, у меня также будет достаточно времени для исправления своих промахов.

В то утро расставания ты сказала, что не любила... Если это правда, я приму твое решение как данность, безропотно. И впредь никогда не стану докучать своими неразделенными чувствами. Но если ты ошиблась, Тиса, если вдруг чувства ко мне были истинными, ты поймешь это. Я буду ждать. Одно слово, одно только слово, и я прилечу. Пока же могу твердо обещать, что более не появлюсь незванным гостем на твоем пороге. Не смущай твой покой, ни словом, ни делом. Злосчастный мой дар убеждения никогда больше не коснется тебя. В этом ты можешь быть абсолютно уверена. Надеюсь, эти заверения изменят твое настроение оста-

*ваться вдали от родного дома. Возвращайся, Тиса. Не ли-
шай себя общества близких, воротись в тепло рук и сердец,
что любят тебя. Я же ухажу.*

Д.Н.

*Дочитав послание, Ганна снова заговорила, только слова
подруги уже не долетали до сознания Тисы. Она полностью
окунулась в водоворот собственных размышлений.*

*Теперь ее сомнения окончательно развеялись. Подозрения
подтвердились – Демьян признал, что приворожил. И, слава
Святой Пятерке, обещал, что не будет преследовать ее и
мучить дальше. Мало того, если верить письму, к весне она
освободится от приворота! Довольна ли она? Да, она меч-
тала о таком исходе. Только отчего же снова такая боль в
душе? И снедающая тоска по утраченному счастью. И кра-
мольные мысли – что будет, если затоптать гордость и по
ней бежать к тому, кто способен одним лишь взглядом ото-
греть ее заиндевевшее сердце. Чары, будь они неладны! Наве-
янные чувства! Теперь можно не стыдиться и признаться в
том, в чем она раньше не призналась бы и под страхом смер-
ти. Она продолжает любить его. Навеянная любовь – опас-
ное чужеродное чувство, рождающее запретные надежды.*

*Он написал, что будет ждать ее решения до весны, уве-
ряя в серьезности своих намерений добиться ее взаимности.*

Но зачем? Зачем ему это? Божже! Высокородному вэйну из столицы, владельцу вэйноцеха и без пяти минут князю. Как можно поверить в то, что он уже завтра не увлечется более подходящей ему по титулу кандидатурой – не забудет ее сразу, стоит только той самой Разумовской появиться у него на горизонте? Теперь, когда он объявлен наследником титула, вряд ли красotka откажет в танце. И не только в нем. Припомнился разговор поруков, и сердце словно окатил ушат ледяной воды. Бестолковая ворона, готовая сама запрыгнуть в клетку.

– Не бойся, я не рассказала где ты и о твоих видениях, – наконец, слова Ганны стали достигать ее сознания, – Да, немного погорячилась, но ведь колдун должен был знать, что ему здесь не рады. Верно? Притом я на самом деле считаю его виноватым в твоём отъезде. Здесь меня не в чем упрекнуть. Но в чем-то этот вэйн все же прав. Мы в самом деле не должны были отпускать тебя одну так далеко. Теперь я чувствую вину, – Ганна тяжело вздохнула и покачала головой. Какое-то время она молчала. Затем еще раз вздохнула и продолжила. – Ты наверно думаешь сейчас об этом письме. Оно странное, правда? – подруга запнулась на миг. В глазах Лисовой появился блеск, свидетельствующий о том, что подруга что-то задумала. – А ты не допускаешь мысли, что вэйн в самом деле не желал тебе зла? И эта ворожба вышла у него случайно? Он не похож на легкомысленного свистуна. И любезно вызвался доставить Рича в его

табор, что говорит в его пользу. Не побоялся ответственности – старик и ребенок считай теперь под его опекой.

«Подожди, о чем ты?», – насторожилась Тиса.

– Они уехали вместе с колдуном. Агап Фомич просил тебе передать, чтобы ты не беспокоилась. Сказал, что лучшего случая отвезти мальчугана не представится. Тем более вэйн обещал провести их своими вэйновскими тропами, что немало укоротит им дорогу.

В комнату вбежал Валеk и обнял материны колени. Ганна погладила по вихрастой головке, с заботой оглядывая сына:

– К тому же колдун успел выяснить, где сейчас остановился табор. Агап Фомич говорил название города, только не помню точно. То ли Лапотня, то ли Локотня.

Ганна решила, что теперь настало время поведать о Кошкиных и других, кого Тиса знает, и с ответственностью принялась за последние новости. Зоя сетует на то, что скоро будет мало грудного молока, малыши-то здоровенький – весь в Руслана, Марика помирилась с Филиппом опять, они так и скрывают от его матери свои встречи. А у Тонечки издох бедняга-пудель, не перенеся сытой жизни, пес бросился под колеса телеги. Тиса слушала, и не понимала – с чего вдруг в ней растет раздражение и досада. И когда Ганна попрощалась, чтобы вернуться к своим делам, с облегчением сбросила ведение.

Уже оказавшись снова в своей оранской комнате, Войнова

поняла, что ее возмутило.

– Как он посмел забрать Рича? – негодовала она, вышагивая кругами по комнате в обнимку с трактатом. – И почему сейчас, а не позже? Неужели нельзя было подождать?

Она бы обязательно вернулась и сама с лекарем отвезла Рича к родным! Она ведь это предложила дед Агапу в своем письме. Но старик предпочел довериться вэйну. Вэйну!

– О, да! – воскликнула в тишине комнаты девушка. – Вы истинный сын Вэй, Демьян Тимофеевич! Как же не сунуть свой нос в чужое дело! Это выше вашей вэйновской сущности!

Конечно, она знала, что Рич давно мечтал уехать к родным. Только все равно не предполагала, что это случится так скоро. И никак Тиса не ожидала того, что ей не предоставится случай проститься с мальчиком.

Не боясь заработать головную боль, Тиса провалилась в новый поиск. Она обязана убедиться сама в услышанном. А могла бы еще говорить на расстоянии, так высказала бы в глаза, что думает!

Туманная кисея боязливо расступилась. Свет, исходящий из квадратного окошка, тщетно пытался рассеять полумрак кареты. Хотя коляска двигалась ходко, качка от езды почти не ощущалась.

– Вон, как разыгрался, шалопут. Гляди, как бы твоей животинке крылья не подрал, – старческая рука тронула

шторку.

Глаза поймали фокус, и картинка преобразилась: вдоль опушки огромный медведь гонялся за крылатым древним, как котенок за бабочкой. Разница лишь в размерах, да еще в том, что этот «котенок» ломал на своем пути молодые осины, как тростинки. Рысак давал подобраться оборотню ближе, и в последний момент уворачивался и взмывал выше, притворно шипя и обивая свои бока хвостом. При этом молодой медведь повизгивал от восторга, и из его пасти свешивался большой розовый язык.

– Сивуну полезно размяться. Не каждый день ему выпадает такое удовольствие, – голос вэйна.

«Все верно, они уехали с ним!».

– Думаешь, табор его назад примет? – лекарь развернулся к собеседнику, и у Тисы замерло сердце. Демьян смотрел ей прямо в глаза... Мысли ее мгновенно смешались. Одно дело видеть мир вокруг вэйна, другое вот так лицом к лицу. Так близко. И вот ирония! Дал бы господь ей ту самую способность разговаривать на расстоянии, она все равно не вымолвила бы ни слова. Он почти не изменился с того дня, как она его видела. Пепельные волосы, серые глаза. Вот только сам взгляд стал сумрачным, и линия губ еще тверже.

– Примет, – уверенный кивок главвэя. – Мало того, я думаю, они постараются всеми средствами удержать молодого оборотня в общине. И решать будет не столько родня, сколько совет Бут-Шеро.

– Мы можем Рича больше никогда не увидеть, – обреченно произнес старик.

От этих слов Тисе поплохело.

– Рич не волк, а медведь. Стайного чувства у него нет. Поэтому ему самому предстоит выбирать, где и с кем остаться.

– Я так к мальчонке привязался, – из горла вырвался сильный выдох.

– Как и он к вам. Рич уже не ребенок, Агап. Притом оборотень. Его выбор будет осознанным. Не волнуйся, с ним все будет хорошо, – вэйн протянул руку и легонько сжал ладонь старика.

– Спасибо, Дема. Тиса, осерчает на меня, она просила ее дожидаться, чтобы вместе отвезти Рича. Но я по-прежнему считаю, что поступил верно. Я забоялся, что он не выдержит и сбежит. Последние дни перед твоим приездом мальчишка стал поздно возвращаться.

Мужчины на какое-то время замолчали, каждый думая о своем.

– Да, она не одобрит того, что я сопровождаю вас, – прошептал вэйн, откидываясь на спинку лавки, и полумрак кареты скрыл мужское лицо.

– Не буду лукавить, – прокряхтел старик, потирая затекищую поясницу, – девочка имеет на тебя зуб. Но это вы сами разбирайтесь. А мне надо Рича сvezти в Лапотню, – ворчливо добавил он.

– Локотню.

– Да один черт.

Девушка раскрыла глаза и какое-то время глядела в потолок, и не видела его. Затем подняла руку и рассмотрела свою ладонь. Затем прижала ее к сердцу. Брови мучительно надломались, и из горла вырвался мятежный стон.

Слава Единому, из бесконечного круговорота мыслей ее вытащил стук в дверь. Фонька явилась с просьбой от хозяйки продолжить чтение полюбившегося романа, и Тиса спустилась в гостиную. В очередной главе книги героиня получила приглашение в гости от тетушки и укатила в Крассбург, оставив бедолагу-гусара страдать. Вот так вымышленные чужие страдания иногда позволяют отвлечься от собственных.

На следующее утро зачастил снег. Пусть мокрый и исчезающий, соприкасаясь с землей, и все же первый снег. Кивнув привратнику, Тиса вырвалась из дома и запоздало подумала, что зря не сменила легкую шаль на теплую. Холодный сырой воздух защекотал шею.

На ступенях крыльца Рина Степановна разговаривала с незнакомой улыбчивой женщиной, держащей огромную корзину, накрытую толстым пледом. Под отвернутым краем виднелась румяная печеная сдоба. Рядом с матерью вертелся мальчишка, оглядывая с любопытством богатый дом, а заодно ловя языком снежинки. На вид одногодок Рича, и роста приблизительно того же, подумала Тиса. Мальчишка заметил внимание незнакомки и надул щеки.

– Несите на кухню, вход с заднего двора, – меж тем распорядилась Рина, одобрительно кивнув.

Экономка вернулась в дом, а мать с сыном отправились по дорожке, огибающей особняк.

Тиса поглядела им вслед и спустилась с крыльца. Когда поняла, что никто ее не видит, высунула язык и поймала снежинку.

Стоит ли говорить, что, топя знакомой уже дорогой в школу одаренных, Тиса снова думала о Риче. Свежие мысли, как снежные льдинки, охлаждали разгоряченный рассудок. Конечно, она не настолько себялюбива, чтобы не понимать, что ребенку лучше с родными. Он же так скучал по ним. И не ей судить Агапу, он сделал то, что она долго оттягивала бы из-за слабости духа. И старику ведь тоже нелегко далось решение, это она поняла из видения. Демьян же... что бы она ни говорила, в глубине души Тиса признавала – лучшего провожатого Агапу было не сыскать. Еще представляясь шкалушем, вэйн всегда по-доброму относился к ребенку. Да что там – он вылечил Рича, и теперь юный оборотень боготворит колдуна. Так что Демьян в самом деле лучше кого бы то ни было присмотрит за старым и малым. Жаль, от понимания этого спокойней на ее душе не становилось.

***

Учителя Тиса застала в его кабинете. Климентий, стоя у окна, постукивал пальцами по подоконнику и не сразу заметил присутствие девушки. Не одна она сегодня погружена в

свои мысли.

Урок начался с обычного уже опроса. Ободренная последними успехами в поиске, Тиса заверила учителя, что сегодня не оплошает.

– Очень на это надеюсь, Тиса Лазаровна, – Климентий Петрониевич потер рукой глаза. И Тиса только сейчас заметила красноту век мужчины, словно он не выпался или подхватил простуду. Но так как кашля не наблюдалось, то вероятней все же первое.

Для очередного практического занятия к недовольству Клары из опытной был вызволен Строчка. Виталий подмигнул Тисе прежде, чем усесться в кресло за ширму. Странно, что Люся так и не объявилась.

– Задание то же самое, – напомнил Клим. – Найти Строчку, вернуться и сказать, сколько пальцев руки он показал.

Тиса со всей старательностью принялась за поиск скорописца. Нарисовав в своем воображении лицо Стручкова до мельчайших подробностей, Войнова пыталась удержать образ парня как можно дольше. Его, именно его дар обязан ей показать.

Мгла приняла в свои объятия, но открывать видение снова не торопилась. Какое-то время Тиса блуждала в белой пустоте, раздвигая облака тумана, и призывая дар к послушанию. Бесполезно. Только бы снова не унесться к взйну. И только эта мысль коснулась ее, как мгла осыпалась к ее ногам тяжелым песком.

Колеса кареты поскрипывали. В зашторенные окош-ки украдкой заглядывало серое утро. На лавке напротив негромко храпел во сне старик, привалившись щекой к мягкой стеновой обивке. Ноги Агана укутывало теплое одеяло. Взгляд опустился, и Тиса увидела Рича. Мальчишка расположился на лавке, уложив голову на коленях вэйна и тоже мирно спал. Тиса смотрела на лицо ребенка – на круглый лоб, черные подрагивающие ресницы, улыбку на губах – и молилась, чтобы колдун не отвел глаз. Но долго такое счастье не продолжилось. Мужская рука осторожно сдвинула прядь волос со лба мальчишки, и взгляд улетел к деревьям, мелькающим в просвете шторок.

Самовольное видение схлопнулось неожиданно, и Тиса впервые об этом пожалела.

– Замечательно, – одобрительно кивнул Климентий Петронивевич, заметив, как девушка открыла янтарные глаза и пошевелилась, – на этот раз вы вернулись гораздо быстрее. Смею ли надеяться, что вы сможете ответить на мой вопрос?

Ну, вот что ему сказать? Да ничего хорошего.

Пока Тиса собиралась с ответом, к учителю подтянулся любопытный Строчка, и даже Клара изволила показаться в дверях распахнутой опытной, прислушиваясь к разговору.

– Я не смогла, – тяжкий вздох. Врать она не стала. Да и зачем? – Поиск почему-то снова сбился на другого человека. Не понимаю, что я делаю не так? Ведь дома видела всех, кого

хотела. Это правда, я не обманываю вас!

Кусая губы, Тиса наблюдала, как щурит глаза разочарованный Ложкин, как Строчка переводит вопросительный взгляд с горе-видящей на него и, как Клара демонстративно уходит в опытную с видом «я так и знала, что у нее не получится».

Что за напасть? Тиса растерянно мяла свои ладони. И неизвестно какой бы грозой вылилось разочарование учителя, если бы в Увлеченный клуб не заглянул сам заведующий школы одаренных.

– Климентий, ну что? Отвез? Ты велел почтмейстеру про-
ставить штамп на доставку вэй-почтой? Он не артачился? –
с порога воскликнул низкорослый шуец, косица в его парике
пружинила от его быстрого шага. – Как думаешь, к Сотворе-
нию получим ответ?

Затем Мо Ши заметил Тису и вскинул брови:

– А, Тиса Лазаровна! Как успехи у нашей видящей? –
улыбнулся старик, и его глаза и без того узкие, превратились
в щелки.

На что «видящая» в ответ проямлила что-то невырази-
тельное. Мо Ши не стал вдаваться в подробности и, споро
пожелав раскрыть свой дар полностью, подхватил под локоть
Ложкина и уволок ассистента в кабинет.

– Эти могут засесть надолго, – протянул Строчка и под-
мигнул Тисе с видом заговорщика. – Жаль, п-плохо слыш-
но, – доверительно добавил паренек.

От любопытства у Строчки аж ухо задергалось. Тиса подумала, не будь ее в комнате, он давно бы приложился им к двери.

– Это они о новом прошении, – хмыкнул скорописец. – Вчера Клим с Мо Линичем всю ночь бумагу сочиняли. Кстати, приложили мои выписки из книг, не зря чернила истратил.

Заметив в глазах девушки непонимание, объяснил:

– Это чтобы нам м-министерство новую субсидию-с на раскопки дало. Эх, вы же не видели, – махнул парень рукой, загоревшись воодушевленно взглядом, – У нас в Вазяковке уже пять шахт! Такие работы летом провели! Столько перелопатили! Две артели нанимали, Тиса Лазаровна. Почти нашли Гачиту, осталось всего ничего – треть участка доисследовать, и туточки министерство в деньге-то и отказало! Представляете?!

На двадцать минут Тису еще хватило слушать про тернии простых исследователей на пути к заветному кургану, но потом поняла – если этого «копателя» не остановить, то она сама скоро закопается под холмиком, спасаясь от говорливого заики.

Сославшись на желание недолго подышать свежим воздухом, Тиса сбежала из клуба, прихватив свое пальто. Девушка гуляла по дорожкам школы и размышляла совсем не о древнем мудреце-вэйне с его пером, превращающем камни в золото. Рич был так близок в последнем видении. Грустная

улыбка коснулась девичьих губ. Судьба привела мальчика в Увег, она же и уводит. И ничего здесь не поделаешь. Тиса вздохнула. Даже дар уже отворачивается от нее. Снова провал в поиске. Неизвестно, как учитель расценит ее неудачу. Поверит ли?

Углубленная в свои думы, девушка не заметила, как оказалась у старого общежития. И только гнетущее чувство, что за ней кто-то наблюдает, заставило ее поднять глаза от носков своих ботинок. Расколотое общежитие чернело под мокрым снегом. Трещина словно раздулась и увеличилась, как воспалившийся шрам на фасаде заброшенного корпуса. Тиса глядела в ее мрак и не могла отвести глаз. Порыв ветра овеял лицо.

«Сюда-а» – принес ветер еле различимый шепот. «Поднимись ко мне-е». Тиса распахнула широко глаза, не в силах отвести взгляд от трещины. В какой-то момент ей почудился белый всполох. Затем подобный этажом выше. Белым полотнищем скользнуло нечто в черных проемах окон. И через минуту замерло. И Тиса увидела в окне женскую фигуру в белом одеянии и босую. Она шагнула на край карниза.

– Нет! – прошептала Тиса и рванулась к трещине. – Что вы делаете?! Не прыгайте!

Она почти добралась до частотола, окружающего здание, и собиралась уже рвануть одну из ветхих досок на себя, когда почувствовала, как чья-то рука обхватила ее запястье.

– Тиса! Да погодите же! Туда нельзя!

Войнова обернулась. Ее держала за руку Люсенька и взволнованно хлопала ресницами. Ее светло-голубые глаза казались еще прозрачнее, как вода в горном ручье.

– Я вас звала, но вы не слышали, – пролепетала она, метнув взгляд к окнам верхнего этажа.

Тиса посмотрела туда же. Женщины в белом в окне уже не было.

– Вы ее тоже видели? Да? – прошептала Люся. Наклонившись к уху Тисы, она по-детски прикрывала рот ладошкой. – Это Манила. Призрак. Вы же знаете о ней?

Тиса кивнула, и тут осознала, что она приняла привидение за живого человека.

– Дворник говорит, Манила людей заманивает и сбрасывает с крыши. Пойдемте отсюда, пожалуйста, – жалобно попросила Люсенька. – Тут так неприятно находиться. Правда ведь? А голос вы слышали? Она зовет так протяжно, что у меня прям мурашки по коже скребут.

– Бегают, – поправила, не задумываясь, Тиса.

– Кто бегает? – не поняла Люся.

– Мурашки, бегают. А кошки скребут.

– А-а, – протянула Люся. – Я думала, вы о Маниле. Она не бегает, слава святой Лее. Из «трещины» еще ни разу не выходила. Вот дяденька с собачкой так по всему Оранску бродит.

Тиса сочувственно улыбнулась.

– Вы видите призраков.

– Ага. Но лучше б не видела. Мне так их жалко, но они такие страшенькие, что я их боюсь, – призналась Люся. – Кроме дядечки с собачкой. Тот всегда мило улыбается. О! Так получается, вы тоже видите призраков!

«Боже упаси», – взмолилась всевышнему Тиса.

– Это первый, который решил мне показаться, – призналась она. – Надеюсь, и последний. Ладно, пойдёмте в клуб, Люся.

Должно быть, Клим уже поговорил с Мо Ши и теперь дожидается непутевую ученицу. Мысль заставила Войнову прибавить шаг, и «трещина» вскоре осталась позади.

Опасения не оправдали себя – Клим не ждал ее у порога со свирепым видом. В гостиной сидели лишь Строчка с Кларой. Виталий читал «Областной вестник», а Клара что-то подсчитывала в уме и вносила пометки в маленькую записную книжку. Эти двое так увлеклись каждый своим делом, что не сразу заметили вошедших.

– Ну, хорьки, ну п-проныры! – восклицания Виталия слышались еще с коридора. – Эта парочка гениальна, Клара! Пятая кража, на сей раз белгородского ювелира, и опять после тщетных поисков дело замяли без подачи жалобы в Крайсбург. Наверняка краденные вещицы с темной историей, раз не хотят привлекать имперский сыск. Как думаешь?

Клара огрызнулась на балабола, чтоб не отвлекал.

– Да ладно, – ничуть не расстроился парень невниманием барышни. – А вот кого наши благочинники ловят интересно

бы знать? По городу с-слухов – тьма тьмушая. Кто говорит мошенников, кто дезертиров, а кто и убивцев. Но чтобы наши разгильдяи-кокардники так копытами били – неслыханное дело. С-сам видал, они даже на лодках по каналу с фонарями плавают. Город оцепили, Синецкий и Маковецкий гарнизоны привлекли. Кречет всех на уши поднял... О! Люсенька! И наша видящая с ней! – заметил, наконец, девушек Стручков.

Клара даже головы не повернула, продолжая свои подсчеты.

– А Клим еще не выходил, Тиса Лазаровна. Садитесь пока с нами, я вам почитаю, – предложил паренек и снова нырнул в увлеченное чтение. – Гляньте-ка, про Оранск пишут! «В пятом числе ноября месяца в Орской долине замечено земледрожание. Жители города Оранска жаловались на звон посуды в буфетах». И все? М-да, негусто.

– Земледрожание? – удивилась Тиса. – Но разве не должен погодник следить за этим?

Она последовала совету и присела в кресло, поглядывая на закрытую дверь кабинета. Люсенька же осталась стоять посреди гостиной, блестя глазами.

– Наш Мотя Зябович опять на целебных водах ножищи свои вымачивает, куда уж ему до простых смертных, – с ехидцей поведал Виталий.

Тиса хотела было спросить, каким недугом страдает колдун, но Люся ее опередила. Девушка дождалась паузы в раз-

говоре и возвестила то, что Войнова не собиралась разглашать так сразу:

– А мы сейчас Манилу видели!

– Ух ты! Привидение опять тебе показалось?! – Строчка отбросил газету и весь собрался в готовности слушать.

– И не только мне, – взволнованно продолжила Люся. – Тиса тоже ее видела и даже слышала!

– Да неужели? – хмыкнула Клара, окинув надменно-насмешливым взглядом видящую. – Вы очень талантливы, Тиса Лазаровна.

– И что она говорила? – вскоре ненасытный на новости скорописец вытащил из Люсенки все подробности.

К тому времени, как дверь кабинета распахнулась, тема призрака почти исчерпала себя. И Слава Единому. У Тисы помимо Манилы хватало тревог. Например, сейчас ее заботил предстоящий вывод Ложкина на ее счет – по окончании второго неудавшегося практического занятия.

– ...Уповаю на смекалку министерских белоштанников, – выступил в гостиную с обрывком фразы шуец. – Должны же они, в конце концов, понимать, что будет означать для Империи найденный курган Гатчиты! Прорыв! В истории, вэй-науке, промыслах! Ради отчизны и радеем ведь! Верно, Стручков? – заведующий школы подмигнул Строчке.

На что Виталий улыбнулся во все зубы, выражая согласие.

Старик так и пышал энергией и энтузиазмом в излюбленном деле. И Ложкин ему в этом не уступал. После беседы с

шуйцем глаза ассистента сверкали, того и гляди, по стенам зеленые блики заскользят.

– О, пока не запамятовал! – вскинул указательный палец Мо Ши. – На благотворительном концерте выступите со своим номером. Как бишь его?

– «Повториша», Мо Линич, – подсказал Строчка. Парень потер ладоши.

На Климентия же слова начальника произвели обратный эффект.

– Я надеялся, нам больше не придется выступать в роли шутов, – произнес блондин.

– Не говори чуши, Клим, – пожурил ассистента старик. – В прошлом году ваше выступление имело большой успех и многие из влиятельных людей Оранска, не буду разглашать имен, мне не раз намекали, как надеются лицезреть номер в это Сотворение.

Взгляд шуйца остановился на Тисе, и он чуть не подпрыгнул на месте от возникшей идеи:

– Может, и Тису Лазаровну попросим тебе помочь? А? Двое видящих, выступающих на сцене за честь школы одаренных, замечательно! Как вы на это смотрите, дорогая?

Тиса не успела испугаться, поскольку, к ее радости, вмешался Ложкин.

– Не выйдет, – пресек он на корню мечты начальства. – У девушки очень неустойчивый поиск, она не справится.

– Уверен? Жаль, очень жаль, – вскинул белые брови шуец,

глядя пристально на Войнову. – А как было бы здорово!

– К сожалению, ничем не могу помочь, – протянула с огорченным видом Тиса, не имея за душой и грамма заявленного чувства.

– Но это же поправимо, Клим? – озаботился старик.

– Не могу сказать.

– Плохо, – цокнул языком Мо Ши.

– Зато у Тисы Лазаровны охват в п-полторы тысячи верст! – защитил честь барышни Виталий.

«Ох, Строчка, ну кто же тебя за язык тянет?» – простонала мысленно Тиса.

– Да что вы говорите!?! – ахнул шуец и снова уставился на видящую с моментально возросшим интересом. – Клим, почему ты мне не сказал? Такой охват обычно имеют лишь сильнейшие искуны.

Надо отдать должное учителю, он отвечал с той же упертостью.

– Как я уже говорил, Тиса Лазаровна еще не справляется со своим даром.

С улицы послышался звонок, и шуец заторопился распрощаться, вспомнив о неотложных делах школы. Клим взялся проводить заведующего до крыльца. Последними из коридора донеслись слова шуйца.

– Продолжай обучать ее, Клим. Девочка, возможно, имеет нешуточный дар.

Спустя минуту Климентий вернулся в клуб не в самом

лучшем расположении духа. Он раздраженно отмахнулся от Виталия, который не к месту сунулся к нему с предложением изменить что-то в концертном номере. На вопрос Клары по очередным образцам, велел ей ничего не трогать, что позже сделает все сам. Развернувшись к Тисе, блондин несколько секунд испытывающе смотрел на ученицу, как будто на что-то решааясь. Затем коротко вздохнул и предложил последней последовать за ним в его кабинет. Тиса подчинилась, ощущая затылком тяжелый взгляд Клары.

– К сожалению, наш урок был прерван, из-за чего прошу извинения, – Ложкин сел в кресло и указал на стул девушке. – Мо Линич, как вам известно, мой руководитель и единственный человек, которому я не могу отказать в просьбе. Теперь к делу. Чтобы продолжить, я должен сперва кое-что прояснить. Мне нужны ответы, Тиса Лазаровна. Правдивые ответы, – добавил Климентий с ударением. – От этого будет зависеть, смогу ли я вам помочь в обучении.

«И продолжится ли это обучение вообще», – подумала Тиса, внезапно растеряв всю свою уверенность.

– Хорошо.

Стул под ней жалобно скрипнул.

– Итак, практическое занятие показало, что поиск вам опять не покорился.

– Не покорился, – эхом повторила горе-видящая.

– И по вашим словам, это происходит только почему-то в стенах клуба? А в иное время вы видите всех кого поже-

лаете? – блондин сомкнул пальцы в замок. Взгляд зеленых глаз впервые за все минувшие встречи внимательно изучал лицо девушки.

– Именно так.

– Кто же эти люди?

– Отец, две мои подруги, лекарь и ребенок, – перечислила Тиса.

– У вас есть дети? – огорошил учитель неожиданным вопросом.

– Нет, он не мой сын, – Тиса ощутила, как защемило сердце при упоминании Рича.

– И все, кого вы видите, из вашего городка?

– Да.

– А последние двое, почему вы их искали? – вот уж до-тошный мужчина.

Раз откровенно, значит откровенно.

– Я беспокоюсь за них. Понимаете, они отправились в дальнюю дорогу. А в ней все может случиться.

– То есть это вам не чужие люди?

– Нет, – улыбнувшись, покачала головой Тиса. – Почти родные, хоть и не по крови.

Климентий кивнул ей или своим мыслям – не понятно.

– Ну, а Строчку или кого-то из оранчан вы хоть пробовали искать?

– Нет. Я считаю неудобным наблюдать жизнь малознакомых людей, – произнесла Тиса с достоинством.

Губы мужчины изогнула ироничная усмешка:

– Вам следует отвыкнуть от этой мысли, Тиса Лазаровна, – произнес он, откидываясь на спинку кресла. – Вы видящая, а значит, имеете право «наблюдать жизнь». Так же, как лекарь имеет право осмотреть тяжело больного. Разве он стыдится наготы пациентов? Нет. Вам придется искать пропащих людей, вы же не станете ждать от них разрешения? Для этого их все равно надо найти, не так ли? Так что забросьте свое «неудобно» в изнанку, чтобы я его не слышал.

Тиса не решилась спорить.

Она была довольна тем, что недоверие в зеленых глазах учителя сменилось желанием разобраться в необычном случае.

– Предполагаю, но пока не утверждаю, – после некоторого раздумья продолжил Клим, – что причина отказа в поиске кроется во внутренних рамках, которыми вы неосознанно ограничили возможности дара. Вы слишком нацелены на близких вам людей, что просто не желаете, да еще и стесняетесь видеть других. В любом случае, как раньше рассчитывать на скорое решение вашей проблемы с даром уже не стоит. Понадобится в лучшем случае месяц-два, а то и больше, чтобы сбросить поводок с дара. И только потом приступить к отстранению...

– Так долго? – растерялась девушка. – Но я не могу! Я рассчитывала уехать до Сотворения домой.

Блондин развел руки в стороны:

– Определитесь с желаниями, Тиса Лазаровна. Заставлять вас никто не будет. Нужно ли вам осваивать дар или нет, решать вам.

Войнова какое-то время кусала губы. Учитель не торопил с ответом, и за это она была ему благодарна. Отказаться от мысли вернуться домой к концу месяца оказалось невероятно тяжело. И все же выбора у нее не было. В конце концов, девушка обреченно выдохнула:

– Нужно.

Климентий качнул головой, принимая ее решение.

– Тогда слушайте домашнее задание. С этого дня попробуйте увидеть Стручкова или нашу Люсю. Этим двоим все равно скрывать нечего, язык их вперед мозгов родился. Спроси – так всю жизнь расскажут, заодно и всех соседей в округе. Так что дерзайте без стеснения. При случае расскажете мне какую-то мелочь из видений: хотя бы в чем были одеты или чем занимались. Из книг прочтете параграфы, – последовало перечисление, которое Тиса поторопилась запечатлеть на бумаге.

Покидая в этот раз Евсифонову школу, Войнова обратила внимание на часы. Всего лишь обеденное время, а по ощущениям, будто сутки мытарилась в Увлеченном клубе. На плечах лежало бремя принятого решения – она остается в Оранске. Снова повалил мокрый снег. Кружа над землей, он тоже не ожидал, что так скоро растает.

Глава 8 – Тайна Лизоньки или поверженный дракон

Изменив привычному пути, девушка повернула на Боровую улицу и зашагала по ней. И вскоре увлеклась созерцанием. Ближе к центру города дома словно вознамерились перещеголять друг друга количеством завитушек на фасадах, а также числом выпирающих балкончиков и башенок. Ни дать ни взять – гигантские торты, щедро облитые кремом и глазурью. Первые этажи зазывали огнями богатых лавок. На мостовой разъезжали коляски, одна другой добротней. Однако все они уступали в роскоши карете Аристарха Фролова, признала Тиса. Кстати о последнем. Фамилия этого почтенного горожанина мелькала не раз на всевозможных вывесках. Бани, аптека, колбасная лавка, ювелирная, тканевая... и почти каждая с кричаще яркой вывеской и роскошью внутреннего убранства. Аптека в частности имела любопытную вывеску в виде пузатого красного пузыря со снадобьем, на котором большими золотыми буквами было выведено название заведения: «Фрол-аптека». На витрине лежали сборы, склянки с пилюлями, баночки и флакончики – и все в цветастых обертках и на резных деревянных подставочках. Взглянув на цены заведения, Тиса пожелала никому никогда не болеть в этом городе. Как бы ни было любопытно, заходить в аптеку она не

стала – не за тем шла. Зато не устояла и заглянула в другое заведение.

У следующего дома дивный аромат свежесваренного чабрецового чая защекотал нос и потянул ее напрямик к дверям чайной принадлежащей пекарне Творожковых – той самой, откуда заказывало сладости семейство Отрубиных. Колокольчик задорно звякнул. Привратник в расшитом переднике, поклонился вошедшей и без особого рвения проямлил:

– Добро пожаловать к самовару, барышня.

Чайная оказалась уютной, чистой и красиво обставленной. За столиками, накрытыми вышитыми скатертями сидели посетители. Латунные самовары сияли, как новые. Радовала росписью посуда. Горели вэйновские долгоиграющие свечи. Окна завешивали хрустящие накрахмаленные шторы с длинной бахромой. Тиса прошла к прилавку. Боже, такого разнообразия чая она в жизни не видела. Чай не только ларосский, но и шуйский, чиванский – каких хочешь сортов. А к ним нежнейшие пирожные, вафельные трубочки со сливочным кремом, пироги вишневые, кексы с изюмом, бабы коньячные, конфеты россыпью, среди них и любимые Санышины ириски. Но стоило только поглядеть на цены, как настроение угоститься значительно поубавилось. Еще вчера не отказала бы себе удовольствию, но сейчас, когда впереди маячил месяц-другой обучения, решила воздержаться в тра-тах.

– Чего изволит, сударыня? – поклонилась за прилавком милая девушка в чепце.

– Спасибо, ничего, – покачала отрицательно головой Тиса. Она собиралась было выйти, как из-за полога прилавка появился полноватый парень с широким добродушным лицом.

– Неужели барышне у нас ничего не понравилось? – чуть обиженно спросил он.

– У вас замечательно, – улыбнулась Тиса непосредственности продавца, – и как-нибудь я обязательно к вам зайду на чашечку чая.

– Я помню всех наших покупателей, – кивнул парень с достоинством. – А вас нет. Примите, пожалуйста, в подарок от заведения как новому посетителю.

И он протянул ей маленькую сладкую плюшку с клюквенной начинкой, чудесной на вид и, как позже оказалось, и на вкус.

Тиса вышла из чайной в замечательном расположении духа. И вскоре нашла нужную лавку. В подарок Марье Станиславовне она купила музыкальную шкатулку с движущимися романтическими картинками. Красиво, как любит хозяйка, и практично – можно хранить множество женских мелочей. Погладив отделанную радужной яшмой и серебром коробочку, Тиса уложила шкатулку в сумку. Дорогая вещь значительно уменьшила ее денежный запас, но учитывая, что она собирается задержаться на постое еще не менее полуго-

ра месяца, то жаловаться нечего.

Любопытство заставило Войнову пройти еще квартал до Лобовой площади. Там с открытым ртом вдоволь надивиться помпезной резиденцией губернатора за высоким кованым забором с золотыми вензелями. А именно – белоснежным каменным зданием с золотой лепниной, такими же статуями на постаментах, выбритой ровнехонько травой лужаек и выстриженными в шары кронами. Припомнив слова Строчки, согласилась с его предположением – деньжищ на создание таких красот должно быть утекло – реки. Тут же неподалеку располагался театр, и он значительно проигрывал губернаторскому «дворцу» по общему впечатлению – большой дом с треугольной крышей о четырех деревянных колоннах.

На Бережковой Тиса оказалась только к четырем часам, голодной, но довольной. И снова заметила благочинника. Блюститель порядка, прислонившись плечом к клену, и скрытый разросшимся кустом красного барбариса, наблюдал за особняком. Какие же проблемы у Отрубиных с местной управой? Тиса перевела взгляд на особняк. У хозяйского крыльца стояла белая карета с гербом Оранска, и не кто иной, как небезызвестный краснолицый губернатор распахивал сейчас дверцу коляски перед Лизой Отрубиной. Сияя улыбкой, Проскулятов помог барышне с посадкой, затем с прытью усадил и свою мешковатую фигуру в карету.

Послышалось: «Трогай!»

Возница подстегнул породистых жеребцов, и коляска вы-

катила на Бережковую. Благочинник, положив руку на эфес сабли, проводил ее взглядом. Заслышав шаги, кокардник обернулся, взгляд из-под широких бровей зло блеснул. Но благочинник тут же отвернулся и зашагал прочь вдоль набережной. Спугнула. Так ему и надо, нечего шпионить под чужими окнами.

Преподнесенную в подарок шкатулку хозяйка приняла весьма милостиво:

– Как мило! Уважила, душечка. Глянь, Есения, какие славные картинки! Не находишь сходство этой девы с актрисой Осиповой?

Марья Станиславовна с полчаса любовалась влюбленными парочками и ангелочками. Слава святой Пятерке, угадала с подарком.

С чувством исполненного долга Тиса позволила себе отобедать в хлебной, затем засела за написание писем. Нужно было сообщить отцу и Ганне, что она задержится в Оранске и убедить их, что все у нее в порядке, чтобы не переживали. Скупоско освятила свои мысли по поводу вэйна и его письма. Зато на целый лист поделилась страхами за судьбу Рича. Успехами в укрощении дара хвалиться, надо понимать, не пришлось.

***

На следующий день губернатор снова посетил дом Отрубиных. И на очередной день тоже. Елизавета послушно бро-

сала свое рисование в красной гостиной и уделяла внимание гостю.

Провожая с Фонькой карету из окна, Тиса лишь жала плечами.

– Чтой-то зачистил к нам губернатор-то. И на кой он Лизке сдался? – негодовала горничная. – Старый и противный! А родинки! Фу-у. Коли с графом Озерским посравнять – точь в точь кляча водовозная и породистый скакун.

Судьба Лизоньки мало заботила Войнову. Ей бы со своей разобраться.

Беда. Дар не желал показывать ей мало знакомых людей и упрямо сводил поиск к колдуну.

Вчера вместо того, чтобы увидеть Люсю из Увлеченного клуба, она снова попала в капкан видения, из которого нет выхода по собственному желанию. В нем троица путешественников перенеслась порталом из Ижеска в Крассбург. Странная вещь – вэйновский переход. Ощущаешь себя перышком, но продаваемым через ушко иглы, вроде бы и легкость, но какая-то тягучая. А сегодняшнее видение не желало так просто убираться на задворки памяти. Стоило закрыть глаза и оно снова здесь.

Они сидели с дед Агапом перед изразцовым очагом. Огонь оставлял блики на теплых, обитых благородной древесиной стенах. Строгого стиля мебель. Курчавая синяя шкура гайдака под ногами. Большая редкость в Лароссии. Из книг Ти-

са знала, насколько опасными считались эти существа из ледяных краев.

Лекарь потягивал чай из блюда, а горло вэйна обжигал горячий кофе. Без молока и сахара. Горький и терпкий. Тиса мысленно кривилась от вкуса напитка и от новой ловушки дара.

Дед Агап причмокнул губами:

– Ох и большой у тебя дом, чай половину Увега разместить можно.

– Большой, – согласился вэйн, – и пустой. Только недавно понял, как тихо в нем.

Лекарь хмыкнул, пригладил бороду.

– Детки, женка – лучшее снадобье от тишины. Это я тебе, как лекарь говорю.

Ответом старику стала лишь слабая улыбка колдуна.

Демьян что-то шепнул, и почти притухший огонь вновь с треском разгорелся. Какое-то время Тиса наблюдала танец огненных лепестков. Пока в двери не влетел вихрь, по имени Рич.

– Дед Агап, идемте быстрее! Я вам такое покажу! – юный оборотень престоупал ногами от нетерпения.

Старик наградил ребенка улыбкой в бороду и оставил пустое блюдо на маленький столик.

Тиса шагала вместе с Агапом Фомичем за неугомным оборотнем. Анфилада комнат впечатляла. Нет, не роско-

шью. Хозяин дома предпочитал строгую обстановку без излишеств, однако в каждой вещи, будь то стул или секретер, чувствовалась основательность, удобство в пользовании и высокое качество. Но это было еще не все. Как оказалось, вэйновские порталы пронизывали весь дом, позволяя беспрепятственно попадать в разные его уголки за секунду. Вот и сейчас они ступили в прозрачную арку, и появились... Тиса даже не сразу осознала где. От открывшегося вида с высоты птичьего полета перехватывало дух. Лишь потом поняла, что они оказались на вершине одной из двух башен. Вэйны, что с них взять. Медом не корми – дай каждому по башне.

Стеклянные стены и прозрачный потолок создавали впечатление, что площадка открытая. Всего лишь «дом на окраине города» – так, кажется, колдун говорил. Что же, Демьян Тимофеевич. Опять лжете. Дом оказался чуть ли не замком, современной постройки из серого камня. Вечнозеленый плющ увивал его стены, а у подножия в опушке сосен зеркальной гладью блистал пруд. Огромный парк простирался вдалеке, но не разлинованный дорожками, как у Оранского губернатора, а сохранивший прелесть дикой природы.

Тиса любовалась чудесным видом, и где-то в глубине души прозвучал предательский голос: боже, а ведь всем этим она могла бы владеть. Задушить срочно!

– Локотня в четыреста верстах отсюда к югу, – ответил Демьян на вопрос лекаря, который она благополучно прослушала. – Есть портал в Малиновку. От нее там сто верст, и будем на месте. Так что, как почувствуете с Ричем, что готовы, сразу отправимся.

– Спасибо, Дема.

Над головой пролетел косяк серых гусей, и Рич замахал им руками, как будто бы птицы могли его видеть.

Карета с губернатором скрылась, и девушки отступили от окна. Фонька сообщила, что Марья Станиславовна просит спуститься читать роман. И Тиса порадовалась. Чтение поможет отвлечься от навязчивых мыслей. Не тут-то было. Как назло повествование свернуло в болезненную тему. Легкомысленная героиня, забыв о гусаре, повстречала в столице прекрасного... вэйна, конечно. Чтобы их роду пусто было. И битый час Тиса, заикаясь и серея лицом, читала восторженный лепет влюбленной дурехи. В конце концов, на фразе «жаркий поцелуй вэйна обжег ее губы» Тиса сдалась. Сославшись на головную боль, попросила позволения подняться к себе.

– Ах, как жаль, милочка, – обиженно зевнула хозяйка. – Ну да ладно. Подите. Только верните книжку на место в красную гостиную. А то давеча Санюшенька уж весь томик стихов изорвал на кошкину приманку.

– Ай-яй, – закачали враз компаньонки головами, как под-

солнухи на ветру.

В гостиную, так гостиную. Хоть на гору кудыкину, только не читать роман.

Тиса прошла коридором в неприкосновенную комнату. Красный дракон, как и прежде, блеснул погонями и клыками. Мольберт отчего-то скучал без Лизы, и славно. Взглянуть на художества молодой Отрубиной желания не появилось. Вряд ли в хозяйской дочери проснулся талант за эти недели. Там беспробудный сон. Зато Войнову привлек очаг. Гостиную отапливали ради художницы, и сейчас за решеткой догорала россыпь угольков. Тиса аккуратно поставила книжку на полку стеклянного серванта и присела прямо на пол у очага. В ее комнате такой роскоши нет, да и дома тоже. Как в видении, девушка смотрела на огонь. Маленькое пламя, то голубое, то красное, и такое живое, завораживало. Душа снова дала слабину. Она вспоминала другие дни и другое пламя плясало в кострах. И теплые руки касались ее плеч. И голос дурманил голову. Теперь она понимала, отчего так ровно горел костер из сырых веток, сложенный «шкалушем», и отчего так быстро высохли вещи после ее ныряния в болото. Колдун одним словом заставлял огонь полыхать. Так же, как смог с легкостью разжечь в ее сердце чувство, которое она потушить теперь не в силах. Остались всего лишь угли. Но слабое пламя еще обнимает их. А подуй – так разгорится. Как сейчас, после этого треклятого романа. До весны, написал Демьян. Единый! Как же до нее далеко.

Войнова не заметила, как скрипнула дверь балкона, и гостиную наполнили негромкие голоса. И лишь позже осознала, что не одна в гостиной.

– Оставь меня! – возмущенный шепот принадлежал молодой Отрубиной.

– Он снова был здесь, я знаю! – вторил ей разгоряченный мужской.

– Это тебя не касается!

– Еще как касается! Черт возьми! Как ты можешь, Лиз!? Чем тебя купил старый обрюзгший мухомор? – шорох занавесей и скрип половиц. – Ты катаешься на его коляске! Принимаешь букеты! Я видел посыльных.

– Ты следил?

– Ты прекрасно знаешь это. Я и дня не могу прожить без тебя. Я люблю тебя, Лиз.

– Перестань, – голос Лизы задрожал. – Все кончено, Сережа. Уходи! Сейчас же, пока тебя кто-то не заметил! И никогда не появляйся больше в этом доме!

– Всего один поцелуй, Лиз! Прощальный, – упрямо продолжил мужчина. Несмотря на слова, сдаваться он явно не собирался. – Я хочу убедиться, что ты ничего ко мне не чувствуешь.

Тиса не знала, что и делать. Встать, как не в чем не бывало, и поздороваться? Вряд ли это хорошая идея. Оставалось одно – отсидеться. Может быть, они ее не заметят и уйдут. Тиса осторожно выглянула из-за спинки дивана. Молодые жарко

целовались. Лизонька и... тот самый благочинник, которого она видела не так давно на улице у особняка. Вот тебе и соглядатай. Войнова вернулась в прежнее положение – э-э, не очень удачно. Зацепила нечаянно прислоненную к стене кочегру, и та со звоном шлепнулась на пол. Скрываться далее было глупо, и Тиса со вздохом поднялась на ноги.

Немая сцена продолжалась с минуту. Войнова не могла ничего сказать, кроме как «я не нарочно». Благочинник, кажется, узнал ее и даже кивнул, пребывая в не меньшей растерянности. Ох. Зато Отрубина испуганно таращила глаза и кусала красивые яркие губы. Тиса не сразу уловила подвоха, когда девушка бросилась к шнурку на стене и отчаянно затрясла его. Затем вытолкнула в спину горе-любовника на балкон, велев тому убираться восвояси. На сей раз парень не стал пререкаться. Все это время Тиса по своей глупости продолжала стоять и наблюдать за развернувшимся действием.

– Ты не скажешь, что видела нас, – сощурила глаза Лизонька, подойдя к невольной свидетельнице ближе.

– Будь уверена в этом, – искренне пообещала Тиса. – Я случайно зашла. Мне нет дела до твоих тайн.

– Может и так, – невесело усмехнулась молодая Отрубина, глаза ее нехорошо заблестели. – Впрочем, можешь сплетничать. Только тебе все равно отец не поверит. Потому что...

Словно в каком-то фарсе Тиса увидела, как красавица со всей силы толкнула статую дракона в крыло. Изваяние, медленно качнувшись, подумало долю секунды – падать, не па-

дать, и затем рухнуло на пол с таким гроыханием, что весь дом сотрясся. Хрусталь и коллекция фарфоровых статуэток Марьи Станиславовны весело звякнули. Голова дракона оторвалась от туловища и медленно прикатила к ногам постоялицы.

Что было потом, не описать словами. Жильцы и слуги слетелись в красную гостиную и зажужжали пчелами. Тиса с несходящим с лица удивлением выслушала обвинения Лизы в свой адрес. Лев Леонидович устроил грандиозный скандал. Была бы виновница служанкой, как пить дать, отведала бы парчового тапка. Бедный хозяин так голосил над сломанной статуей, что Войнова даже пожалела его. Говорить что-то в свою защиту было совершенно бесполезно. Не поверят.

– Мы вынуждены отказать вам в постое! – наконец, хрипло прокаркал Лев Леонидович. Горло-таки себе сорвал.

– И правильно, – поддержала хозяина практичная Рина Степановна. – От ее голубей сор один.

Марья Станиславовна лишь уныло вздохнула. Читать матроне с завтрашнего дня снова предстоит Есенин.

***

За ночь мороз сковал грязь и лужи, которые мокрый снег развел на дорогах в последние дни.

Привратник Григорий молча выпустил опальную постоялицу за дверь вместе с клубами морозного пара. Прошка с

виноватым видом отдал девушке саквояж и клетку, что любезно согласился донести до крыльца.

Осторожно, чтобы не поскользнуться на обледеневшей тропинке, Тиса двинулась к воротам. Возмущение от выходки хозяйской дочери в ней поутихло еще вчерашним вечером. Она вообще многое сейчас воспринимала иначе, чем раньше. На такое ее состояние Камилла бы сказала, что в ней духу нет, и принялась бы кормить. Но в движении по течению тоже есть свои преимущества. Не надо мучиться выбором, судьба сама ведет. Все равно в доме Отрубиных она ощущала себя не лучше этих голубей.

– Тиса, погоди!

Обернулась. К ней спешила Фонька, кутаясь в овчинную безрукавку. Раскрасневшаяся от морозца, с непокрытой головой и челкой заиндевелой. За ее спиной топала знакомая парочка – продавщица сдобы с сыном, который напомнил ей Рича. Мальчишка отчего-то насупленный отстал от матери.

– Чай, не успела, так и не попрощевались бы, – укорила горничная, но тут же улыбнулась. – А я вот хозяйку тебе познакомить привела, тебе ж нужда-то теперича. А Алевтина Борисовна флигель сдает. Так ведь?

– Сдаю, девоньки, сдаю, – закивала пирожочница, перекидывая с одной руки на другую большую корзину. – Свободный флигелек, тока полы в нем вымыла, занавески свежие повесила.

На вид женщина была далеко не старая – лет сорока. Бро-

ви домиками, чуть вздернутый нос, под шерстяным платком темные букли волос, над короткой губой проступал еле заметный пушок. Одета в кроличий тулуп, и, похоже, что когда-то он имел неплохой вид, но со временем мех замялся и вытерся местами.

– Полушку в месяц прошу, где еще такую цену найдете! Пойдемте, покажу вам. Тут недалече.

А почему бы и нет? Цена действительно не кусалась. Осталось взглянуть. Тем более, что других вариантов у Войновой пока не имелось.

Прощаясь, Фонька не утерпела и обняла бывшую постоянщицу, шепнув той на ухо: «Все наши думают, что это Лизка дракона свалила. Уж больно горячилась обвинять-то. Обычно ей делов не до кого нету, а тут на тебе, выступила». Тиса чуть улыбнулась. Какая теперь разница?

– Иди в дом, – подтолкнула она горничную, – простудишься.

И та послушалась, побежала, сверкая вязаными чулками. Пока шагали к дому, Алевтина все жильё нахваливала.

– Кухонька есть, печь рабочая. Утюг, пожалуйста, угольки заправляй и гладь сколь душа просит. Устька! Я кому сказала – угомонись!

Мальчишка раздумал плестись позади женщин, и теперь с грозным видом скользил впереди по дорожке, и то и дело мешался у матери под ногами.

«Недалече» вылилось в сорок минут ходьбы с краткими

остановками. Лямка саквояжа успела надавить пальцы. Дом Алевтины Кадушкиной стоял на Коромысловой улице, четвертым от угла: деревянный добротный с жестяным коньком и удивительно красивыми резными ставнями, пара из которых провисла в петлях. Двор имел несколько запущенный вид. Углы старательно забиты хозяйской сломанной утварью: тазы, огрызки метел, скамьи и перевернутые горшки на кольях. У ворот стояла старая телега без одного колеса. Справа от дома тянулись подсобные постройки и низенькая баня с грудой не колотых поленьев под стрехой. Слева к дому примыкал флигель, в окнах которого пестрели занавески в крапинку.

Из-за сарая показался малорослый мужичок заспанного вида с нечесаной шевелюрой и клокастой бородой. Завидев Алевтину, шустро повернул обратно.

– Гишка, куда это ты? – окликнула его Алевтина, подбоченившись. – А ну подь сюды, дорогой.

Мужичок с нашкодившим видом приблизился.

– Чего дров не наколол, бездельник?

– Так, Алечка, я же вот, – махнул Гишка рукавом в сторону сарая, – топор точу.

– Третий день, как точишь! Вот попросишь у меня добавки!

– А-аль... – заканючил мужик.

– Не Алькай! Пойдемте, Тиса Лазаровна, – хозяйка составила корзину на кособокую лавку и поманила за собой де-

вушку. – Дядька мой троюродный, пригрела вот лежебоку на свою голову, мало мне одного было, – пояснила Алевтина. Она обошла колодец и ржавое ведро с дождевой водой и поднялась на высокое крыльцо. Пошарила рукой по дверному косяку флигеля и вытащила ключ.

– Проходите, смотрите... Печь исправно работает. Комнатка очень светлая. Вот скатерочка, сама вышивала. Баню топим раз в неделю. Коли останетесь, так сегодня и затопим. Чего не хватит, принесу с превеликим удовольствием.

Тиса поставила на пол ношу и прошла по скрипящим половицам. Что ж, все для жизни есть. Кровать у стены, над ней гобелен в розах. Вдоль противоположной стенки – столик с масляной лампой, пара стульев и вполне еще крепкий шкаф.

– Ма, а кто это? – в дверях кухни появилась девочка лет тринадцати, темноволосая как мать. Не скрывая любопытства, она уставилась на незнакомку, жуя сочное яблоко. За ее спиной в кухне Устин с упертым видом поддевал носом сапога табуретку.

– А ну кыш отседова! – погнала детей Алевтина. Те и не думали слушаться.

Послышался знакомый стук костыля и шарканье. В комнату заковыляла бабуля с клюкой. Седые волосы ее были растрепаны, из-под старого тулупа виднелись морщинистые чулки.

– Булочная рядом. До центра, конечно далековато. Зато до парка рукой подать, – продолжала говорить Алевтина Бо-

рисовна.

– Мой Моня умер на этой кровати, – продребезжала старушка.

– Ма! – воскликнула с досадой Алевтина. – Вы мне так всех постояльцев распугаете! Идите в свое кресло, чего вам не спится-то? Это моя свекровь, Тиса Лазаровна.

– Это дедова комната! – поддержал бабушку Устин из кухни.

Алевтина топнула ногой. И дети юркнули-таки за порог. Вслед за ними заковыляла и старушка.

– Простите, Тиса Лазаровна, – с извиняющейся улыбкой сказала Алевтина. – Домочадцы. Но они вам докучать не будут. Не беспокойтесь.

– Вы сказали, что рядом есть парк? – произнесла Тиса, оглядев из окна палисадник и улицу за тыном.

– Да, вишневый парк, – закивала хозяйка. – Самый большой в Оранске, заблудиться можно.

Этот последний аргумент решил вопрос. Парк! Это же просто замечательно. Будет где отвести душу, раз уж она лишена Увежского леса.

Решившись, Тиса отдала хозяйке деньги за месяц. Взамен получила ключ. Радостная Алевтина пересчитала деньги и положила в карман. Затем немного подумав, улучшила момент, когда постоялица отвернулась, и перепрятала их в пикантное место на груди.

Через полчаса хозяйка вернулась. Принесла выглаженное

постельное белье и тарелку супа:

– Я подумала, вам с дороги захочется лапши на курином бульончике. Коли понравится, могу на вас стряпать, – предложила хозяйка. – Пяток рублей добавите, так и стирать буду.

Тиса отказалась. Как бы ей самой не пришлось работу искать. Есть, конечно, возможность отписать отцу, чтобы выслал необходимую сумму, но она и так достаточно вытащила денег из батюшкиного кармана на эту поездку, что просить сверх совесть не позволит.

Закончив раскладывать вещи, девушка поймала себя на мысли, что рада новому месту. Несмотря на его бедность, по сравнению с хоромами Отрубиных, здесь ей куда уютней. Даже дышится свободней. Ну, а то, что придется жить без горничных и готовить самой – не кисейная барышня, справится.

Гишка наколот дрова и по велению Алевтины помог растопить печь постоялице. Затем натаскал ведра воды во флигель. Как бы ни была хорошо вымыта немногочисленная посуда, Тиса все же предпочла начистить ее лично. В едальной лавке на соседней улице прикупились яйца, масло, кусок копченого окорока, хлеба и крупы. Не густо, но пока устроит. А завтра после урока надо бы на базар наведаться. Проведя день в заботах, лишь перед сном вспомнила, что совершенно забыла о видениях и проблемах иже с ними. Удивительно легко уснула на новом месте. Но лишь к утру стало

ясно – может она и забыла о видениях, но они не собирались забывать о ней.

Глава 9 – Чтец

На нее глядел знакомый светловолосый парнишка в гимнастике, в глазах – желание услужить.

– Рад вас видеть в здравии, Демьян Тимофеевич. С прибытием. Вот, три дня как пришли запрошенные вами бумаги из закрытого архива.

На стол перед вэйном легла тонкая папка.

– По табору Рупув не много, – продолжил паренек. – Ничего необычного. Кражи, три смертоубийства. Два из-за дележа. Одно из ревности, за убитого расплатились – семья откупилась. А это... вот, пожалуйста, допуск только у вас, – голос паренька понизился до шепота. – Бумаги по Бут Шеро.

Вторая папка, толстая и потрепанная на краях, придавила весом свою чахлую предшественницу.

– Спасибо, Мокий, и ступай, – отпустил паренька Демьян.

Рука вэйна легла на папку, затем сделала быстрый неясный пасс над ней. Обложка на миг полыхнула зеленым сиянием. Вэйн открыл папку. Списки, даты, суммы, имена... Он просматривал их быстро, так, что видящая не успевала вникнуть в суть.

Путь к школе изменился. Семейство Алевтины Кадушкиной проживало на окраине Оранска, где особняки так же трудно встретить, как грибы зимой. Тиса топала по улочкам мимо самых обычных одноэтажных домиков, будто бы она в Увее. Мороз пощипывал щеки и сушил губы. С неба сыпалась ледяная крошка. Люди встречались все больше улыбочивые. Не удивительно – впереди ожидалась предсотворенские недели с весельем, колядками, ряжеными. Сотворение – великий праздник, и начало нового года. Единый созвал Пятерых Святых и создал Хорн. А потом слепил и самого человека по своему образу и подобию. Да только ни души, ни жизни в человеке не было. Свистулька глиняная и та живее казалась. Тогда отдал Единый свою душу и кровь до последней капли ради жизни человечества. Интересно, пожалел ли он о принесенной жертве когда-либо? Ведь в глине закралась грязевая примесь, и потому люди получились не такими совершенными, как задумывал творец. Тиса посторонилась, пропуская бегущую ораву ребятни.

Вскоре улица Заречная задала крюк к реке. Дома отступили, предоставив Патве пологие берега, которые по весне затапливались паводком. Тиса взошла на каменный мост и обозрела с его высоты открывшуюся картину. Река лежала подо льдом, еще достаточно тонким, чтобы сквозь него виднелись черные воды. По льду гонял поземку гуляка-ветер. Вдоль берегов холмиками полегли низкорослые камышовые заросли. Ближе к мосту лед истончался, и река медленно

вливалась в каменные борта, чтобы превратиться в канал, берущий начало с этого места и тянущийся через весь город на север. Тиса сняла перчатку и провела пальцем по каменному парапету, слегка припорошенному снежной крупой. Тихо и так спокойно наедине с природой, что хочется стоять здесь вечно. Смотреть вдаль. Слушать поскрипывание одинокого фонаря, стерегущего мост. И чувствовать, как тает снег под пальцами. В прошлую зиму она с Ричем лепила снеговика в палисаднике лечебного корпуса. Костыль не позволял ему работать обеими руками, и мальчишка катал ком одной. Потом они уселись на лавке и придумывали снеговика имя. Теперь Рич может лепить снеговика двумя руками. Это хорошо. Жаль, что она, наверно, этого не увидит. Или увидит, но только в видениях.

Далеко в сизой дымке глаза девушки различили движение. Вдоль левого берега двигалось пять черных точек. То ли свора собак, то ли кабанов, выбрались из перелеска к реке. Тиса поняла, что слишком задержалась на мосту. Опаздывать на урок чревато. Вернув перчатку на замерзшую руку, девушка поспешила дальше.

И все же она немного опоздала, минут на пять. Поверила словам Алевтины, что до Боровой недалеко. Несмотря на утренний час, клуб уже держал двери открытыми. А в клубе уже что-то творилось, что-то веселое, потому как смех Люсенки и Строчки слышался уже из коридора.

Как потом выяснилось – Клим и скорописец свой номер

решили вспомнить, ту самую «повторишу». А заключалась она вот в чем. Мужчины стояли по разные стороны от ширмы. Стручков делал какое-то движение. А Ложкин на пару секунд уходил в видение, затем возвращался и повторял движение.

– А я в-вот так! – Строчка подходил к делу с душой.

Явно в парне зарыт талант танцора и потешника одновременно. Виталий так ловко и озорно размахивал руками, ногами, головой вертел, а Клим до того уморительно-сосредоточенным лицом «повторял» за ним, что Тиса невольно хихикнула и с удовольствием присоединилась к зрительницам. Старушка привратница в удивлении цокала языком, прижимала клубок к груди. Клара скептически кривила губы, стараясь сдержать улыбку. А Люсенька откровенно рукоплескала «Браво!».

Заметив прибавление публики, Строчка так разгорячился, что чуть ли не вприсядку пустился.

– Эх-ма!

Тут-то Клим и свернул представление, когда понял, что уже лупит себя по бедрам, а от очередного маха ноги ширма готова сложиться пополам.

– Как здорово! – восхищенная Люсенька утирала слезы с глаз, выступившие от эмоций. – Молодцы! А можно я тоже покажу?! – девушка сложила ладони лодочкой. – Ну, пожалуйста, Клим!

Ложкин посмотрел на прибывшую ученицу и, по-видимо-

му, посчитав, что урок может подождать, позволил Люсе поменяться со Строчкой местами.

Люсенька встала за ширму, подняла руки и закачала ими из стороны в сторону:

– Я березка на ветру! – объяснила девушка с умиротворенным выражением лица.

«Странная она все же немножко, как и все мы», – подумала Тиса.

А Клим так легко входит в поиск, что невольно позавидуешь. Притом не сидит, а стоит! А ей же обязательно надо лечь, чтобы сконцентрироваться и «увидеть»! А как быстро он выходит, эх. И не теряется, как некоторые непутевые видящие, вспоминая, с какой луны свалился и где находится. Сможет ли она когда-нибудь так же?

Клим вынырнул из видения и хлопнул в ладоши три раза. Тут только Тиса поняла, что уже несколько минут не сводит с учителя пристального взгляда. И это заметила не только она.

– Ну, все, хватит! – фыркнула Клара. – Повторили и будет. Делу время, потехе час. Строчка, ты мне обещал найти запись по результатам сентябрьских образцов. А Тисе Лазаровне судя по всему не терпится начать урок.

Слова прозвучали едко, и Тиса отчего-то почувствовала себя виноватой. Можно было сказать что-то в свою защиту, но растерялась. Бог с ним, с уроком. Она вовсе не желала быстрого окончания представления, в последнее время не часто выпадает случай повеселиться.

Но Клару как-то негласно послушались все.

Клим пригласил Тису в кабинет, и закрыл дверь.

После «повториши» учитель выглядел взлохмаченным, на щеках играл румянец, белая рубаха расстегнута на пару пуговиц у горла.

– Вам понравилось? – серьезно спросил Ложкин, занимая свое место за письменным столом.

– Очень, – улыbnулась Тиса.

Блондин скривил губы:

– Чушь полнейшая!

Брови девушки взметнулись.

– И этот номер, и концерт, – продолжил учитель. Он все же пригладил волосы. – Вот этим надо заниматься, – он указал на книгу, которую Тиса не сразу заметила среди бумажного беспорядка на столе, – а я скомороха изображаю.

На обложке книги красовался необычный вензель, словно из древних писаний.

До сего дня блондин ни разу не посвящал ее в свои мысли. А сегодня отступил от правила.

– Что это за знак?

– Вязаль Гатчиты. Если мы найдем курган, то на нем будет наложена именно такая печать. Составная кацская руна. Вот эта галка означает «прикосновение», а эта завитушка, похожая на поднявшуюся кобру – «золото».

– Вы ищете перо, что камень превращает в золото, – вспомнила Тиса разговоры.

– И его тоже, – со всей серьезностью ответил блондин. – И если министерство продлит денежное обеспечение, мы его обязательно найдем.

А ведь он в самом деле верит в то, что говорит, подумала Тиса. И заражает своей верой других.

– Видите ту карту, Тиса Лазаровна, – учитель поднялся и, вертя в пальцах карандаш, указал на крестики. – Мы брали грунт с разных мест, и только в двух местах, она имела высокую долю марганцевой зыди. А Онуфрий Гатчита, как мы знаем из Вековечных свитков, умывался водой из ручья, вода в котором имела густой розовый оттенок. Это здесь, Тиса Лазаровна. В предгорье! В Вязовке! Мы перерыли половину деревни. Осталась исследовать лишь этот склон.

Учитель с силой сжал карандаш в кулаке и вдруг замолк на несколько секунд.

– О чем это я? У вас урок. Я заговорился, простите. Расскажите, что у вас с поиском? – блондин вернулся в кресло.

Тиса вздохнула. Рассказывать было почти нечего. Искала – не нашла. Точка.

– Ясно, – кивнул Ложкин, выслушав. – Все равно продолжайте пытаться. Вы знаете что-нибудь о шуйской методике мечтаний?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Возьмете в библиотеке эту брошюрку, – он быстро начеркал карандашом на бумаге название. – Номера мечтаний: 10, 55, 112. Вы должны каждый день представлять се-

бя центром мироздания. Солнцем, что освещает землю. Ваша задача – осветить каждого человека, заглянуть лучами в каждый дом. Научится не стесняться вторгаться в личную жизнь людей. Вы же не оставите кого-то без солнечного тепла, так ведь? Да-да, не смейтесь, уважаемая. Это не шутка. Вот смотрите, когда я вхожу в видение, я полностью убежден в важности и в своем праве видеть. Дар слушается тогда, когда вы подходите к нему серьезно...

Учитель сегодня говорил много и интересно. И о своем опыте, и об опыте других искунов. В итоге заставил-таки ученицу закрыть глаза и представить себя светилом. И Тиса старалась, как могла. Получалось с трудом. Все же она бестолковая ворона.

– Теперь ищите Стручкова, – заявил Климентий, беря в руки книгу с той самой кастской печатью на обложке, – Он человек и желает вашего солнечного света. Давайте. Если удобней в кресле, извольте предложить перебраться в гостиную.

Вот так с легкой руки и благого напутствия Тиса провалилась в очередное видение. Дар снова предъявил ей свой туманный лик. Тиса же честно попыталась уверить его, что она – солнце. Дар долго и ехидно смеялся над ней, разбрасывая кисейные клочья. Затем отправил – к вэйну.

***

Демьян потушил сигару. Этак она курильницей станет.

Того и гляди пристрастится. Гадость. Вэйн вдохнул морозного воздуха из форточки и сел за стол. С разворота раскрытого досье глядели девять персон – кочевые бароны, участники совета Бут-Шеро. Костер и сидящие полукругом люди. Во рту каждого второго – кальянный мундишук. Все смуглые, в ярких штанах и кожаных безрукавках, расшитых золотой тесьмой, головы прикрывают алые платки, прихваченные тяжелыми обручами, украшенными безвкусно и вычурно каменьями. Драгоценными? Скорее всего. Иначе откуда тогда пресыщенные властью взгляды? Художник весьма талантлив. Акварель, масло? Нет. Большие похоже на темперу.

Одно из лиц привлекло большее внимание Демьяна. Взгляд выхватывал строчки. «Михос Багеччу, родился в шестьдесят восьмом, в Шеро избран в девяносто втором... к власти пришел, организовав кровавую расправу над правящей семьей рода... в делах стражи г. Ольмени отмечено несчастным случаем, расследование не проводилось... несколько раз перехвачен конфискат... контрабанда оружие, мак, золото...».

Взгляд вэйна сместился ниже и заскользил по предпоследнему абзацу. «Коллекционирует старинные клинки хасской стали... Любимица среди наложниц последние три года – чернокожая ассийка по имени Забира... пятого года рождения. Среди других слабостей – азартные игры. Последние десять лет наиболее предпочитаемый вид развлечений – бои оборотней... Владелец теневого клуба «Рваная глотка».

Тиса ощутила беспокойство. Почему он читает это? И как это связано с Ричем?..

В дверях возник Мокий, и чтение прервалось.

– Демьян Тимофеевич, Грача нет. Говорят, опять в Валугу улетел. Как появится, его к вам Сечка отправит.

– Сойдет, – одобрил новость Вэйн и захлопнул папку, при этом она на миг снова полыхнула зеленым. – Мил друг, давай-ка отправь обратно эти бумажки в архив. И можешь быть свободным.

Паренек убежал выполнять задание. Следом вэйн покинул кабинет, захватив пальто. Коридоры, незнакомые Тисе лица. Хотя не все.

Роман Валентович Политов так торопился зайти в портал, что не стал останавливаться ради беседы. Лишь махнул рукой:

– Из Вэйновия прибыл нам в помощь твой давний знакомец! – подмигнул управной ССВ. – Жди гостя, Демьян.

И исчез в прямом смысле слова в арке перехода.

Хмыкнув себе под нос, колдун продолжил путь. Проходя мимо многочисленных дверей, он замедлил шаг и неуверенно остановился перед одной из них. Вывеска привлекла его внимание – «Отделъ искунов». Заходить вэйн не торопился. Так и стоял, буравя взглядом буквы и, кажется, задумался.

Тиса ощутила легкое покалывание в голове, но не придала этому значения.

– Что за изнань?.. – поморщился вэйн, касаясь виска. Он

резко обернулся, тело напряглось, а рука сжала рукоять скипа.

– Невзоров! Дем! Сколько лет, сколько зим! – навстречу шел человек в длинной синей хламиде, улыбающийся от уха до уха, хотя глаза оставались серьезными и блестящими. Парик на нем был белый и круглый, как шапка одуванчика. Пара шагов, и он сжал вэйна в объятиях. – Как я рад тебя видеть, дружище! Быстро же ты просек, опер. Знатный блок соорудил! Такой пару суток ломать, не меньше. Уважаю.

– А ты, Юлий, смотрю все также любишь втихую в головы забираться, – огрызнулся главвэй. Но Тиса ощутила, как расслабилось его тело, а ладонь отпустила рукоять скипа.

– Да ладно тебе, Невзоров! Злишься что ли? А помнишь, как мы в Вемовойском на первом потоке пирожки со столовой таскали? Без меня ты бы не знал, когда сунуться. А тетка-раздатчица любила помечтать за стойкой, ха-ха... о нашем ректоре. Кто б знал, а?!

Невнятное хмыканье в ответ. Но все же слабая улыбка появилась на губах Демьяна:

– Юлька, ты все такой же сумасшедший.

– А ты исхудал, как обглоданная кость. Здесь что у вас, не кормят что ли? – продолжил «одуванчик», оглядывая главвэйя. Глаза его неопределенного цвета имели еще одну странность – они очень редко мигали. – Иль дела замучили? Это связано как-то с видящей, что тебя прочитала?

Если до сей минуты, Тиса пыталась отстраняться от чужой беседы, то на этом моменте эти попытки с треском провалились, и сознание полностью сосредоточилось на разговоре.

– Кстати, – «одуванчик» будто что-то осознал, – хочешь сказать, она это сделала через мыло!? Через это, да? – Юлик рассмотрел связку оберегов на шее друга. – Потенциал ой-ей. Это ты по которому делу расследование вел? Но видящую, друг, надо-бы передать в Вэйновий. Сам понимаешь. Таким даром не разбрасываются.

«Куда передать?». Тиса ощутила, как поднимается внутри волнение.

– Удачно ты ее нашел, – продолжал как ни в чем не бывало тот, кто решил вершить ее судьбу без спроса. – Слушай, Дем, не смотри так, словно хочешь застолбить мне место в семейном склепе. С твоей профессией, это, знаешь ли, не смешно. Я нервничать начинаю.

– Пошли-ка, – в коридоре появились люди, и Демьян подхватил под локоть знакомого и поволок его за собой.

– Точно убьет, – охнул «одуванчик».

Тиса со злостью подумала, что это был бы неплохой выход – стукнуть по голове этого пушистого чудака, чтобы выбить из него опасные мысли. Но может быть, речь все же не о ней?

– Перестань паясничать, Юлий, – фыркнул Демьян. – Надо же понимать, о таких вещах не кричат посреди площади.

Идем в мой кабинет.

– А потом в столовую? – спросил Юлик. – А то без еды у меня мозги сохнут.

– Тот-то и видно. Как ты вообще здесь оказался?

– Прислали помогать вашим чтецам. Не справляются они. Нащупали смертный блок на каком-то то ли таможеннике, то ли почтальоне. А в головушку попасть очень надо. Вот Вэйновий и выделил самого сильного чтеца – меня, естественно, – «одуванчик» самодовольно усмехнулся. – Вон тот богатырь тебе завидует, кстати, – переключился чтец мыслей на идущих мимо служащих ССВ. – Не против с тобой силушкой помериться, самоубийца. А этот бледнолицый, вот чудила-то! Думает, что ты – князь! Представляешь, Невзоров?! Ха-ха! Или это правда? А этот лупоглазый животом мается, бедолага.

Главвэй прибавил шагу.

В кабинет они чуть ли не ворвались. Демьян ловко усадил в кресло бывшего сокурсника. Развернул кресло к себе. Оперся руками о подлокотники и какое-то время не сводил с «одуванчика» глаз.

– Ты определенно меня пугаешь, Невзоров. Станный ты какой-то, – произнес человек, который сам с натяжкой подходил под эпитет – нормальный.

– Ты не должен был читать мои мысли, – прорычал Демьян.

– Ну, прости, дружище. Не сдержался. Ты ж знаешь, это

выше меня, – покаялся бессовестный чтец. – Это из-за видящей ты так разозлился? Так радоваться надо! Отыскал алмаз в г... в глуши родимой Империи. Осталось сообщить в Вэйновий о ней.

«Не надо!» – Тиса поняла, что еще немного и ее накроет паника. Что речь идет именно о ней, сомнений не осталось.

Демьян выдохнул, будто призывая себя к терпению:

– Ты не будешь никому сообщать.

– Да? – удивился Юлик. Так и хочется выщипать его парик. – А почему?

«Ну Политов, удружил, – процедил под нос главвэй, – мог бы и предупредить по-человечески».

– Потому что не будешь, Юлик, – колдун отнял руки от подлокотников и сплел их на груди, – Эта видящая не хочет работать на Вэйновий.

– Так убеди! Ты ж умеешь!

Вэйн с досадой процедил:

– Дубеждался уже, – он запустил пятерню в волосы. – Но ты можешь и не понять... – Демьян тройку секунд раздумывал, прежде чем продолжить. – Помнишь свой долг, Юлий Аврельевич Жигаль?

Вопрос произвел странный эффект на «одуванчика». С него вдруг спала вся дурашливость, и лицо стало предельно серьезным.

– Помню, конечно. Ты спас мне жизнь. Я у тебя в долгу.

– У меня есть к тебе просьба в счет долга.

На какое-то время повисла тишина, в которой отчетливо слышался скрип кожаной обивки – Юлий ерзал в кресле.

– Конечно, – произнес чтец осторожно. – Что ты хочешь, чтобы я сделал? – похоже, он чего-то боялся.

Демьян ждал этого вопроса:

– Ты никому не расскажешь об этой видящей. Никому. Понял?

Юлий расслабил плечи и, кажется, облегченно выдохнул:

– Не продешевил ли?

– Нет.

– Занятно, – задумчиво произнес чтец. – Неравноценная же плата. Мог бы и раньше сказать, что девчонка неприкосновенна. Не пришлось бы забирать долг.

– Ничего. Так надежнее, – Демьян скривил губы. – Знаю я, как наши вэйновские «гончие» вербуют людей. Выбора они обычно не предоставляют.

На лицо «одуванчика» вернулась улыбка:

– Прости, Дем, я, должно быть, снова наболтал лишнего. Как всегда, не смог сдержаться, впечатлительный больно. Не каждый день встречаешь старого друга-однокашника, так ведь? Но за девчонку больше ни словечка – молчу как жмурик. Ой, так живот рулады выводит. Пошли-ка со мной в столовую поедим, а?

Тиса держалась за косяк двери. Ноги дрожали, будто бежала версту. Давно ее так не штормило после видения.

– Не удивительно, что вы себя неважно чувствуете, – усмехнулся учитель, убирая в сторону листы с колонками расчетов. – Три часа безотрывного видения в фазе свыкания с даром – это вам не семечки щелкать. Присядете?

Тиса покачала отрицательно головой. Три часа на диване в гостиной! Интересно, кто ее перенес с кресла на диван?

– Я уже понял, что не Стручкова вы все это время наблюдали, – продолжил блондин. – Должно быть, вопрос покажется вам из ряда личных, но, может, расскажете, кого вы видите в этих видениях?

Ответить бы сразу без заминки, не привлекая внимания, не получилось. Растерялась. Сглотнула ком в горле, прежде чем прохрипеть:

– Знакомый... давний.

– Значит, не родственник?

– Нет.

Слава Единому, на дальнейший расспрос учитель не решился. Но, кажется, он и так понял.

– Что такое мыло? – ее вопрос прозвучал тихо, но Ложкин услышал.

– Если я верно понял, вы сейчас не о мытье в бане толкуете? – блондин иронично улыбнулся. – Тогда поздравляю. Наконец-то вы начали задавать вопросы по дару.

Уж не издевается ли он над ней в отместку за то, что отвлекла от бумажек?

– Думал, не дождусь. Вы все же садитесь, в ногах правды

нет, – он подождал, пока девушка послушно доковыляла до сидения и опустилась на него. – Как известно – если есть яд, то есть и противоядие. Вот и от глаза искунов можно спрятаться, Тиса Лазаровна. Ныне известны только три способа. Первый – это синий дракон, то есть нахождение вблизи древнего. Причина, насколько слышал, – искажение эфирных полей. Потому-то в Бирюзовое плато часто стремятся попасть беглецы, имеющие проблемы с имперской стражей. Драконы их быстро находят и выдворяют, но это последних не останавливает. Второй способ еще более трудновыполним. Морская впадина посреди Зеленого моря. Подходит только для утопленников, как понимаете. Ну, а третий, самый удачный – разработка нашего славного вэйноцеха, называется коротко мыло. На вид – безделушка какая-нибудь, но со сложным накладом. Объекту достаточно иметь при себе ее, и все – у искунов сплошная муть вместо видения. Я удовлетворил ваше любопытство?

Тиса кивнула. Разговор из видения стал теперь более понятен и оттого не менее тревожащим. Только этого ей не хватало. Сильного дара, который всем вэйноцехам назло видит через всякие защитные штуки. Боже! А ведь ее чуть удар не хватил во время видения. Ни на какой Вэйновий она работать, естественно, не желает. И слава Единому, Демьян нашел средство разубедить своего упрямого друга докладывать о ней. Хоть это ему и стоило долга. Тиса вдруг осознала, что, несмотря на ее нелестное отношение к вэйну, она искренне

благодарна ему за вмешательство. Почему он это сделал?

После памятного рассказа Демьяна о своем детстве, она ясно представляла, на что способен Вэйновий, дабы затянуть талантливую фигуру на свое поле. Страшно даже подумать, что бы она делала, завялись такие люди под ее крышу с предложением работы. И как бы перекроили ее жизнь, чтобы вытрясти нужное согласие. Слава Единому, на сей раз ее миновала подобная участь. Но на будущее надо быть теперь тройне осторожной, рассказывая что-либо о своем даре.

Тиса поняла, что уже пятнадцать минут вполуха слушает учителя, рассуждающего о действии мыла и иже с ним. И лишь одна фраза заставила девушку прислушаться. Она не касалась вэйновской разработки, но оказалась насущней некуда.

– Имею обязательство напомнить, – произнес блондин, – что на следующей неделе вам надлежит появиться в учетном отделе и внести оплату, если не передумали продолжать заниматься.

Глава 10 – Шиповник, половник и табор кочевников

Оставив Увлеченный клуб его завсегдатаям, Тиса зашла в библиотеку за тощей брошюрой по шуйским мечтаниям, затем направилась в Оранский Храм. В предсотворенскую неделю обитель Единого оказалась особенно многолюдна. Ярче обычного сияло центровое паникадило. Люди просили Единого отпустить им грехи, принимали святое прощенное помазание, молились пятерым святым Лее, Косинице, Жнуху, Небелу и Вэе, искали лишнее местечко для свечей, целовали образа. Тиса вошла в молитву, как в живой родник, ощущая, как постепенно душа омывается от тревоги и смятения. Елейная звезда коснулась ее лба, словно поцелуй Единого. Теперь на какое-то, жаль, недолгое время душа обретет долгожданное умиротворение, прежде чем снова отяготится.

Тиса отступила от святого батюшки.

Глаз привлек балкончик с золотыми балясинами, к которой вела винтовая лестница. На балкончике толпились люди, они любовались той самой странной фреской с недописанной человеческой фигурой по центру. Любопытно было бы как-нибудь тоже туда подняться, оглядеть убранство храма с высоты. А если подняться выше по лестнице, можно, оказывается, попасть на ту смотровую площадку колокольни, что

тоже интересно.

Тиса покинула храм с надеждой, что ее молитвы были услышаны.

У внешнего притвора храма все также протягивали руки просящие милостыню. Девушка достала кошель, и раздала по монетке.

– Да благословит вас Единый, – поклонилась старушка, спрятав монетку в подол.

Последним оказался знакомый мужичок с дырявым одеялом на плечах. Он принял копейку будто с опаской. Блеснул диким взглядом из-под ниспадающих седых пасм.

Тиса хотела пройти дальше, но нищий вдруг схватил ее за руку и заголосил:

– Беги! Глина душит! Камни кусают!

Старушка схватила крикуна за руку и оттащила его от Тисы:

– Оставь барышню, Митрофаныч. Слышь, родимый? Простите, сударыня. Он блаженный. Не ведает, что бает.

Тиса кивнула, с жалостью глядя на нищего. Боже, помоги несчастному.

Стоило покинуть храм, как вскоре мысли снова вернулись к насущным приземленным вопросам. Ничего, с Божьей помощью, как говорится. Уже спустя четверть часа Тиса добралась до базара с причитающимися ему сутолокой и гомоном. У столбовых ворот на ярмарку кричал глашатай – малорос-

лый мужичок, сам – не пойми в чем душа держится, а горластый.

– Самовары Егорьевские, чистейшей латуни! Торопись в самоварную лавку! Утки знатные с вечера щипанные – бери у Ильи Опричкина! Кому сапоги подбить надоть? Иди к Илюшке мастеру, подобьет, как лошадь подкует! Кому работа нужна? Потягай мешок, получи серебра кругляшек!

Тиса купила корзину у плетельщика и, набравшись терпения, прошла по базарным рядам, заправляясь снедью на ближайшие дни. Эх, где ее Камилла? У прилавка с травами девушка остановилась, рассматривая бутылки с настоями.

– Чего желает, сударыня? – тут же подхватила бойкого вида травница, выкладывая на прилавок пучок горицвета.

– Ничего, спасибо, – покачала головой Тиса. – Хотя... Скажите, вам не нужна работница? Сортировщица? Я знаю травы и умею складывать сборы, готовить мази и настои.

– Нет, чужих не держим, сами справляемся, – отмахнулась травница и тут же потеряла к Тисе интерес: отвлеклась на новую покупательницу.

– Мне бы что-нибудь от шума в голове, – потеряв висок, попросила пожилая женщина. – Такой перезвон второй день в ушах, что себя еле слышу.

– Вот возьмите целебный настой багульника с горной левзеи, – травница протянула бутылку. – Будете пить по ложке натошак в течение месяца, и голова ваша пройдет.

– И почему он?

– Всего за рубль.

Тиса чуть не поперхнулась. И за что такие деньги просят?

– В нем нет левзеи, – не сдержалась она. – Если бы была, то настойка имела бы красновато-коричневый оттенок, а он у вас бледно-медовый. Бесплезно пить багульник без левзеи при таком недуге.

– Да кто вам сказал, что он красный-то должен быть?! – подбоченилась травница.

– Не голоси, Варвара, – услышала Тиса женский голос за своей спиной. – Девушка знает, что говорит.

Войнова обернулась. За нее заступилась женщина лет пятидесяти. Довольно стройная и, судя по дорогой расшитой накидке – богатая. Голову ее украшал толстый шарф, завязанный на шуйский манер. В руках женщина держала большую сумку с костяными ручками.

– Сударыня Агата Федоровна! – спохватилась травница, засияв улыбкой. – Как я рада вас видеть! Вы ко мне снова за травками? Сейчас, – мгновенно забыв о пожилой покупательнице и Тисе, она принялась копать в закромах под прилавком. – Я вам покажу самое лучшее, что у меня есть.

С легкой руки травницы на прилавке действительно стали появляться качественного вида травы.

Тиса собиралась уже отойти, но та, которую назвали Агатой Федоровной, заговорила с ней.

– Простите, милая девушка, я случайно услышала ваш разговор, – женщина улыбнулась, и лучи морщинок потяну-

лись от уголков ее глаз к вискам. – Сразу видно, вы разбираетесь в траволечении. А мне сейчас так нужна толковая помощница. Святопятичные недели на носу, боюсь не успеем. Оплатой не обижу. Надеюсь, мое предложение для вас не оскорбительно? Но я не могла не спросить.

– Вы меня ничуть не оскорбили, наоборот, – Тиса обрадовалась неожиданной удаче. Вот уж действительно, как в поговорке – «бедный: «ох», а за бедным – Бог».

– Моя племянница с великим удовольствием вам подсобит! – встряла в разговор травница. – Такой почтенной вэйны нельзя не помочь. Райка моя все травки знает. Лучшей помощницы вам не сыскать!

– Видела я твою Райку. Уж не она ли левзею в настой не доложила? – проворчала Агата Федоровна, отводя под локоток девушку от лавки. – Так что скажете?

Улыбка Тисы успела поблекнуть:

– Вы – вэйна?

– Да, – кивнула колдунья и шутливо прошептала. – Но уверяю вас, в моем доме вы не найдете ни мрачных жертвенных камней, ни сушеных летучих мышей.

– Простите, – протянула Тиса, – я не уверена.

– Очень жаль, – огорченно вздохнула вэйна. – Но, если надумаете, приходите ко мне в лавку. Боровая улица, дом девятый.

Еще и улица центральная. Не место – мечта в ее нынешнем денежном положении. Вот только работа у вэйны – не

лучшая идея, когда пытаешься забыть колдуна. Пообещав вэйне подумать над ее предложением, девушка мысленно за-реклаась ходить туда.

Нет, она уже не считала всех вэйнов исчадиями изнанки, но только зачем сводить тесные знакомства с колдунами, когда есть возможность их избежать. А работа и другая найдется. И, кажется, она знала к кому можно обратиться.

У столбовых ворот глашатай все также продолжал свою нехитрое дело – выкрикивать объявления. На сей раз зазывал в медовую лавку к Грунечке.

– Чего вам, барышня? Заинтересовались медком? – поклонился крикун Тисе. – Я вам покажу, как добраться.

– Нет-нет. Я по другому поводу. Мне нужна работа. Может быть, вы знаете?

Глашатай окинул девушку взглядом знатока.

– Вам абы какая не пойдет, – цокнул он языком. – Разве что, вот, пять рублей в неделю, надобна «гувернера» к Коробочкиным. Девчушка у них малая, присмотр нужон, да грамоте учить дитяти хотят.

– А сколько лет?

– Шестой пошел.

Тиса вынула из кошель монетку и протянула глашатаю. Тот ловко запрятал ее за пазуху:

– Моховая, десять, – выдал мужичок адрес. – Только, барышня, вы к ним завтра к семи успеете. Всех смотреть будут.

– А многим адрес-то дал?

– Пятерым. Но вы лучше других будете, сударыня. Ей богу, не вру. Чутье у меня знаете какое?

«Успею обязательно», – пообещала сама себе Тиса.

Теперь можно и домой. Хоть последнее слово и мало подходит к ее очередному временному жилищу.

На обратном пути не удержалась и снова залюбовалась видом с моста. Сонная ледяная река, протягивающие к ней свои ветви перелески и мелкий редкий снег, покрывающий долину. На горизонте – призрачный силуэт горы Ори. И обманное ощущение – будто мост, на котором она стоит – последний рубеж человеческого присутствия, впереди же – первозданные земли матушки-природы, без единой души на сотни верст.

По возвращению Тису ожидала запертая калитка. Войнова дернула за ручку-скобу еще раз. Бесплезно. Закрыта на засов. В дверной щелке мелькнула знакомая вязаная шапка.

– Устин! – позвала Тиса. – Пожалуйста, открой мне калитку!

Сдавленный смешок в ответ, и снежный хруст быстро удаляющихся шагов. Вот, мелкий разбойник! Сбежал.

За раздумьем, что предпринять, чуть не упустила появление во дворе новой персоны. Незнакомый ей мужчина, могучего телосложения с угрюмым выражением на помятом красном лице. Одет не по погоде легко – штаны да майка с кожаной безрукавкой. Он потоптался перед калиткой и направился к крыльцу – вразвалочку и, почесывая ягодицу пя-

терней. И это при том, что она ему почти кричала вдогонку, требуя впустить страждущую, уже порядком продрогшую себя. Да что же это такое?

В возмущении Тиса не сразу заметила маленькую старушку, семенящую к ней по протоптанной в снегу тропинке от соседского дома, того, что слева. Лицо морщинистое, с острыми чертами, платочком пуховым обрамленное.

– Вы никак новая жилица Альки? – приблизившись, бегом и охотно заговорила бабуля, шамкая и окая так, что девушка не сразу стала разбирать слова. – Тарасу-то кричать впустую. Он у ней глухой, что косач. Иль не знали? Отставной моряк. Служил исправно, покамест не застудился ушами. Алька, коли не врет, говорила, собирались звание дать. Вместо этого наперед срока в семью списали. Вот Алька теперь с ним и мается второй год как. А он, остолоп, и горазд на шее жены-то сидеть. Пьет да спит, пьет да спит трутень.

Продолжая говорить, соседка привычным движением сломала прутик у растущей рядом осинки, порядком общипанной, оно теперь и понятно, почему.

– Устька, как Мирон помер, так совсем от рук отбился. Выстегать бы энтой хворостиной, как Сидорову козу! Балует его Алька. Ох, испортит дитяти. Девчонка их, Натка, как матери дома нет, так с дому бежит. Ох, чую, ничего с этих детей путного не вырастет, помяните мое слово.

Старушка просунула в дверную щель прутик и с видом заправского взломщика с первой попытки поддела крючок.

Калитка распахнулась. Тиса искренне поблагодарила за помощь женщину. Но зайти ей не дали. Бабуля всерьез вознамерилась поделиться всем, что знала.

После Кадушкиных наступила очередь других соседей.

– Голиковы, как Вениамин лавку-то скорняжную открыл, вовсе возгордились, гуси чванливые, ни с кем знаться не желают. А все от того, что Матрена там генеральшей ходит, – о соседях справа. – Соломины подались на Фроловскую каменоломню, думают золотые горы заработают, так дом брошенным и стоит, раз в неделю наведывается родственник дальний, седьмая вода на киселе, стены протопить, – о соседях через дорогу. – Строевы яйцами торгуют на базаре, рады без памяти, что дочь замуж выдали. Засиделась их Лашка в девках...

Тиса слушала, уважительно качала головой, отступая потихоньку во двор. Но у старушки-невелички оказалась крепкая хватка матерой кумушки. И, когда с Прасковьи Никифоровны, так звали охочую до пересудов соседку, посыпались вопросы, Тиса мысленно взывала. «Откуда приехала? Почему одна? Замужем али нет? И чего в Оранск подалась? Сколько за постой Алька «дерет»? Увиливать от ответов становилось все сложнее, а ноги в ботинках совсем околели. На очередном вопросе терпение Войновой помахало белой рученькой:

– Алька сказала, вас бывшие хозяева выгнали из дому, – сощурила мутные глазки Никифоровна. – А чегой-то они?

Ну, Алевтина Борисовна, ну спасибо! Теперь вся улица

судачить будет. Что ж, пусть.

– Хозяйскому дракону голову оторвала, – широко улыбнулась в ответ Тиса и успела-таки закрыть калитку перед разинувшей рот соседкой. Чуть нос ее длинный не прищипала.

Радуюсь флигелю и возможности при желании закрыться в нем на ключ, Тиса следующие часы посвятила самому насущному в мире делу – приготовлению еды, а затем поеданию оной с большим аппетитом. Последний был изрядно нагулян на свежем воздухе. Мысли крутились в голове положительные. Завтра суббота и очередной разговор с Ганной, что не могло не радовать. Хотя она и так ежедневно находит минутку, чтобы наблюдать за отцом и подругами посредством дара, но ведь намного приятней, когда подруга обращается напрямую к тебе, зная, что ты ее слышишь. И хорошо, что разговор вечером. Утром она намеревалась устроиться на работу гувернанткой. Справится ли? Тиса была почему-то уверена, что да. Единственное волнение, которое оставалось с ней постоянно, касалось Рича. Демьян не зря просматривал папки о Бут-Шеро. Этот вэйн ничего не делает просто так. Значит ли это, что от баронов может исходить угроза Ричу? Желание увидеть ребенка пересилило усталость, и Тиса, расположившись на кровати, окунулась в поиск. Как же приятно, когда дар беспрекословно слушается.

Первым делом она увидела доску в клетку. Шахматную

из розово-черного мрамора. Агап перетащил красивую ко-
стяную фигурку дракона на черную клетку:

– Змий может ходить в любую сторону, – произнес ста-
рик.

– Потому что летает? – хихикнул Рич.

– Догадливый, – старик улыбнулся в бороду.

Они изучали шахматы в роскошной гостиной, в доме взй-
на. Не знала, что Агап умеет играть в игру, мало распро-
страненную среди простого люда. Правила читала в книге,
но играть не умела. Зато с удовольствием сейчас слушала
игроков и отдыхала душой. Как же далеко они сейчас от
нее, и как она благодарна дару, что имеет возможность по-
чувствовать себя рядом с близкими. Поистине, она была не
права, когда желала отделаться от видений.

– Демьян! – воскликнул мальчишка, когда на пороге ком-
наты замерцала арка портала. И Тиса никак не ожидала,
что в следующую секунду сорвется с места, чтобы побе-
жать навстречу колдуну. Еще секунда и она обняла взйна...
хм, в районе талии. Уткнулась на миг в грудь Демьяна но-
сом. Единый! Ты, верно, испытываешь меня?! Она уже го-
това была покинуть видение, но Рич резко отстранился. И
то, что он сказал, заставило ее немного повременить.

– Я решил, – сказал мальчик серьезно. – Отвезешь зав-
тра?

– Конечно, я же обещал, – улыбнулся Демьян. Серые глаза

смотрели так тепло. До боли знакомо. И не известно, что бы с ней было, не отведи он взгляд на старика. Нет, так больше рисковать нельзя.

– Если выдвинемся с утра, то к трем уже будем на месте, – сказал вэйн.

Старик кивнул. Она догадывалась, что сейчас творится на душе лекаря. То же, что и у нее.

– Да, так будет правильно, – поддержал Аган, сдержав вздох.

– Откуда будет портал? – радостно спросил Рич. – А мы войдем все вместе?

Мальчишка взял за руку вэйна.

«Довольно». На этом Тиса оборвала видение.

Шаги мерили комнату вдоль и поперек. К груди прижат трактат – надежный якорь, который из раза в раз удерживал ее от необдуманных поступков. Чтобы заглушить вопль сердца, Тиса вслух повторяла строки философа о пагубности лжи. Да что это с ней! Он лгал, он приворожил, он – из другого мира! Будущий князь – не пара тебе! Постепенно буря в душе, вызванная видением, улеглась, сердце подчинилось разуму. До весны. Всего лишь подождать до весны, и она избавится от этих мук.

Придя в себя, Тиса отложила трактат на столик и села на стул. Завтра в три, нужно обязательно изыскать время для видения, чтобы увидеть прибытие Рича в родной табор. До-

говориться о свободном получасе с Коробочкиными, если ей повезет, конечно, и она устроится на работу.

С улицы послышался звонкий смех детворы, и Тиса подошла к окну. У дороги ребята играли в снежки: румяные, веселые, шумные. И Войнова невольно улыбнулась. Признав в одном из играющих Устина, покачала головой. Вот ведь постреленок, специально ей не открыл калитку сегодня. Но зла на ребенка не держала совершенно.

Кто же предполагал, что уже следующим утром она готова будет надрать мальчишке уши со всем усердием.

***

И ведь встала она спозаранку. Сон без видений придал силы телу и духу. Мурлыча под нос гимн Лароссии, девушка со всей тщательностью собралась, чтобы отправиться на смотрины гувернанток на Моховую. Надела пальто, фетровую шляпку с меховой оторочкой, повязала пуховую косынку на шею, улыбнулась зеркалу. Готова! Подошла к двери и... выйти не получилось. И что-то ей это ситуация напоминала.

– Устин, открой, пожалуйста!

Догадалась верно – за дверью послышался топоток.

– Хватит баловаться. Устин! Мне нужно уходить срочно. Слышишь?

Тишина в ответ.

– Вот негодник этакий. Открой сейчас же! – Тиса терзала

ручку двери, тройку раз приложилась плечом, только головой не пробовала. Дверь что-то подпирало снаружи. А время нещадно утекало.

– Ну, попадешься ты мне, – рыкнула девушка и понеслась по дому. Ха! Пусть дверь закрыта, но есть же окна! В кухне – маленькое, не подойдет. Зато в комнате с видом на палисад достаточного размера, чтобы через него наружу выбрался взрослый человек. Тиса прощупала раму. Закрыта. Пока.

Стало жарко, и девушка скинула с себя всю теплую теплую одежду на кровать. Затем залезла на подоконник. Так и есть, рама закрыта снаружи на деревянную вертушку в самом низу. Ничего. Распахнув форточку, Тиса просунула в нее сначала руку, затем плечо и голову. Не дотянулась. Убежала на кухню и вернулась с половником. Им-то точно достанет. Задвижка-вертушка поддавалась далеко не сразу. Но уж когда это случилось, рама отворилась неожиданно легко, и Тиса, не успев от форточки отцепиться, поехала вместе с ней наружу.

– Ай! – все же ей сегодня не везет. Она повисла на окне, касаясь ногами куста шиповника, что так «удачно» рос под окном.

Приземляться в колючки совсем не хотелось.

Потуги – достать ногой подоконник или сдвинуться как-то в сторону – с первого раза не увенчались успехом. А второго не представилось – форточка слетела с петель. И девушка со смачным «ух» рухнула-таки в куст. В нем и заста-

ла Тису Никифоровна, которая сгорая от любопытства (что же за странные звуки доносятся с соседского палисада?), не поленилась поставить у забора табурету и залезть на нее для удобного обозрения. Картина ей представилась знатная. Новая жилища с разодранным подолом сидела в кусте шиповника, держа в одной руке половник, другой обнимая форточку.

– А чегой-то вы тут делаете?

– Решила прогуляться, – буркнула в расстроенных чувствах Тиса. Выбираясь из куста, она потеряла в сражении с последним половиною подола и ощутимую часть чулков.

Раны тоже имелись – в виде царапин. Ну да ладно, смажет перед сном заживляющей мазью Агапа. Естественно, по дороге к крыльцу Устин ей не попался. А попался бы, точно бы без ушей остался. Дверь флигеля уже ничего не подпирало, а у порога лежала длинная кочерга – орудие преступления. Тиса подняла ее и сбросила за перила крыльца. Разбираться нет времени. Возможно, ей повезет, и Коробочкины начнут смотрины позже.

***

Невезение продолжилось. Ее надеждам не суждено было оправдаться. Когда Тиса прибыла к нужному дому, купеческому и большому, к ней вышел служка, сказал: мол так и так, гувернантку баре уж наняли, место занято, прощевайте.

Обидно, конечно, но поделать нечего.

Не желая сдаваться, Тиса прошлась по улицам, высматри-

вая аптеки. В одной маленькой на Ростовской работал отец с сыном и помощники им не требовались. В другой не желали брать приезжих работников. Осмелев от отчаяния, девушка даже решилась заглянуть во Фрол-аптеку, что на Боровой. На ее вопрос, вышколенный аптекарь в хрустяще-белом переднике смерил ее взглядом с ног до головы и отрицательно покачал головой. Ну и к лучшему. Все равно она не смогла бы придать себе напыщенный вид, как у этого молодца. Это же надо продавать обычную мелиссу в коробочке, обшитой золотистыми кружевами, будто это диво дивное!

Оказавшись снова на улице, Тиса закусила губу, раздумывая, куда бы дальше податься. Запахи трав разбудили в ней желание заняться любимым делом. Теперь, даже освободись вдруг место гувернантки, оно уже не привлекло бы ее так, как ранее. Тиса вздохнула, глядя в конец улицы. Аптека вэйнны, судя по номерам на табличках домов, должна располагаться кварталом или двумя ниже. Она сделала пару шагов в ту сторону и на этом ограничилась. Повернула домой.

Рич, и его прибытие в табор – волновали ее сейчас сильнее прочего.

***

Поляна, которую занимал табор, выглядела пестро и казалась полной беспорядка и суеты. Кибитки, крытые лоскутными пологам, черные кострища на истоптанном

грязном снегу, паутина веревок с вывешенными на сушку белым и цветастыми сценическими костюмами. Всюду разбросана разнообразная утварь, будь то котелок или детский ночной горшок. Все на виду и все в ходу. Народ громко перекликивался на своем языке. Дети шныряли под ногами у взрослых, то и дело, получая подзатыльники от последних.

Незнакомцев заметили сразу и обступили. Узнав «Рыча» – так горланно произносили они имя ребенка – загалдели хором.

Мальчишка сорвался с места и побежал к одной из кибинок.

И уже спустя пять минут, Тиса глазами деда Агана наблюдала сцену возвращения блудного дитя в лоно семьи. Мать, немолодая женщина, приятная лицом, с длинной и толстой черной косой, появилась с младенцем на руках. И Рич со слезами прилип к ее подолу. Материнская рука гладила вихры мальчишки. Смуглокожие взрослые сестры хватили Рича за руки, умиленно щипали его щеки. Отец – сухопарый мужчина лет пятидесяти с пышной смоляной шевелюрой – сверкал желтозубой улыбкой. Рамил Саялэ, так его звали, то и дело щупал здоровое колено сына и цокал довольно языком. Хоть речь оставалась Тисе незнакомой, но понять о чем она, не составило труда. Все удивлялись, что мальчишка выздоровел. Конечно. Видать, не верили в счастливое исцеление, которое предрекла их пророчица, и успели уже позабыть об «отрезанном ломте».

Рич указал на своих спутников, и что-то принялся рассказывать. Тиса в который раз пожалела, что не знает языка. Толпа снова зашумела.

Отец Рича поднялся с корточек:

– Сын сказал, что вы приютили его и вылечили, – произнес он почти без акцента. Оглядев без особого интереса Агапа, кочевник оцупал пытливым взглядом вэйна. – Семья Саялэ благодарит вас.

– Благодарить не нужно. Рад, что смог помочь хорошему человеку, – ответ Демьяна показался Тисе малость высокопарным, но кочевники восприняли ее весьма одобрительно.

– Хочу пригласить вас разделить с нами ужин.

– С удовольствием.

И вся компания вскоре оказалась у костра. Гостям было предложено местное кислотоватое вино и жареная козлятина. То и дело пришедшим сыпались благодарности от других членов семьи. Агап Фомич лишь кланялся в ответ и в последующем остался мало заметен местному обществу. Зато вэйном интересовались практически каждый. Мужчины кидали любопытно-опасливые взгляды. Молодухи откровенно строили колдуну черные очи. Понятно дело. Их сиятельство будущий князь Невзоров даже не потрудились спрятать с глаз любопытных скип. «Внимания захотелось?» – едко подумала Тиса, отмечая в толпе ослепительную красоту. Полногубую, с гривой смоляных волос и широкими бедрами, обвешанными звенящими медными монетами. Та-

кие же монисты лежали ярусами на высокой пышной груди, и даже свисали парой низок с изящных ушек. Не девица, а наряженный пятилапник в Сотворение!

Среди прочих, она находила причину крутиться возле колдуна, толкая соратниц локтями. Девушки всеми силами пытались угодить. То изюму в соусе «хану» предложат блюдечко, то подушку помягче под спинку барскую, то шкуру в ноженьки постелят. Как же без шкурки-то их сиятельства? Без шкурки-то никак. Озябнут они. И Демьян-то хорош после вина. Сыплет всем «благодарю» направо-налево, денежкой «ручки золотит». Сама вальяжность и благосклонность.

Благо, Рамил, как глава табора Рупув, цыкнул на эженщин, веля не докучать дорогим гостям. Из-за их суеты Рича не слышно.

Мальчишка рассказывал о своей жизни в Уwege родне. Взамен узнал, что произошло в таборе за то время, пока его не было. У него родился братик, которого назвали Ваха. Родила близнецов одна из сестер. Хоть это не было сказано, но из разговора Тиса вывела, что дела у артистов идут неважно. До зимы представления не приносили больших доходов, теперь же уповают на Сотворение. Вот уж когда можно получить за выступление знатный барыш. На вопрос – почему за ним не возвращались? – Рич выслушал много ответов, в которые с радостью поверил. Какая разница? Сей-

час же все хорошо. Рамил, будто еще не веря, что сын здесь, спросил что-то его на своем языке:

– Вы о том, может ли он оборачиваться в медведя? – встрял в разговор Демьян, не боясь показаться нетактичным. – Не беспокойтесь, способность полностью восстановлена.

– Господин вэйн знает наш язык? – вздернул широкие брови Саялэ, при этом метнув предупреждающий взгляд соплеменникам, чтобы остереглись болтать лишнего. Не все нужно знать чужаку.

– Только общие фразы. Учил, когда ездил в Савойские пустоши. А Рич помог вспомнить, – Демьян улыбнулся мальчишке.

– Приятно вдвойне принимать такого гостя в нашем скромном кругу.

– Взаимно.

Рамил взял за плечи сына:

– Покажи мне медведя, Рыч.

– Сейчас! – ребенок со смешком отбежал к костру. Как по команде смолкли все разговоры, глаза каждого на поляне были прикованы к смуглому мальчишке. Один миг, и на фоне пламени поднялась фигура огромного бурого медведя. Зверь опустился на четыре лапы, пробежался пару раз вокруг костра, разок рыкнул, лязгнул внушительными когтями. Затем кувыркнулся, довольно высунув розовый язык.

Тиса мысленно улыбнулась.

Рич вернулся в человеческий облик под крики и хлопки в ладоши окружающих. Рамил глядел на сына так, словно только сейчас понял, что он вернулся. Глаза блестели, отражая огонь костра. Он потрепал по шее ребенка и громко рассмеялся.

Точно уловив настроение главы, резво запели скрипки, выводя бойкую мелодию. И табор запел, заплясал. Та самая красotka, что не сводила с вэйна глаз, танцевала с особой страстью. Юбки в ее руках ожили и уподобились пламени. Бедра и грудь колыхались в такт музыке. Она изгибалась, как змея, и скакала, как лань. Боже, дай терпения. Слава Единому, Агап решил побеседовать с Ричем.

– Вот бабуля удивится, когда вернется!

– А где твоя бабушка? – Агап улыбался.

– Гадать к кому-то ушла.

Краем не своего глаза Тиса заметила, как Демьян уже не смотрит на танцующих! А, наклонившись к Рамилу, что-то говорит тому на ухо. Что-то малоприятное, судя по кислому выражению лица Саялэ. Повинуясь внутреннему голосу Тиса захотела услышать разговор. Она даже не поняла, как у нее это вышло. Но мир мгновенно растаял в тумане, затем снова появился, но теперь она смотрела на него не старческими подслеповатыми глазами, а глазами вэйна, и вблизи.

– Рич пришел к вам по доброй воле. Я рассчитываю, что она останется при нем.

– Что имеете ввиду? – бросил раздраженно Саялэ.

– Думаю, вы меня отлично поняли, Рамил Заратович. Никакого принуждения силой.

– Он мой сын! Я могу поступать с ним, как захочу, – грубо ответил глава.

– Нет, – Демьян с самой доброжелательной улыбкой покачал головой. – Вы потеряли это право, когда выбросили раненого пацана, на улицу, как щенка.

Рамил поджал нижней губу, мрачняя. Ему не нравился разговор.

– Вы можете только уговорить его, Рамил. Бог в помощь. Но применять силу или наклад подчинения, или тем более мак, я вам не советую.

– Хорошо, – после паузы хрипло произнес отец, жуя обветренные губы.

– Рад, что мы договорились. Пусть ребенок и дальше радуется теплу семейного очага, – Демьян качнул головой. – Заметил, что в вашем таборе только одна кибитка с теплонакладом, – легко сменил колдун тему. – Этот я подпитаю. И завтра вам принесут кварцы для остальных кибиток. Если что-то нужно, говорите. Я постараюсь помочь.

– Спасибо, Демьян Тимофеевич, – сощурил глаза Рамил. – Просьбы у нас есть.

Следующие десять минут, Тиса выслушивала, какие нужды имеет табор – это нехватка лекарств, одежды, повозок и лошадей. И удивительное дело, колдун согласился купить

все необходимое без препирательств.

Рамил заметно повеселел. Напоследок вэйну принесли кварц, и он подпитал наклад, вливая поток света из скипа в белый, как лунь, камень. Колдун поднялся, чтобы отдать кварц владельцу, но его остановила та самая красotka. Нет, ну разве можно так бесстыдно липнуть к мужчине?!

Тису затошило, когда Лаиша, так звали кочевницу, прожгла ее призывным знойным взглядом.

– Барин, верно, устал? – она погладила колдуна по плечу. – Не желает ли отдохнуть перед дальней дорогой? – и указала на стоящую поодаль повозку.

Только теперь Тиса осознала, в какую ловушку себя загнала по собственной воле. Сбросить видение у нее, конечно, не получилось. А женская рука уж принялась выписывать круг на груди колдуна. Боже!

– Сон в моей кибитке самый сладкий, – горячо прошептала смуглянка на ухо вэйну.

Демьян сощурил глаза и кивнул:

– Не сомневаюсь. Но я предпочитаю горечь бессонницы, барышня, – и всучил девице свою ношу. – Держи. Передай, кому надлежит.

Лаиша растерянно уставилась на белый камень в своих руках. Вэйн же не стал дожидаться ответа и, обойдя обольстительницу, направился к лекарю и юному оборотню.

Сцена прощания была короткой, короче, чем Тисе хотелось бы.

– Я уже говорил, Рич, коли только захочешь, то всегда можешь вернуться к нам, – Аган пожал старческой рукой ладошку юного оборотня. – Тиса будет очень рада, если ты наведишь нас когда-нибудь, – подмигнул старик.

– Передайте Тисе Лазаровне, я погощу дома до весны и приеду к вам, – пообещал мальчик. – И стану лекарем, как вы!

– Ну-ну, ну-ну, – старик не верил словам. И видящая понимала почему. Желания юности изменчивы как песок в дюнах. Это старость не изменяет привычкам. – Не торопись, малец. Живи, расти большой и радуйся. А мы с Тисой подождем. Если что, обращайся к Демьяну, как условились.

– Я приеду к тебе в четверг, – пообещал мальчишке эйн и подмигнул. – Твой отец решил обновить повозки и купить лошадей. Поможем ему выбрать?

Твердое «да!» в ответ, и мужское по-взрослому рукопожатие.

Тиса водила рукой по гобелену, висящему над кроватью. Незамысловатый рисунок оленей на водопое у лесного озера поглотил сумрак. Накатившая после долгого видения дурнота отступала неохотно. Спустя полчаса девушка все же поднялась, зажгла свечу и на нетвердых ногах отправилась в кухню напиться воды. Слабость – пустяк, скоро пройдет.

Плохо, что через час ее ждет говор с Ганной, а она квелиая, как ковыль. С жестяной кружкой в руке Тиса вернулась в комнату и выглянула в окно. Стемнело рано. Небеса уж наблюдали за землей бледным лунным оком. Знакомый шиповник разлегся в тени заборчика, растопырил как паук колючие лапы. За замеченной снегом дорогой дома перемигивались светом в окнах. Лишь один дом слепо чернел. Тот, который бросили хозяева, чтобы найти удачу на каменоломнях богача Фролова. Тиса смотрела в черноту покинутого жилища и размышляла. О Риче и его поспешном обещании, об Агапе, который вскоре вернется в Увэг в одиночестве, о Демьяне и его разговоре с Рамилом и с той самой кочевницей. О том, как изобретательна судьба, когда расставляет ловушки.

Через час Войнова еще чувствовала себя не совсем здоровой, но от видения отказываться не стала.

Ганна вновь предстала перед ней в зеркале. И ее радостная улыбка стала наградой в завершении тяжелого дня.

– Спасибо, конечно, дорогая, но зачем ты это сделала? – воскликнула Ганна, когда часы показали восемь. – Деньги потешника тебе нужны не меньше, чем нам! И все же я очень благодарна. Обещаю, что потрачу на то, чтобы отправить Луку в семинарию, как ты и просила. Не представляешь, как Лукашка был рад, когда я ему объявила радостную новость. Он тут, и сейчас скажет тебе сам. Иди, да-

вай, сюда, – подруга повернула голову, и Тиса увидела сына Ганны. Подросток, кажется, еще больше вытянулся за те неполных два месяца, как она покинула Увег.

– Тетя Тиса, спасибо большое, – розовея ушами, смущенно произнес юнец.

Видящая мысленно улыбнулась.

Под строгим взглядом матери, Лука выжал из себя еще пару благодарственных слов и затем утек из комнаты, как карась из дырявой сети.

– Жди от этих балбесов благодарности до седин в волосах, – фыркнула Ганна.

Далее понеслись последние новости Увега. Тиса узнала, что отец пару дней назад закупил в часть лошадей. Что семья Кошкиных живет, не тужит. А малыши растут не по дням, а по часам.

– Марика же совсем от рук отбилась, – причитала Ганна, – бегаёт на свидания к колдуну и грезит о тайном с ним венчании. Мы совершенно ничего не можем с ней сделать. Была бы она моей сестрой, я бы просто заперла бы дуреху в своей комнате. Но Настасья Никитична слишком с ней мягка. Как бы это худом не вылилось. И вот еще что, Тиса. Раз заговорили о колдунах, то я должна сказать, что мне пришло письмо от твоего вэйна. Не пугайся. Всего несколько строк, и ничего дурного. Вот смотри.

Тиса, которая успела за полчаса видения Ганны разомлеть, снова взволновалась. Боже, куда же можно от это-

го война деться?

Знакомый летящий почерк по белому листу появился перед глазами с легкой руки подруги.

«Тиса, прости, что данным письмом вновь смею напомнить о себе,

ты верно уже сама знаешь, но и я обязан сообщить. Рич и Агап Фомич изъявили желание отправиться в табор и выбрали меня в провожатые. Знаю, что мое согласие помочь усугубило и так твое не самое лестное представление о моей персоне. Но Агап объяснил причину спешки – ребенок собирался сам отправиться на поиски табора, а этого старик допустить не мог. Прости, теперь я косвенно повинен и в отъезде Рича. Знаю, что значит расставание с дорогим сердцу человеком, посему не жду прощения. Склоняю низко голову и доношу, третьего дня мы благополучно достигли Крассбурга и вскорости собираемся прибыть в мое загородное поместье, где и пробудем до тех пор, пока Рич не решит двигаться дальше. Не волнуйся, с ними все будет хорошо. Обещаю. Я сделаю все от меня зависящее для благополучия Рича.

С мыслями о весне, Д.Н.

Постскриптум: Отправляю это письмо Ганне Харитоновне с тайной надеждою, что оно найдет истинного адресата быстрее, нежели, если бы было направлено по адресу пограничной части».

Глава 11 – Проблеск успеха

Старый парк безмолвствовал, кутаясь в сумерках раннего утра. Девушка миновала кованые ворота с ржавыми, местами погнутыми, зубьями и медленно двинулась по вишневой аллее вглубь парка. Под ногами мерно хрустел снег, с небес срывалась ледяная крупа. Тянущийся по бокам разросшийся вишняк, укрытый рваной снежной шалью, словно недоверчиво прислушивался. Мало кто вторгался в такую рань в его владения. Это центральный городской парк всегда полнился людом, его дорожки чистились совками по зиме, а лавочки имели кованые завитки и звериные лапы вместо ножек, а этот на окраине города интересовал жителей лишь с весны, когда снег сходил ручьями, ветви покрывались изумрудной листвой, а на прогалинах расцветали куртины подснежников. Тогда у ворот теснились запряженные коляски, по аллее прогуливались статные кавалеры и барышни с кружевными зонтиками, желающими романтической прогулки. Нынче пришедшая в парк незнакомка была одна. Она медленно брела по длинной дорожке, созерцая зимний наряд деревьев, и остановилась у старой корявой вишни на повороте аллеи. Ладонь в перчатке погладила черную кору. Девушка прислонилась к стволу и закрыла глаза. Шепот, что срывался с девичьих губ, слышала разве что старая вишня. Дерево сочувственно покачивало верхушкой.

Когда совсем рассвело, Тиса с сожалением покинула понаправившийся ей парк. Душа будто омылась ледниковой водой и взбодрилась. Что бы не преподносила жизнь, надо воспринимать это как урок, и только так. Рич исчез из ее жизни, зато он вернулся в родную семью, и она рада за него. Пусть вэйн еще владеет ее своевольным сердцем, но ее разум принадлежит ей, и он сможет справиться с запретными порывами. А в парк надо бы наведываться почаще.

На подходе к дому Кадушкиных, Тису обогнали сани. Каурая лошадка повернула, и повозка встала у соседских ворот. С саней выбралась пара – судя по богатым норковым воротникам, видимо, те самые Вениамин и Матрена Голиковы, владельцы скорняжной лавки, о которых толковала Никифоровна. Тиса поздоровалась и удостоилась скупого кивка Матрены. Чубатый с подкрученными усами Вениамин улыбнулся молодой соседке, но тут же получил локтем в бок от жены. Дородная, как баба на чайнике, Матрена чуть ли не за шкирку ухватила супружника и потащила благоверного в дом.

Тиса пожала плечами и тут же забыла о странной парочке, так как из калитки нос высунул Устин и тут же юркнул обратно. Так! Она еще за проказы с ним не поговорила.

– Устин, подожди! Я хочу с тобой поговорить.

Войдя во двор, Тиса застала хозяйского сынка с косточ-

кой в руке. У ног мальчишки вертелась белая собака, виляя тонким хвостом:

– Куси ее, Силач! – с уморительной серьезностью приказал Устин. – Куси, кому говорю!

Но пес слушаться не собирался – худющий с рыжей подпалиной на белом боку, он неотрывно наблюдал за костью в руке мальчишки и облизывался.

– Мне кажется, эта кличка не совсем ему подходит, – усмехнулась Тиса.

– Не ваше дело, – убедившись, что проделка не удастся, Устин обижено буркнул: – Эх ты, предатель! – и бросил кость псу.

Подачка была поймана на лету и проглочена за долю секунды. Мальчишка подхватил пса на руки и давай бежать.

– Устин, зачем ты так? – вдогонку ему крикнула новая жилища. – Я же тебе плохого ничего не сделала. Или я не права?

Ни ответа не привета, что в колодец кричать.

Позже после стирки Тиса вывесила мокрое на улицу, в том числе и свою теплую косынку, которую решила освежить. В остатке дня с завидным упорством штудировала шуйские мечтания, заставляя себя из раза в раз представлять свою скромную персону ясным солнышком. Бред. Но если учитель считает, что он может ей помочь, то она, изнань возьми, будет им заниматься. После сцены с соблазнительной кочевницей, ее рвение расправиться с нежелательными видения-

ми прибавилось второе.

Утомленная частыми поисками последних дней, Тиса уснула крепким сном, что даже не слышала, как ночью разгулялась вьюга. А та выла в печной трубе, скрипела ставнями, посрывала с веревок стираное белье. Поутру пришлось собирать в таз и развешивать на дверях и кроватьных спинках. Благо, на урок нынче не к восьми часам как раньше, а к одиннадцати. Тиса успела и выспаться, и позавтракать, и одеться неторопливо.

Девушка замыкала флигель, когда услышала хлопок хозяйской двери. Алевтина с очередной большой корзиной наперевес выпятилась на крыльцо. Составив на перила ношу, она ловко надела рукавицы, а заведев постоялицу, окликнула:

– Вы на улицу, Тиса Лазаровна? Погодите, я с вами!

Женщина принялась давать наставления дочери, стоящей в сенях. Девчонка, кутаясь в огромный шерстяной платок, достающий уголком ей до колен, недовольно кивала.

– Следи за Устинкой, чтобы не баловался. Хватило мне от Голиковых выслушивать, как он их петуха снегом закидал!

– Ага! Уследишь его... – скривилась девчонка в ответ.

– Постарайся, доча! И еще сбегай в едальную, гречки купи. Вот тебе копейки. Отцу, смотри, не давай!

Натка ковырнула пальцами пару прыщиков на лбу, пока мать по рукам не стукнула:

– Не дави, а то еще больше вскочут! Дай взгляну.

– Ну, ма! – хныкнула девчонка и, застеснявшись постояннолицы, увильнула от рук матери.

– Не малюй больше той пакостью щеки. И вообще, Натася, не рано ли взялась лепоту наводить?

Девчонка не ответила.

– Ладно, – махнула рукой Алевтина. – Иди в дом, ноги застудишь. Спасибо, что подождали, Тиса Лазаровна!

Алевтина повесила на локоть корзину. И вместе с постояннолицей потопала со двора.

Из будки, стоящей возле сломанной телеги, к ним выскочил знакомый белый пес с рыжим пятном. Он вилял хвостом, как ветрило в ураган, но подойти близко не решался. Черный собачий нос втягивал запахи выпечки из корзины.

– Вот еще приبلудный цуцик на мою голову, – пожаловалась Алевтина. – Устька приволок, откель не пойми. Корми теперь этого блохастого, – посетовав, Кадушкина, однако вынула пирожок из корзины и бросила псу. – А вы не желаете пирожка, Тиса Лазаровна? Возьмите-возьмите, скажите, как вам начинка. Печенка, картошечка, лучок.

Пирожок оказался душистым, еще горячим и бесподобно вкусным, о чем Тиса и поведала хозяйке к довольствию последней.

За разговором дорога показалась недолгой. Войнова договорилась, что приобретет еще дров, и Аля обещала растормошить Гишку на их колку. Узнала, что обычно на Сотворение на площади у городского театра разворачиваются

большие гулянья и ярмарка. В этом году колдуны снова наколдуют ледяные горки, на которые со всей округи кататься приедут. А еще Алевтина охотно рассказала, как вчера относилa сдобу к ее бывшим хозяевам. «Баре живы-здоровы», и чуть ли не каждый вечер устраивают званые вечера. Слуги шепчутся о скорой помолвке их дочери Елизаветы Львовны и губернатора Эраста Проскулятова.

– Представляю, какая свадьба пышная будет! И заказ большой наверняка! – Алевтина мечтательно цокнула языком.

А Тиса подумала, что упаси Единый от такой великолепной партии. А Лиза-то какова? Крутила одним, а идет за богатого. Вот уж где искренности не ищи.

На мосту на сей раз Войнова лишь окинула молочные берега Патвы взглядом и потопаала вслед за хозяйкой. На Сапожной женщины расстались. Снова повалил снег, вмиг окутав город белой пеленой.

Ближе к центру идти стало легче, так как тротуары с раннего утра вышли чистить совками дворники. Хотя с такой метелью вскоре снова навалит. Плохо, что свою косынку пуховую она так и не нашла среди высушенного после стирки белья. Жаль. Тонкий шарфик, что на ее шее не спасал от холода, и за шиворот то и дело попадал снег. Тиса привычно миновала ворота с чугунной старушкой Евсифоной, не заметила, как обогнула главное здание и двинулась дальше в глубь сквера. И почему она не пожаловалась хозяйке

на Устина? Ведь собиралась. И не стала, решила не расстраивать Алевтину.

– Тис-с-сия, помоги мне! – неожиданно донес ветер, и девушка вздрогнула. Огляделась – никого. Лишь... черное здание расколотого надвое общежития виднелось за снегопадом.

– Помоги-и! – снова прошелестело жалостливо. – Поднимись сюда-а.

«Манила» – догадалась Тиса. По спине пробежал холодок – пробежал и исчез, как и не было. На развилке снежных тропинок девушка свернула в сторону старого корпуса и неожиданно уткнулась на своем пути в дворника, которого удивительным делом не заметила ранее. Григорий неторопливо расчищал дорожку деревянной совковой лопатой.

– Здравствуйте! Вы ее слышали? – взволнованно спросила Тиса мужчину.

– И вам не болеть, барышня, – разогнул спину мужчина. Он оперся на черенок лопаты и поправил шапку-ушанку, рассматривая неожиданную собеседницу. – Когой слышал?

Тиса подняла взгляд на старое общежитие и прикрыла рот ладонью. В проеме трещины, держась за ее края, стояла женщина в длинной белой сорочке. Судя по лицу – молодая. Белокожая до синевы. Коса растрепанная, словно из инея соткана. И верно, весь образ женщины имел неясные расплывчатые очертания. Призрак, самый настоящий.

– Её, – прошептала Войнова и указала на привидение. –

Вы видите?

В этот момент женщина в белом протянула руку и пома-
нила Тису. «Пожалуйс-ста, приди» – тихий шепот.

– Ох, ежкин кот! Это ж Манила! – брякнул дворник и да-
вай знамения святые на себя накладывать. Призрак покачал
головой и растворился на глазах. А Григорий схватил за ру-
ку девушку и поволок прочь от здания. – Вы говорите, она
вам что-то баяла, барышня?

– Прийти просила, – пролепетала Тиса.

– Не слушайте ее! – воскликнул Григорий. – Утащит на-
верх и сбросит, как пить дать! Нужно бы Мо Линичу порас-
сказать, уж при белом дне бродит чудище! А детки-то во-
круг, как бы лиха не приключилось!

– А Манила правда кого-то... – Тиса запнулась.

– Правда-правда, барышня. Не при мне дело было, а вот
Кряжкин, что до меня тут сторожевал, так и сказал: убилась
здесь девица!

Григорий постращал еще Тису для порядка, проводил до
нового общежития и распрощался.

В парадной общежития Войнова неожиданно наткнулась
на Климентия и еще двоих мужчин. Учитель, судя по недо-
вольному виду, оказался не в духе и выпроваживал посети-
телей, не желающих уходить.

– Пожалуйста, сударь искун! Коровка с телком пропала!
Увел кто-то! Помогите найти! – цеплялся за рукав Ложкина

мужичок в овечьей шапке.

– Говорю же вам, я животных не вижу!

– Мне бы за новорожденного внука бы узнать, уехала дочь на сносях в Багряновцы. Это село близ Белограда. Поди разрешилась уже! Прошу вас, Климентий Петрониевич! Вы же видящий! Я заплачу, вот, – второй горожанин потрянул звонкой мошной перед носом Ложкина. Лучше бы он этого не делал. Ложкин еще пуще насупился и выпроводил мужей в одну минуту.

– Неугомонные, – выдохнул видящий, переводя взгляд с тетки привратницы (которая тут же сделала вид, что занята только вязанием) на Тису. – Вы опоздали! – заявил блондин. Мужчина развернулся на каблуках и зашагал в сторону клуба. Его ученица без пререканий последовала за ним.

– А почему вы не захотели им помочь? Вы же видящий, – задала все же вертящийся на языке вопрос Тиса, переступая порог клуба. И тут же поймала на себе укоряющий взгляд Клары, стоящий в дверях опытной.

– Как и вы, – усмехнулся учитель. – Не знал, что вы так сердобольны, Тиса Лазаровна. Но не расстраивайтесь. Вы сами сможете помочь им, если, наконец, научитесь управлять даром.

Из опытной, потеснив Клару, выглянул неунывающий Строчка и подмигнул Тисе. Люсенька же обняла прибывшую, предложила как всегда свою теплую шаль и горячий чай, но Клим не позволил расслабиться, заявив, что чай сле-

дует распивать после выполненных занятий.

Тиса послушно прошла в кабинет.

Блондин сел за стол и подпер подбородок кулаком в ожидании. Зеленые глаза наблюдали за тем, как ученица выжила из сумки на стол писчие бумаги и брошюру мечтаний.

– Пробовали мечтать?

– Да, – слабо улыбнулась Тиса. – Только не уверена, что все верно получается. Порой воображения недостает. Например, когда надо представить, что из моего лба расходятся лучи, на миллионы верст округ. Не могу никак. Это же очень далеко!

– Ох, Тиса Лазаровна, – вздохнул учитель. – Обычно девицам не представляет сложности впасть в грезы, но вы, по всей видимости, редкое исключение.

– Встаньте, пожалуйста, – сказал учитель, и поднялся сам. Подошел ближе. – Есть одно упражнение. Смотрите, вот здесь, – он тронул пальцами свои виски, – есть точка, в которой биение сердца ощущается сильнее всего. Шуйцы называют ее «Нцы-Ду» – «освобождающая». Отвечает за нашу свободу воображения. Вы не там держите пальцы! – цыкнул Клим. – Позвольте показать?

Тиса кивнула и ощутила на своих висках легкие прохладные пальцы Ложкина. Учитель прикрыл глаза, прислушиваясь к ее пульсу. А девушка впервые разглядела учителя. Правильные черты, выразительная линия губ. Тиса отвела взгляд. Все же странно. Чужой человек и так близко. Она

заставила себя не думать об этом, довериться учителю, как лекарю и сосредоточиться на упражнении, которое хотел он показать. Ложкин переместил подушечки пальцев чуть ниже.

– Ваша Нцы-Ду именно здесь. Смотрите. Давите на точку, ждете секунду. Отпускаете на три счета. Давите две секунды, снова отпускаете. И так далее до одиннадцати секунд. Затем обратно.

Дверь неожиданно открылась, впуская Клару.

– Клим! Прости, там образец, не пойму с какой партии... – на этом речь Клары осеклась. Брюнетка замерла, раскрыв широко глаза.

Тиса непроизвольно отступила, осознавая, как выглядела со стороны. Климентий был рядом и держал ее лицо в ладонях, тут и подстрекать воображение давлением на Нцы-Ду не надо. И так галопом поскачет. Войнова открыла было рот, чтобы объяснить, но брюнетка, сказав, что ее вопрос подождет, удалилась.

Климентий же будто и не заметил неудобства, закончил объяснение.

– Вы поняли, или еще раз повторить?

– Нет-нет. Все понятно, спасибо, – поспешила заверить учителя Тиса.

– Тогда приступайте. Повторите три раза это упражнение. Затем перейдите к мечтаниям.

Итак, пока Клим просматривал свои бумаги, Тиса десять

минут давила себе виски, затем полчаса представляла себя светящимся ежиком с лучами вместо иголок. Да-а. Ганна и так об ее вменяемости беспокоилась, а узнай, чем она тут занимается, точно решила бы, что подруга окончательно сбрендилась на злой чужбине.

Однако то ли время настало, то ли мечтания с Нцы-Ду подействовали, но при очередной пробе увидеть Строчку – она увидела именно Виталия Стручкова! Слава Единому!

Туман долго мариновал ее и... выбросил в гостиную клуба! Зрение Виталия было необычным, и пришло понимание – дело в очках. В ее руках порхало перо, выводя на бумаге строчку за строчкой. Текст о земляных пластах и подземных реках.

Тиса мысленно ликовала своей победе! Она больше не улетит к вэйну! Она не будет больше страдать, наблюдая его жизнь... о-ох... зачем она о нем подумала? Нет-нет, только не это!

Гостиная наполнялась туманом. Миг – и комната скрылась в белой дымке, как прохуdivшаяся лодчонка в океане. Еще миг – и несносный дар ее выбросил... на влажный истоптанный снег у порога серого здания казенного вида.

Ее хлопал по плечу Агап Фомич. За спиной лекаря стояли крытые большие сани, запряженные парой гнедых. На козлах сидел молодой кучер в драповом мундире.

– Мой лекарский корпус и привычная работа – это все, что нынче мне надо. Не сердчай на меня.

– Не спорю, я рассчитывал встретиться с тобой сотворенские. Но понимаю, хоть и грущу. Прости, отец, доставить тебя лично до Увега не могу.

– Что ты, – отмахнулся старик. – Достаточно, что ты всю Ижскую вэйностражу из-за меня взбаламутил. Куда ж еще больше? Итак, как император в удобствах поеду, – старик качнул головой в сторону саней.

– Знаешь, – Демьян перевел взгляд на зарешеченные окна здания. – Тиса так и не вернулась в Увег, хотя прошло уже тридцать девять дней. Значит, я просчитался и есть другая причина ее отъезда? – вэйн снова взглянул на старика.

– Дема, – вздохнул старик. – Поверь, я не скрываю. Девчонку тогда было не узнать, молчала, упрямая, как сыч. И сдается мне, что ты сейчас знаешь больше моего. Я прав? – хмыкнул старик.

– Но не причину, – покачал головой вэйн.

Тиса почувствовала, как ее душу снова охватывает смятение. Нет, определенно нужно с этим бороться.

Прощание завершилось короткими объятиями и обещаниями встретиться. Тиса смотрела вслед саням и разок махнула рукой вэйна. Казалось, сейчас бы дар отпустил бы ее, но он вцепился в нее, как щука в хвост плотвы и отпустить не собирался. Демьян вошел внутрь здания, поднялся по лестнице, говорил с людьми о скором переходе из Ижеска

в Крассбург, но Тиса не вдавалась в подробности, стараясь отрепшиться от чужой яви и терпеливо ожидая конца вынужденного плена.

Вскоре главвзя вежливо пригласили войти в арку. И подзваченный тянущей легкостью вэйновского перехода колдун перенесся в столицу, а именно, в оживленную порталъную ССВ. Откуда последовал уже знакомым Тисе путем по темно-зеленым ковровым дорожкам в собственный кабинет.

В приемной вытянулся Мокий, прижимая к груди очередные подлежащие рассмотрению бумаги.

– Что там сегодня? – бросил вэйн, стягивая с плеч пальто.

– Собрание выписок Хорнодарского округа за последние четыре месяца с отметками всплесков вэй, как вы просили. И еще вот. Пришел ответ, Демьян Тимофеевич. По внеочередному расследованию. Раскрыть конверт и зачитать?

– Не надо, – поторопился отказать колдун. – Дай-ка мне. – Демьян забрал бумаги и какое-то время смотрел на запечатанный конверт с печатью ССВ. Тиса уловила, как гулко застучало сердце в его груди.

Решившись, вэйн подцепил клапан загадочного конверта, но в следующее мгновение замер, будто прислушиваясь к себе, обернулся:

– Мокий, давно меня ожидает посетитель?

Тиса сперва решила, что имела место ошибка. Ведь когда колдун вошел из приемной в кабинет, то он оказался пуст.

Однако глаза быстро сфокусировались на крупной черной птице, начищающей длинный клюв на карнизе за окном.

– К вам Грач, – подтвердил Мокий, уже час ждет.

– Отлично. Явился, наконец, смоляной нос, – усмехнулся Невзоров. – Мокий, сделай-ка нам, кофе для меня и чай с калиной для гостя.

Оставив бумаги на столе, Демьян поддел щеколду форточки и распахнул ее. Грач тотчас влетел в кабинет и шустро спланировал на сидение кресла. Птица гаркнула приветственно, распушила перья, блестя бусинами глаз.оборот произошёл так же быстро, как и у Рича. И на кресле за мгновенье появился сидящий на корточках седой, хоть и не старьй, мужчина с выдающимся горбатым носом. Одет он был не по погоде легко – мятьй черньй стуртук. Под ним – несвежего вида и, наверно, все же белая в прошлом, ма-нишка, надетая на голое тело.

– Значит, это правда. Ты и в стратегическом? – произнес хрипло Грач, прочистил горло и продолжил отрывисто, словно учился заново владеть голосом. – Не скучно в четырёх стенах, опервэйн? Клювом клянусь, я бы сдох в неволе!

Оборотень свесил ноги, усаживаясь по-человечески в кресле.

– А я этого тебе и не предлагаю, – Демьян сплел руки на груди и присел на край стола. – Тебе бы помытьсся, вольный птах, а то в полях своих совсем забыл, что такое чистоплотность.

Грач отмахнулся:

– Успею еще вспомнить, – и широко улыбнулся, увидев Мокия, вносящего поднос с парой чашек и вазочкой, наполненной горькой кускового сахара. Не успел парень выйти, как Грач схватил чашку чая с калиной и жадно отхлебнул.

Демьян какое-то время тоже потягивал густой горький кофе из своей чашки, наблюдая за щурящимся от блаженства знакомым, затем приступил к разговору.

– Ты мне нужен, Зосим, – и убедившись, что Грач, наконец, внимает, продолжил. – За мальчишкой одним присмотришь, из кочевников. Табор стоит в Локотне. Сдается мне, очень скоро за ним придут. Почти уверен в том, что это будут люди Бут-Шеро.

– Правящего совета кочевников? – шмыгнул разогретым от напитка носом Грач. – А с чего такая честь пацану?

– Он ваших кровей.

– А ипостась? – заинтересовался Зосим.

– Медведь.

– Неплохо.

– Да, – Демьян постукал пальцами по столу. – И придут за ним скорей всего тоже ваши. От тебя требуется сообщить мне сразу же, как только высокие гости появятся в Рупув.

Грач кивнул:

– Сделаю, главвэй, – он вдруг дернулся, изогнул неестественно для человека шею, затем поднял руку и носом поче-

сал подмышку.

– Иди-ка ты в баню, милейший, – скривился Невзоров. – Потом обязательно поешь и спать. Вот ключи, можешь воспользоваться моей служебной квартирой. Завтра вылетай.

– Спасибо, Демьян! – поблагодарил от души оборотень. Он поднялся с кресла, на сей раз почесывая пятерней шею.

– Не за что. Ступай уже, что ли.

***

Она очнулась на диванчике гостиной. Стоило чуть пошевелиться, как разболелась и закружилась голова. Когда же ее прекратит одолевать слабость после поиска? Климентий говорил, это пройдет, если чаще пользоваться даром. Куда ж еще чаще? И так она ежедневно в чужих телах пребывает, себя бы за тем не забыть.

Тиса огляделась, не обнаружив никого кроме себя в гостиной. Пока пребывала в видении, кто-то заботливо подложил ей под голову подушку. Ноги окутывал шерстяной плед. Должно быть, Люся, добрая душа, позаботилась, вновь решив, что она мерзнет. Спасибо ей.

Видящая закрыла глаза, вспоминая последнее видение.

Демьян уверен, что за Ричем должны прийти оборотни из Бут-Шеро. Почему? Он оборотень, да, но он же еще ребенок. Зачем он им? Нехорошее предчувствие стеснило грудь. Бо-

же, она далеко и ничем не сможет помочь.

– Демьян, ты обещал позаботиться, – прошептала Тиса, как молитву. – Ты обещал.

Имя вэйна, произнесенное вслух придало уверенности. Да, колдун присмотрит за Ричем и не позволит случиться худому, без сомнения. Что греха таить, с этим человеком она всегда чувствовала себя надежно.

Тиса глубоко вздохнула и отвернулась к спинке дивана.

Демьян признался Агапу, что его беспокоит ее долгосрочный отъезд, и вэйн не понимает причины, что ее удерживает на чужбине. Все верно. Только Ганна знает, что ее погнало из дома жгучее желание – перестать видеть колдуна в навязанных даром видениях. Единый, помоги скорее разрешить эту проблему.

«Я боюсь, – прошептала девушка, – с каждым новым видением боюсь, что это мое желание изменится на прямо противоположное».

Чем дальше, тем опаснее становятся для нее эти полеты к вэйну, тем труднее удерживать сердце в узде. Оно же не понимает, что приворожено.

Войнова заставила себя сесть. На столике белела стопка исписанных листов и потрепанная на углах обложки книга с названием «Недроведение», та самая с которой списывал текст Строчка. А ведь у нее получилось вначале увидеть Виталия. Точно. Получилось! Нужно сообщить Климентии Петрониевичу об этом.

Нетвердым шагом Тиса направилась к закрытой двери кабинета и, добравшись до нее, прикоснулась плечом к стене. За дверью слышался разговор. Ложкин говорил с Кларой. Тиса собиралась постучаться, но вдруг поняла, что речь ведется о ее солнечной персоне.

– Слепые вы, – иронизировала Клара. – Эта якобы видящая крутит вами. Тобой, Строчкой и Люськой. Придет, выпитая, краса спящая. А рыцари ее с кресла на диван перетаскивают. Ха-ха. Хорошо устроилась! Она не искун, Клим, я в этом уверена! Есть хоть одно доказательство в обратном?

– Клара, она платит большие деньги за обучение. Зачем по-твоему? – голос учителя выдавал раздражение, но в целом казался спокойным, будто Ложкина в сей момент занимало нечто другое, а брюнетка досадно отвлекала.

– Ради показухи, конечно! Неужели не понятно? Чтобы пальцем на улице показывали: смотри-ка видящая пошла, – стараясь придать голосу непринужденный доброжелательный тон, продолжила убеждать Клара.

– Чушь. Она видит, – буркнул блондин, – просто пока избирательно. Настроена только на близких и это ослепляет ее. Как, если бы смотреть на солнце, и не видеть окружения.

– Из чего ты сделал подобный вывод? С ее слов? – фыркнула девушка. – О Боже, откуда такая наивность? Люси заразила? Ты же не хотел брать учеников, Клим. Сам говорил – обуза на твою голову. У нас дел невпроворот, а ты возишься

с ней, только время тратишь.

– Мо Ши надавил на меня и... Пстой, а Рюмов вернул инвентарь? – обеспокоенно произнес Климентий. – Его артель больно шельмоватая. Запиши, надо сходить на склад, перепроверить.

– Ты не слушаешь меня, Клим! – воскликнула обиженно девушка.

– Клара, – перебил строго блондин. Похоже, его терпение истощилось, – осторожней с образцом, верни на место, пока не разбила. И хватит пустомелить. Позволь мне самому решать, кого учить, а кого нет.

Клара не ответила, вместо этого вышла из кабинета, чуть не набив лоб, стоящей у двери Тисы. Она бросила в девушку убийственный взгляд, и унеслась в опытную.

«Боже, как неудобно», – подумала Тиса, представ пред зелеными глазами учителя.

Но Климентий, будто и не было только что обличительной речи, отнесся к ученице дружелюбно. И даже порадовался успеху последней, сказав, что они двигаются верным путем.

– Вы собираетесь далее учиться, Тиса Лазаровна? – спросил Ложкин напоследок, закончив перечислять домашнее задание.

Конечно она собиралась. После этого проблеска успеха со Строчкой, тем более!

– Тогда не забудьте оплатить занятия.

Это называется – с небес на землю. Проямлив в ответ,

что сегодня как раз внесет нужную сумму, отправилась пить чай со Строчкой и Люсей. Последняя, прознав, что видящая пришла в себя, принесла-таки самовар в гостиную. Клара и Клим от чая отказались, сославшись на множество дел. Возможно, к лучшему.

Разговор повелся легкий. Ее поздравили с первым успехом. Затем заговорили о предстоящих праздничных днях и благотворительном концерте, на котором соберутся сливки местного общества, и вскоре Тиса даже согрелась в теплой компании. И даже не заметила, как пообещала, что тоже придет на концерт поддержать мужчин. Люся обняла видящую за плечи.

– Тиса, приходи обязательно. После концерта вместе пойдем на ярмарку, а потом будет праздничный вэйновский салют! Это так прекрасно! – сложила ладоши Люсенька.

– Если наш толстяк-погодник с теткой Агатой расщедрятся к-как в прошлый год и наплетут наклад, – усмехнулся Строчка, ломая в пальцах бублик и засовывая половинку себе в рот.

– С кем, с кем? – переспросила Тиса. Она замерла с блюдцем в руках, услышав знакомое имя.

– С Агатой, – повторил Строчка с набитым ртом.

– Это почтенная вэйна, – объяснила Люся. – В городе ее все знают. Я всегда беру папе растирку от боли в спине в лавке Агаты Федоровны. У нее и цены не кусачие. Знаешь, это на Боровой.

Люся продолжила объяснять, а Тиса неожиданно для себя впервые серьезно задумалась, о возможности работать у вэйны.

Глава 12 – Аптека Агаты

Расставаться с половиной денег, которые изначально были отложены на обратную дорогу домой, оказалось тяжело. Подавив печальный вздох, Тиса таки просунула их в окошко счетного отдела. В итоге школу одаренных покинула с гнетущим чувством обделенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.